

РЕТИФ-ДЕ-ЛА-БРЕТОН

**ЮЖНОЕ ОТКРЫТИЕ,
произведенное
летающим человеком,
ИЛИ
ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕДАЛ**

*Общая редакция В. П. Волгина
Вступительная статья и комментарии
А. Р. Иоаннисяна*

А С А Д Е М И А
Москва — Ленинград
1936

N. E. RETIF DE LA BRETONNE

1784 — 1806.

LA DÉCOUVERTE AUSTRALE
par un Homme-volant,
ou
LE DÉDALE FRANÇAIS

*Супер-обложка и переплет
по рисункам Н. П. Дмитриевского*

РЕТИФ-ДЕ-ЛА-БРЕТОН

1

„Быть может, вы видели редкую книгу Ретифа „Coeur humain dévoilé“ или слышали о ней? Я теперь прочитал ее, и, невзирая на все, что в ней содержится отталкивающего, плоского и возмутительного, получил большое удовольствие. Ибо мне еще не встречалась столь сильно чувственная натура, а разнообразие выведенных образов, особенно женских, живичность и реальность в описании, характерное в нравах и изображении французских национальных свойств в известном классе народа должны заинтересовать. Для меня, имеющего столь мало случаев черпать извне и изучать людей в жизни, подобная книга, к категории которой я причисляю также Челлони, имеет громадную ценность“. Так характеризует Шиллер в своем письме к Гёте от 2 января 1798 г.¹ много-

¹ „Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794 bis 1805“, Stuttgart, Verlag von W. Spemann, 2. Band, S. 5—6.

томную автобиографию Ретифа-де-ла-Бретон „Monsieur Nicolas, ou le Coeur humain dévoilé“. Великий немецкий писатель, несомненно, имел основание отметить реализм описания в автобиографии Ретифа и ставить „Месьё Николà“ рядом с такими произведениями, как „Жизнеописание“ Бенвенуто Челлини. Действительно, в мировой литературе трудно найти другой автобиографический памятник, более близкий жизнеописанию знаменитого итальянца по своей непосредственности и доходящей порой до цинизма откровенности. Автобиография Ретифа, наряду с некоторыми другими, дошедшими до нас, материалами, и дает возможность, без существенных пробелов, проследить его жизненный путь.

Николà-Эдм Ретиф¹ родился 23 ноября 1734 г. в нижнебургундской деревне Саси. Его отец принадлежал к зажиточной крестьянской верхушке, к местной сельской буржуазии. Неудивительно поэтому, что детство его любимого младшего сына, первенца от второго брака, протекало счастливо и беззаботно. С пятилетнего возраста он уже посещал школу, познакомившую его, правда, только с латинскими книгами, которые он выучился читать не понимая, и с кнутом, которым сельский учитель не скупился пользоваться для вразумления нерадивых, по его мнению, учеников.

В октябре 1746 г. отец отвез двенадцатилетнего мальчика в Париж и поместил в янсенистском детском пансионе, находившемся под руководством одного из его старших сыновей от первого брака. Долго оста-

¹ La Bretonne (или La Bretonne) — это псевдоним, заимствованный от названия фермы отца; под этим псевдонимом Ретиф издал свое первое произведение, а впоследствии прибавлял его к своей настоящей фамилии, откуда и его авторское имя — Rétif, или Restif de la Bretonne,

ваться в пансионе Никола, однако, не пришлось. Через год, в результате волны репрессий против янсенизма, его брат оказался принужденным покинуть вместе с ним Париж. Вскоре, с согласия родителей, он поселился с Никола в деревне Куржи, в трех километрах от города Оксера, в доме другого старшего брата — сельского кюре. Братья должны были обучать Никола латыни, с тем чтобы он мог в дальнейшем поступить в семинарию в Оксере.

За три года, проведенные им в Куржи, мальчик превратился в юношу. Это были годы, когда он испытал свою первую, настоящую юношескую любовь, описанию которой посвящены многие страницы его автобиографии, относящиеся к этому периоду. Это были годы, когда развивающийся юноша, живя в мире грез, строил воздушные замки о своей будущей жизни, женитьбе на любимой девушке и т. п. Но одновременно это были годы серой, скучной и подчас тяжелой жизни под бдительным надзором двух сухих фанатиков янсенистов, стремившихся подавить в юноше не только всю жизнерадостность, все свойственные его возрасту стремления, но и жажду знания и всякое проявление его природных способностей. Неудивительно, что это приводило к постоянным конфликтам между братьями, а после того, как в руки его менторов попала написанная им поэма фривольного содержания, положение Никола в Куржи стало совершенно невыносимым, так что отец, в конце концов, принужден был забрать его к себе домой в Саси.

Крушение планов, связанных с духовной карьерой младшего сына, заставило богатого крестьянина искать других путей, чтобы вывести его в люди. С этой целью в следующем, 1751 г. он определил его учеником в одну из крупных провинциальных типографий—

типографию Фурнье в Оксере. За четырехлетний период ученичества Никола́ не только обучился типографскому делу, но и пополнил свое литературное образование. В Оксере он впервые оказался окончательно избавленным от всякого контроля и получил возможность пользоваться обильной литературой. Именно в этот период он познакомился с французскими классиками, с образцами иностранной литературы, с произведениями знаменитых современников. Этому самообразованию содействовало и то обстоятельство, что в доме Фурнье, женатого на дочери друга его отца, он занял положение не рядового ученика, а члена семейства. И в городе, не в пример другим ученикам, Ретиф проник, через посредство хозяйки, в круг местного „высшего“ буржуазного общества. Правда, он общался в то же время и с представителями общественных низов, что объяснялось не только его близостью по работе с типографскими рабочими, но было связано и с его разгульным образом жизни — уже в эти ранние годы он зарекомендовал себя местным Дон-Жуаном. Его любовные похождения и явились, в конце концов, основной причиной, заставившей его покинуть гостеприимный Оксер. Окончательно запутавшись в своих любовных делах, он оказался принужденным летом 1755 г., вскоре после окончания срока ученичества, „обратиться в бегство“ и отправиться искать счастья в Париж.

В столице молодой человек без связей и знакомств очутился, естественно, на самом низу общественной лестницы. Он оказался „просто рабочим“, переходящим из одной типографии в другую, чтобы тяжелым трудом добывать себе скудные средства к существованию. По собственной характеристике, в первые годы своего пребывания в Париже он жил как

автомат, работавший в будние дни и отдохавший по воскресеньям. Теперь он вращался исключительно в среде своих сотоварищей по работе. Место же дам и барышень „из общества“ заняли гризетки, мелкие артистки и проститутки. Однако постепенно улучшилось и его материальное и его общественное положение. В 1764 г. он стал уже фактором и фактически заведующим одной из крупных парижских типографий. Такого положения он достиг благодаря приобретенной им за 13 лет работы высокой квалификации, превратившей его в одного из лучших специалистов типографского дела своего времени.

Но Ретифу не было суждено мирно заниматься своей профессией. Уже в следующем году в его жизни произошел крутой перелом: из типографского рабочего он превратился в литератора. В своей автобиографии он подробно описывает начало своей литературной деятельности, непосредственные причины и поводы, побудившие его взяться за перо. Первые литературные опыты Ретифа относятся к юношеским годам, когда он сочинял в невероятном количестве любовные стихотворения, писал целые поэмы и даже пробовал свои силы в области романа. По-настоящему же он взялся за перо лишь в тридцатилетнем возрасте, в 1765 г., когда почувствовал способность написать роман не хуже печатавшихся в типографии, где он работал. Вначале его попытка потерпела фиаско, но уже в следующем году он закончил свое первое произведение „Добродетельная семья („La Famille vertueuse“). Благодаря своему положению фактора ему легко удалось отпечатать первый опыт своего пера.

Вырученная от продажи издания неслыханно большая для него сумма в 780 ливров вскружила голову

молодому писателю. Не привыкнув долго раздумывать, он сразу же принял решение отказаться от должности фактора и заняться исключительно литературным трудом. Но и на этом новом поприще ему на первых порах пришлось очень тяжело. Его произведения, которые он неумоимо составлял одно за другим и с громадным трудом и мытарствами проводил через цензуру, не приносили в первое время сколько-нибудь приличного и регулярного дохода, так как начинающего, неизвестного писателя, без всяких связей и общественного положения, постоянно обманывали как книготорговцы, так и компаньоны, с которыми он вступал в соглашения для издания своих сочинений, не говоря уже о контрафакциях, наносивших ему большой материальный ущерб. В результате, несмотря на то, что он сам принимал активное участие в печатании своих произведений, подчас даже занимаясь набором в типографии, в первое десятилетие своей литературной деятельности он жил в нужде, с трудом перебиваясь.

Перелом наступил лишь в 1775 г., после опубликования его романа „Развращенный крестьянин, или Опасности города“ („Le Paysan perverti, ou les Dangers de la ville“). Успех этого романа, на который обратили внимание, правда, не в особенно благожелательном смысле, даже в высших литературных сферах, сделал имя Ретифа известным в широких кругах читающей публики. С материальной стороны успех романа также оказал решающее влияние на судьбу доселе неизвестного писателя, обеспечив выгодный сбыт его дальнейшим сочинениям. Под знаком улучшения материального и общественного положения и проходит поэтому для Ретифа пятнадцатилетие между появлением „Развращенного крестьянина“ и революцией.

Последующие опубликованные им произведения, особенно многотомное собрание новелл „Современницы“ („Les Contemporaines“), которые, по утверждению Гольдони, были в то время „известны всему свету“, закрепили его литературный успех. В восьмидесятых годах его имя становится известным не только во Франции, но и за границей. Он приобретает горячих поклонников не только на родине, но и в других европейских странах, особенно в Германии и Швейцарии. У него завязываются связи с литературными кругами и знакомства не только в интеллигентской, но и в буржуазной и аристократической среде. Правда, он так никогда и не проник в качестве равноправного члена в высшие литературные сферы, хотя посещал некоторые литературные салоны, в том числе салон графини Богарне, будущей свойственницы Наполеона. Правда, им по большей части интересовались снисходительно-свысока, как оригинальным и эксцентричным писателем „из народа“, что особенно относится к его „друзьям“ из среды аристократии. Но все же он приобрел в этот период и подлинных, ценивших его, друзей, в том числе и среди литераторов. Из его литературных связей интересно отметить его знакомство с автором знаменитой трилогии Бомарше и его тесную дружбу, основанную на взаимной литературной симпатии, с реформатором театра, автором „Картин Парижа“ Луи-Себастьяном Мерсье. Среди его знакомых и друзей восьмидесятых годов мы встречаем также и будущих представителей и вождей левых общественных течений эпохи революции. Мы имеем в виду не только более или менее случайные знакомства (как, например, знакомство с будущим якобинцем Колло-д'Эрбуа), но, прежде всего, длительные и близкие отношения, связывавшие Ре-

тифа с одним из основателей „Социального клуба“ Никола́ Бонневиллем и с известным участником заговора Бабёфа, автором „Манифеста равных“, Сильвеном Марешалем.

Революция оказалась для Ретифа роковой, с точки зрения его личного благосостояния. В период революции он не только потерял, главным образом в результате падения ассигнатов, скопленные им сбережения, но и лишился своих литературных доходов. Его сочинения, широко расходившиеся в восьмидесятых годах, часто несколькими изданиями, не находили теперь, в бурные революционные годы, никакого сбыта и залеживались у него на дому. Он оказался отрезанным от своих европейских читателей, а в самой Франции, среди колоссальных социальных сдвигов, напряженной классовой борьбы и грандиозных исторических событий, никто больше не интересовался его многотомными произведениями. Из известного писателя он превратился в никому не нужного, почти всеми забытого старика.

Годы революции проходят поэтому для Ретифа под знаком борьбы за существование. Вначале он пытается поправить свои дела, обзаведясь маленькой домашней типографией, но она лишь ускоряет его разорение. В 1794 г., в шестидесятилетнем возрасте, он поступает корректором в типографию „Бюллетеня законов“. Согласно декрету конвента, в январе 1795 г. он в числе прочих литераторов получает единовременное пособие в размере двух тысяч ливров, но одновременно лишается надежды на постоянное материальное обеспечение вследствие провала его кандидатуры в организованный в том же году Национальный институт. В 1796 г. Ретиф обращается к директории с призывом о помощи. В 1797 г. он вы-

ставляет свою кандидатуру на получение кафедры истории в центральной школе департамента Алье, а в апреле следующего года поступает на службу в министерство полиции, где скоро переводится на работу в „черный кабинет“, в отдел перлюстрации, в качестве переводчика с испанского. На этом месте, обеспечивающем ему средства к существованию, Ретиф остается до середины 1802 г., когда его увольняют.

Таковы известные нам, главным образом, по архивным данным, внешние факты его жизни в период революции. В последний период его жизни ему оказывала, правда, поддержку его старая знакомая Фанни де-Богарне, поддерживавшая его также и морально, поскольку лишь в возродившемся салоне бывшей графини, ставшей свойственницей генерала Бонапарта, он, почти всеми забытый, продолжал чувствовать себя писателем. В самые же последние годы, по сообщению его друга, поэта Кюбьер-Пальмезо, он находился под неустанным уходом и наблюдением своих близких. Но и сам Кюбьер вынужден признать, что он и в эти годы жил в условиях, весьма близких к нужде. Разбитый под конец параличом, Ретиф скончался 3 февраля 1806 г., на семьдесят втором году жизни.

2

Литературное наследство Ретифа поистине колоссально. Им написано свыше сорока произведений — около двухсот томов. Большинство этих произведений — произведения беллетристические. Ретиф всегда был известен, прежде всего, как беллетрист. Необходимо поэтому, хотя бы кратко, охарактеризовать его с этой

стороны, тем более, что его художественное творчество органически связано с его общественными воззрениями и идеалами.

Даже в счастливую пору своей жизни, в период наибольшей своей известности, Ретиф пользовался репутацией представителя низшей, третьесортной, „бульварной“, как выразились бы мы теперь, литературы. Весьма характерна в этом отношении позиция знаменитой „Литературной корреспонденции“ Гримма, Мейстера и их сотрудников, рассылавшейся в рукописном виде высокопоставленным подписчикам всей Европы и державшей их в курсе литературных, театральных, политических и светских новостей Парижа. „Корреспонденция“, снисходя иногда до упоминания некоторых произведений Ретифа, склонна бывала подчас признать в нем даже дарование, но одновременно упрекала его за слишком нескромную кисть, вольную композицию и особенно за выбор „низких“ героев. Примерно так же отзывались о Ретифе и другие представители высшего литературного света, как, например, Метра, считавший даже возможным в своей „Секретной корреспонденции“ издеваться, играя словами, над бывшим социальным положением писателя, или знаменитый критик Лагарп, упрекавший Ретифа за плохой стиль и вкус и причислявший его к самым плохим писателям.

Представители официального литературного мира, а также их многочисленные столичные и провинциальные подголоски имели, несомненно, основание проводить резкую грань между собой и Ретифом. Действительно, как в области формы, так и в области содержания между салонной литературой эпохи и произведениями Ретифа лежала целая пропасть. На фоне французской литературы второй половины

XVIII столетия произведения Ретифа выделялись описанием жизни и быта низших классов и своим безыскусным и необработанным стилем.

Все художественные произведения Ретифа основаны на жизненных фактах. Все его повести и романы имеют, как он сам выражается, „базу“, взятую из реальной жизни. Без подобных „баз“ он вообще не был в состоянии творить. Он не только не скрывает этого обстоятельства, но и сам старательно указывает, а иногда и документально обосновывает „базы“ своих произведений. Это не значит, конечно, что ему не было знакомо творческое вдохновение. Но, как он сам отмечает, не в сочинении басен, а в описании жизненной правды находил он удовлетворение своей творческой потребности¹.

Стремясь к описанию жизненной правды, Ретиф должен был, естественно, обращаться прежде всего к хорошо знакомым ему фактам, в первую очередь к фактам собственной жизни. А жизнь его, со всем своим разнохарактерным опытом и, в частности, бесчисленными и разнообразными любовными приключениями, действительно давала обильные материалы для творчества. Поэтому большинство его произведений построено на автобиографических материалах, а не

¹ См., например, его своего рода программное предисловие к „Les Contemporaînes“, в котором он останавливается на своих литературных принципах. Описание жизненной правды он выдвигал в качестве театрического принципа для всех видов литературы и искусства вообще. Он считал, в частности, необходимым перестроить на реалистических началах также и театр, посвятив этому специальный реформаторский проект „Мимограф“ („La Mimographe“, ou Idées d'une honnête femme pour la réformation du théâtre national“, Amsterdam—La Haie 1770), близкий по своим общим принципам к теории буржуазной драмы Дядро — Мерсье, особенно к демократическим стремлениям последнего с его требованием изображения на сцене жизни низших сословий.

которые представляют прямо простой пересказ эпизодов его жизни, без всяких добавлений и прикрас, без всякой „романизации“, как он выражался. В результате часто стирается грань между его художественным произведением в собственном смысле слова и автобиографией, так что подчас его романы носят, по его собственному признанию, характер обыкновенного дневника.

Не довольствуясь, однако, пересказом фактов и приключений собственной жизни, он искал и другие реальные „базы“ для своих произведений. Прежде всего он стремился получить, от кого только мог, интересные житейские материалы. Не ограничиваясь знакомыми, он обращался со специальными призывами ко всем своим читателям, предлагая поставлять ему бытовые материалы для его произведений, сообщать интересные житейские факты, пересылая „канвы“ для его новелл. Но главным образом он базировался на материалах, собранных путем собственных систематических наблюдений. А наблюдения эти он делал не случайно и произвольно. Регулярно и систематически собирал он необходимые ему, как выразился бы Золя, „человеческие документы“. По сообщению его друга Кюбьер-Пальмезо, он имел обыкновение, возвращаясь по вечерам домой, записывать все, что видел и слышал за день, а потом публиковать все это. Он сам тоже свидетельствует, что каждое утро записывал то, что видел накануне, и использовал эти записи для своих произведений. В течение десятков лет бродил он каждую ночь по Парижу в целях сбора „человеческих документов“. В результате этих систематических наблюдений и возникло одно из самых интересных и в то же время наиболее оригинальных его сочинений — „Ночи Парижа“ („Les Nuits de Paris,

ou le Spectateur nocturne“). Трудно даже точно охарактеризовать это многотомное произведение, — собрание ли это повестей, объединенных под одним названием очерки, или хроника. В нем описывается все, что удалось наблюдать автору в его ночных похождениях, описывается при этом не в „романизованном“ виде, а в виде зарисовок с натуры. Знакомясь с этим произведением, читатель как бы погружается в повседневную жизнь предреволюционного Парижа. Вместе с автором он бродит по парижским улицам, наблюдая самые различные бытовые сцены — уличные инциденты, любовные свидания, драки, пьянство, поимку воров, пожары, народные празднества, свадьбы, похороны и т. п. Вместе с автором он посещает бани, игорные дома, бильярдные, кабаки, театры. Таков характер этого оригинального произведения, придающий ему большую историческую ценность, как своеобразному дополнению к знаменитым „Картинам Парижа“ Мерсье. Но для оценки Ретифа как художественного писателя „Ночи Парижа“ любопытны в другом отношении. Если, как мы видели, описание эпизодов собственной жизни выливается у него в большинстве случаев в простой их пересказ, стирая грань между художественным произведением и автобиографией, то использование собранных им „человеческих документов“, — как это особенно наглядно видно на примере „Ночей Парижа“, — принимает у него часто форму простого их воспроизведения, без художественной переработки, форму простого репортажа.

Этим самым, однако, обуславливается оценка Ретифа как писателя, его места и значения во французской литературе. В литературоведении распространено мнение о Ретифе как о предшественнике

натурализма XIX столетия¹. Не упуская из виду всей специфичности известного под этим названием литературного течения связанного своим возникновением и развитием с иной эпохой, следует все же признать, что выдвигаемые Ретифом в его произведениях восьмидесятых годов литературные принципы и его метод собирания материалов, несомненно, в известной мере превосходят теорию и практику натуралистической школы XIX века². Хотя в XVIII столетии имелись традиции реалистического романа, романа Лесажа и Мариво, хотя сентиментализму, под несомненным влиянием которого Ретиф начал свою литературную деятельность, и в частности школе Руссо, эволюционировавшей от сентиментализма к романтизму, не было чуждо стремление к изображению повседневной жизни, однако Ретиф со своими литературными методами и приемами, несомненно, занимает своеобразное место во французской литературе XVIII столетия. Методы эти и приемы не дают, однако, права характеризовать его как натуралиста в современном значении этого слова. В своем творчестве он, несомненно, стремится к реалистическому отображению действительности, к социальным обобще-

¹ См., например, Restif de la Bretonne, Mes inscriptions, предисловие Коттэна, р. XCV; André Le Breton, „Le roman au dix-huitième siècle“, Paris 1898, р. 314—315; E. Dühren, „Retif de la Bretonne, Der Mensch, der Schriftsteller, der Reformator“, Berlin 1906; М. Н. Розанов, „Жан-Жак Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX века“, т. I, Москва 1910, стр. 343; и пр.

² Интересно, что ему не был даже чужд „научный“, естественно-исторический подход к своему творчеству. Он преследовал цель дать в своих произведениях „анатомию“ человеческого сердца, вскрыть мотивы человеческих поступков. Он называл свою автобиографию книгой „естественной истории“ и сравнивал себя с Бюффеном. См. Restif de la Bretonne, „Monsieur Nicolas, ou le Coeur humain dévoilé“, Paris 1883, t. I, р. 24, 27, 28, 41; t. X, р. 131.

ниям, к изображению социальных типов, к вскрытию типичного в социальных явлениях, как в этом мы сможем далее убедиться на примере его лучшего романа „Развращенный крестьянин“. Другое дело, что это его стремление находится в определенном несоответствии с его художественными возможностями и что поэтому, иногда возвышаясь до подлинного художественного реализма, он нередко, особенно во втором периоде своей литературной деятельности, ограничивается, но существу, лишь копированием внешних черт современной ему действительности, вскрывая ее сущность не художественными, а логическо-рассудочными средствами. Воспроизводя действительно почти без всякой художественной переработки, низводя свои произведения до уровня автобиографической записки или простого описания, он часто лишает их вследствие этого художественной ценности. Отсутствие художественной отделки находит свое отражение и в его стиле. Фотографируя действительность, он воспроизводит язык улицы, наречия и народный говор. Его произведения полны не только неологизмов, но и вопиющих нарушений элементарных правил грамматики. Таким образом, и его стиль не только не способствует повышению художественной ценности его произведений, а, наоборот, еще более снижает их художественный уровень. По художественной ценности и значимости своих произведений Ретиф остается поэтому лишь второразрядным французским писателем XVIII столетия.

Ретиф выделялся, однако, на фоне современной ему литературы и своей тематикой. Представители современной ему аристократической литературы вообще игнорировали народ. Представители буржуазной литературы иногда опускались до народа. Ретиф же

в своей литературной деятельности исходил от общественных низов, с которыми был органически связан в течение всей своей жизни. Это свое отличие от прочих писателей он сам ясно сознавал и специально подчеркивал. „Из всех наших литераторов,—отмечает он в своем дневнике,—я являюсь единственным, знающим народ“. В своих произведениях он описывал, главным образом, низшую общественную среду, в которой сам вращался, жизнь и быт которой хорошо знал, в первую очередь — крестьянство, городские низы и городскую мелкую буржуазию. В этом он не только не видел ничего предосудительного, но и сознательно ставил перед собой задачу описания быта низших общественных слоев. Приступая, например, к своему произведению „Школа отцов“ („L'Ecole des pères“), он специально подчеркивает, что является первым крестьянским писателем. В одном из своих писем он указывает, что низшие слои еще не имели своего бытописателя, что хотя в Париже знают нравы каффров, готтентотов, негров Сенегала и прочих дикарей, но ни один писатель не занимался нравами предместий Сен-Марсо и Сен-Жак, населенных самыми бедными людьми,—он же рисует их со всей возможной точностью. Составляя свой лучший роман „Развращенный крестьянин“, он сознательно ставил себе целью „описать ...в натуральном виде нравы низших сословий, а что касается нравов высших слоев, отослать к книгам, где они описаны“.

Это не значит, конечно, что в его произведениях не изображается высшая среда и не обрисовываются представители крупной буржуазии и даже аристократии. Но представители высших общественных слоев выводятся в большинстве случаев на фоне жизни и

быта низших классов, при этом часто в качестве лишь второстепенных действующих лиц и большей частью как отрицательные типы, как развратники и птимеры. Герои же и героини его произведений обычно не принадлежат к общественным верхам, что и понятно, так как героем столь многих его произведений является он сам, героинями — его близкие и знакомые, а действие разыгрывается в той среде, в которой он сам вращался. В его повестях и романах мы видим не только быт зажиточных мелкобуржуазных слоев и крестьянства, в них выводятся и мелкие ремесленники, кустари, рабочие, беднота и городское „дно“, что во французской литературе XVIII столетия представляло, несомненно, явление исключительное. В этом отношении рядом с ним можно поставить разве только его друга Мерсье.

Уже самый факт преднамеренного описания Ретифом нравов низших общественных слоев свидетельствует о том, что его произведения были глубоко тенденциозными. Тенденциозность его произведений видели и отмечали его современники, которые определяли свое отношение к нему, руководствуясь в первую очередь, этим обстоятельством. Если литературные представители „высшего света“ травили его именно из-за выбора им „низких“ героев, то его демократически настроенные читатели, как это видно, например, из его корреспонденции, превозносили его произведения именно вследствие их социальной целеустремленности. И сам Ретиф неоднократно подчеркивал, что высшей целью его творчества являлась для него общественная польза. „Несущественно, — указывает он, например, в своем дневнике, — чтобы я был лощеным писателем, — необходимо и существенно, чтобы я был полезным гражданином“.

Накануне великой буржуазной революции многие литераторы чувствовали себя прежде всего „гражданами“ и не боялись тенденциозности в своих произведениях. Но лишь очень немногие в эту эпоху выражали настроения и интересы общественных низов. Одним из самых демократических писателей XVIII века и является Ретиф, стоящий на крайнем левом фланге современной ему литературы. Как „плебейский“ писатель, он противостоял не только современной ему аристократической, но и буржуазной литературе. Этим объясняется и характер его творчества и презрительное отношение к нему, как к „бульварному“ литератору, представителей высших литературных сфер (отношение, сохранившееся отчасти вплоть до наших дней). Поэтому, лишь исходя из этой характеристики творчества Ретифа как демократического „плебейского“ писателя, можно правильно понять и оценить его роль и значение в истории французской литературы. Но тем самым мы подошли уже к вопросу о его месте в истории общественной мысли XVIII века, так как Ретиф-писатель настолько неотделим от Ретифа-мыслителя и реформатора, что его художественные произведения не только отражают его общественные воззрения, но и служат подчас непосредственной цели обоснования его общественных проектов.

3

Общественные воззрения и идеалы Ретифа нашли свое выражение в проектах двоякого рода. В его многочисленных произведениях мы, прежде всего, встречаем ряд проектов, предусматривающих организацию различного рода ассоциаций, объединяю-

щих отдельные категории граждан в условиях существующего общественного строя. С другой стороны, мы находим проекты, посвященные коренной реформе всего общественного строя в целом, перестройке всей общественной структуры на новых началах. Проекты первого рода, опубликованные в большинстве уже в семидесятых годах и являющиеся в известном отношении первой ступенью в развитии общественных идеалов писателя, можно разбить на три категории: проект сельской общины, проекты городских ассоциаций и проект производственной ассоциации типографских рабочих.

Проект сельской общины, или ассоциации, помещен Ретифом в конце романа „Развращенный крестьянин, или Опасности города“, вышедшего в свет в 1775 г. и, как мы уже знаем, создавшего в свое время довольно широкую известность дотоле неизвестному писателю-типографщику. Роман этот, основанный в значительной мере на автобиографических материалах и воспроизводящий, по свидетельству самого автора, все им виденное, пережитое и пережитое, рисует историю гибели попавшего в город молодого крестьянина,—„то, что случается каждый день“. Молодой крестьянин Эдмонд отсылается родителями в город на обучение к живописцу, дабы приобрести там состояние и стать впоследствии опорой своих сестер и молодых братьев. На первых порах, однако, ему приходится очень тяжело. Очувтившись в городе „в качестве ученика и крестьянина“ на самом низу общественной лестницы, превратившись „как бы в раба“, познав „унижение и чувство собственного ничтожества“, он сразу же начинает тяготиться своим общественным положением. „И на что мне,—воскликает он в одном из своих писем,— доби-

ваться положения, как здесь выражаются, если пред-варительно мне нужно унижаться и отравить низкими занятиями самые прекрасные дни моей жизни!“ Тем более, что город открывает перед ним новые, неведомые ему ранее, перспективы. Сколько в нем соблазнов! Но трудящиеся, однако, не пользуются благами жизни. Очень и очень скоро Эдмонд на личном опыте убеждается в истине, которую усиленно разъясняет ему в своих письмах его друг Годе. Раньше существовали рабы. Теперь рабов юридически нет, но существует то же крайнее неравенство. Все богатства сосредоточены в руках трети людей, от милости которых зависят другие две трети. Очень скоро Эдмонд убеждается, что не трудящийся, а бездельник является хозяином, властелином животного мира, и совершенно естественно, что он приходит к заключению, что в современном обществе, как и в первобытном, существуют пожирающие и пожираемые. „Постараемся же, мой друг,— пишет он Годе,— держаться, как ты мне однажды сказал, в разряде пожирающих, роль пожираемых создана лишь для слабых и дураков“. Вот тут путь, на который вскоре, еще до сознательного выражения этого взгляда, вступает Эдмонд. Он вскоре инстинктивно уясняет себе, что если он не желает остаться в ряду эксплуатируемых, то нужно самому стать паразитом, нужно, во что бы то ни стало, любыми способами и любой ценой, пробиться в ряды господствующих классов. И именно в этом и заключается причина причин „развращенности“ Эдмонда. Именно отсюда и проистекают „безнравственность“ и преступления Эдмонда, на истории которых и построен весь роман.

Итак, перед попавшим в город молодым крестьянином открываются отнюдь не радужные перспек-

тивы. Ему суждено пребывать на самом низу общественной лестницы, если только он не попытается „незаконно“ протиснуться в высшую среду, что толкает его на путь „безнравственности“ и преступлений, оканчивающийся в большинстве случаев катастрофой, низвергающей несчастливца, даже несмотря на его искреннее раскаяние, в разряд деклассированных элементов. Если и встречаются молодые люди из сельских местностей, указывает автор в предисловии, которые имеют успех в больших городах, то это по большей части коварные, хитрые, лицемерные субъекты и, следовательно, опасные для общества. Состояние, достойно нажитое в городе, отмечает он далее, является главным выигрышем лотереи, где сто тысяч теряют, а один выигрывает.

Такова установка романа. Эта установка, несомненно, „руссоистская“. Противопоставление испорченной деревни испорченному городу, указание на почти неизбежную гибель, ожидающую там крестьянина, это „руссоистские“ тезисы¹. Но „Развращенного крестьянина“ ни в коем случае нельзя рассматривать лишь как продукт литературного влияния — влияния идей Руссо. Недаром Ретиф указывает, что он в этом романе воспроизвел то, что видел и чувствовал.

Непосредственный вывод из романа ясен сам собой. Для крестьянина губительно бросать деревню и идти в город. В своем дневнике Ретиф сам ясно указывает, какую непосредственную цель он ставил себе при составлении этого произведения. „Пусть мой „Крестьянин“ будет написан, чтобы показать сельчанам счастье их положения и побудить их оста-

¹ Ср., например, второе письмо пятой части „Новой Элоизы“.

ваться в этом положении. Необходимо остановить поток, несущий всех в столицы, а не ухаживать, составляя роман, за более сильным“. Но перед ним невольно возникал вопрос,— достаточно ли для достижения этой цели, для пресечения этого „потока“ в города, только одного описания невзгод и несчастий, постигающих там крестьян? Он прекрасно сознавал, что дело шло не об отдельных фактах, вызванных случайными причинами, а о целом общественном явлении, и что, следовательно, для его пресечения надлежало устранить и те объективные причины, которые его вызывали. Какие же это причины? Слишком часто в деревне испытывают нужду, указывает он в самом романе. Развернутый ответ на этот вопрос мы находим, однако, не в „Развернутом крестьянине“, центр тяжести которого лежит в описании безрадостной перспективы, ожидающей крестьянина в городе, а в изданном почти одновременно, в 1776 г., и являющемся в этом отношении как бы дополнением к роману дидактическом произведении „Школа отцов“ („L'Ecole des pères“), которое автор по собственному свидетельству, тоже составлял от полноты сердца и в котором он тоже передал то, что видел и слышал, описывая под инициалами S^{***} и N^{***} свою родную деревню Саси и соседнюю деревню Нитри, родину своего отца.

В конце первого тома этого произведения старик крестьянин, живущий со своей семьей старым патриархальным укладом, рассказывает о судьбах своей родной деревни N^{***} (Нитри)¹. Он сравнивает предыдущую эпоху с современной. Как резко все изменилось

¹ „L'Ecole des Pères“ par N. E. Rétif de la Bretonne, 1776, t. I, p. 308—376.

за последние десятилетия в его родном селе по сравнению с днями его молодости! Насколько в предыдущую эпоху его деревня была счастливее, чем теперь! Жители владели землей почти всего своего округа. Каждый обрабатывал свою землю и имел необходимый для сельского хозяйства домашний скот. Крестьяне жили в довольстве, и у них был лишний хлеб для окрестных бедняков. Они вели счастливый, добродетельный образ жизни. Но у этих хороших отцов оказались плохие дети. В этом повинна торговля, которой занялись жители, забросив обработку земли. Торговля не только испортила их нравы, но и обобрала их. Это произошло следующим образом. В их области выгодна аренда. Сеньоры сдавали обычно земли в аренду лишь состоятельным жителям. Вследствие повышения цен на хлеб фермеры наживались. Накопленные деньги они стремились употребить на приобретение земельных участков. Раньше они помещали свои сбережения в земельные фонды в окрестных местностях, но за последние сорок лет они начали скупать земли своих занявшихся торговлей односельчан. В результате земли, принадлежащие с незапамятных времен крестьянским семьям, попали по низкой цене в руки этих богачей. Приобретая землю, фермер стал отказываться сам от аренды или, по крайней мере, стал делать своих детей прокурорами либо адвокатами в городах, оставляя каждому из них в наследство хорошее имение, составленное из участков тридцати семейств, наследники коих принуждены были, чтобы существовать, брать в аренду те самые земли, которыми их предки владели на правах собственности. „Таким образом пять или шесть фермеров приобрели половину нашего округа и населили N... половниками вместо жителей. Теперь сок наших земель мы несем буржуа соседних

городов — детям, зятям и племянникам фермеров“. Теперь две трети деревни состоят из жалких лачуг. Раньше же можно было видеть цветущие дома. Они были куплены фермерами вместе с землей, но так как новые владельцы в них не нуждались, а половники, которым была сдана земля, имели свои жилища, то дома эти были оставлены на произвол судьбы. „Дети тех, которые в них обитали, без имущества, без пристанища, покинули местность и сделались или слугами в городах, или нищими, или, быть может, чем-либо еще хуже“. Разбогатевшие же фермеры, бывшие раньше такими же крестьянами, стали гордыми, надменными. Для их детей уже нет больше достойных жен и мужей в родной деревне. Они не хотят даже, чтобы их родственники исполняли простые деревенские работы; им подчинена вся деревня, от них зависят даже такие лица, как школьный учитель. Такова печальная судьба прежде цветущей деревни Нитри, таковы постигшие ее „за последние сорок лет“ несчастья.

Описанный Ретифом процесс развития капитализма во французской деревне XVIII столетия вполне подтверждает и, в свою очередь, подтверждается всеми данными исторической науки, добытыми на основании изучения архивов, первичных наказов, свидетельств современников. Исторические данные свидетельствуют о необычайном ускорении и усилении примерно с середины XVIII столетия расслоения французского крестьянства и о быстром экономическом росте сельской буржуазии. Все чаще вырисовывается фигура богатого фермера — крупного арендатора, приходящего в деревню не только извне, но и выходящего из среды самого крестьянства и стремящегося, по мере возрастания своей экономической мощи, не только на-

житься на аренде, но и расширять свои собственные земельные участки. Исторические данные свидетельствуют также о перерастании сельской буржуазии в городскую, о стремлении разбогатевшего крестьянина покинуть самому или в лице своего потомства деревню и перебраться в город. Мы знаем также, что рост сельской буржуазии сопровождался усиленной пауперизацией крестьянства.

Проведя в деревне свое детство и молодость в переломный период тридцатых-сороковых годов и впоследствии не порывая связи с родным селом около двух десятков лет, Ретиф действительно мог видеть и чувствовать эти колоссальные социальные сдвиги в деревне, сдвиги, побуждавшие его не только описывать происшедшие отсюда пагубные следствия, но и искать средства для их пресечения. Отысканию средств для процветания деревни, для разрешения крестьянского вопроса посвящены, в сущности, почти все его основные реформаторские проекты. Первым такого рода планом и является помещенный в конце „Развращенного крестьянина“ проект сельской общины, представляющий, таким образом, как бы практический вывод из романа, его „мораль“, его итог.

Проект этот, связанный с романом не только логически, но и фабульно, изложен в виде описания общины, организованной всеми близкими Эдмонда, устрешенными его несчастной судьбой, в целях предохранения навеки своих детей „от неизбежной заразы городов, а также от нужды, которую слишком часто испытывают в деревне“¹. Ассоциация эта основана на общности имущества. Каждый член общины имеет

¹ „Le Paysan perverti, ou les Dangers de la ville; histoire récente, mise au jour d'après les véritables lettres des personnages“, par Rétif de la Bretonne, La Haie 1776, t. IV, p. 193—211.

в собственность обстановку, белье и платье, которое одинаково для всех,—предоставлен только выбор цвета и фасона. Одновременно, однако, указывается, что каждая семья получает в полную собственность часть пахотной земли, виноградника и луга и, кроме того, имеет право выпаса после покоса на всех общинных лугах. Домашние животные принадлежат всей общине, но распределены для пользования среди отдельных членов. Все члены общины одновременно и одинаково работают: занимаются земледелием, виноградарством, в дождливые дни чинят сельскохозяйственные орудия, заготавливают тычины для лоз, зимой молотят зерно и т. п. Ленивые унижаются и наказываются, а трудолюбивые, активные и искусные отличаются и награждаются. Питание жителей общины обобществлено. Все жители проводят также вместе все свободное время. Мужчины, женщины и дети развлекаются, каждый сообразно своему возрасту. Посреди деревни находится солидное здание. В нем помещается, прежде всего, общинная пекарня, рядом — большая зала на тысячу человек — общинная столовая, с другой стороны — комната для правосудия. К столовой примыкает общинная рига, куда свозится зерно после сбора урожая. Наверху, над столовой и ригой, находятся амбары для пшеницы, ржи, ячменя, овса, гороха и чечевицы.

Кроме общественного фонда, делающего всех жителей равными, каждый имеет, однако, свой личный доход или прибыль, состоящую как из заслуженных наград, так и из денежных остатков, образующихся в результате продажи хлеба и других продуктов, после вычета государственных налогов и общинных расходов. Этот остаток разделяется поровну между всеми членами общины, если только кто-нибудь не

лишается своей доли полностью или частично за какой-нибудь значительный проступок. Этот личный доход жители употребляют на покупку книг, мебели и других предметов или земельных участков вне предела общины, или же вкладывают его в торговлю, но при условии, что не должна страдать обработка их участков, которые они должны обрабатывать лишь с помощью своих детей. Многосемейные члены общины имеют, однако, право предоставлять своих детей в распоряжение жителей, не имеющих достаточно рабочих рук, получая за это часть личного дохода последних.

Такова организация этой сельской общины, или ассоциации, имеющей целью предотвратить разложение деревни и пресечь движение в города.

Этот проект Ретифа принадлежит к целой группе ассоциативных проектов, встречающихся во французской литературе второй половины XVIII столетия, вроде проекта Фегэ в его известной статье о моравских братьях в „Энциклопедии“, планов друга Ретифа — Мерсье и т. п. Общая черта всех этих проектов — стремление путем объединения отдельных групп граждан оградить их от нужды, бедности, лишений и жизненных превратностей. Появление подобных проектов в эту эпоху, эпоху быстрого развития капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, вполне понятно. Они отражали объективно, независимо от различных подчас субъективных намерений и замыслов их авторов, стремление мелкобуржуазных слоев, страдавших от развития товарно-денежного хозяйства и капиталистических отношений, обеспечить условия своего существования. Это стремление находило свое выражение в ассоциативных проектах двойного рода.

С одной стороны, вырабатывались планы ассоциаций чисто потребительского характера, базирующихся лишь на совместном домашнем хозяйстве. С другой стороны, возникали проекты, носившие уже в известной мере характер основанной на паевых началах мелкобуржуазной кооперации. Если, однако, сравнить все эти планы с проектом Ретифа, то сразу станет заметным одно существенное между ними различие. Все подобного рода планы предусматривали, по существу, ассоциацию лишь городских жителей. Проект же Ретифа — это ассоциация крестьянства. Это проект сельской общины, с элементами сельскохозяйственного кооперативизма. Он представляет своеобразную идеализацию старых общинных распорядков, сохранившихся во французской деревне старого режима, в соединении с задачей кооперирования крестьянства в области сбыта, в целях борьбы с эксплуатацией деревни со стороны торгового капитала, которая особенно чувствовалась в таких виподельческих районах, как Бургундия.

Внимание, уделяемое Ретифом современной ему деревне, вполне понятное в связи с его крестьянским происхождением, не означает, однако, что в своих реформаторских планах он не стремился улучшить условия существования и городских мелкобуржуазных масс, тоже страдавших от капиталистического развития. Этой цели посвящен ряд ассоциативных проектов Ретифа, опубликованных в семидесятых-восемидесятых годах в различных его сочинениях¹. Все эти проекты весьма схожи друг с другом и построены на

¹ См. „Le Nouvel Abeilard“, Neufchâtel 1778, t. III, p. 283—407; „Les Contemporaines“, Leipsick 1781, t. II, p. 389—455; „Les Nuits de Paris“, Londres 1788, t. III, p. 966—968.

одних и тех же принципах. Группа городских жителей объединяется, делает общим свое имущество и поселяется вместе. Члены ассоциации продолжают индивидуально заниматься своей профессией, будь то торговля, ремесло или интеллигентский труд, доходы же свои складывают для ведения совместного домашнего хозяйства. Эти ассоциации Ретифа носят, таким образом, исключительно потребительский характер и принадлежат к группе потребительских ассоциативных проектов второй половины XVIII столетия, не идя, по существу, дальше старого идеала потребительских общин. Вследствие этого его проекты подобного рода представляют для нас гораздо меньший интерес.

Этого нельзя сказать, однако, про последний ассоциативный план Ретифа, опубликованный в 1789 г., среди приложений к одному из его основных реформаторских произведений „Тесмографу“, о котором нам еще предстоит упомянуть. План этот изложен в форме письма к сотоварищам автора — типографщикам, которому предшествует письмо парижскому мэру Бальи. В письме к „господину мэру Парижа“ автор указывает, что он в совершенстве знаком с типографским делом и поэтому решил оказать услугу государству в этой знакомой ему области. Он составил план превратить в граждан, посредством маленькой собственности, ничего ни у кого не отнимающей, около четырех тысяч рабочих этой полезной профессии. Источник национального благосостояния заключается в мелкой собственности, а основа чести — в гражданской добродетели. Одни лишь типографщики-подмастерья прозябают в обществе, как негры-рабы, ни с чем не связанные. Поэтому души большинства этих несчастных иссушены

отчаянием и унынием. Им на помощь он и хочет придти. Далее следует „Письмо об учреждении типографии рабочих, предназначенной наделить типографщиков-подмастерьев собственностью, которая превратила бы их в граждан и была бы способна как помочь им во время недугов, так и дать честное обеспечение в старости“¹.

Устав этой типографии, состоящий из двадцати четырех статей, выдвигает следующие принципы ее организации и функционирования. Сумма, необходимая для организации типографии, выручается путем продажи акций. Каждый типографский подмастерье имеет право приобрести акцию, стоимостью в 300 ливров. Он может также приобрести несколько акций, если останутся непроданные, и, наоборот, составив группу, подписаться на одну акцию с компаньонами, т. е. приобрести лишь часть акции. Стоимость акций может быть выплачена в один или несколько приемов, вплоть до взносов в размере всего 24 су в неделю, — деньгами или работой. Рабочие-подписчики имеют право продавать свои акции другим рабочим по вольной цене, поскольку между акционером составляется акт о совладении и акции превращаются в собственность. Первые взносы в счет распространения таким образом акций предназначаются на снятие помещения и приобретение печатных станков, шрифтов и всякого рода других необходимых материалов. После приобретения необходимого оборудования, уплаты всей его стоимости и расчета по всем обязательствам (общая стоимость типографии оценивается автором в пятьдесят тысяч эку) типография приступает к функционированию. К ра-

¹ „Le Thesmographe“, La Haie 1789, p. 510—514.

боте в типографии допускаются исключительно рабочие, подписавшиеся на акции, при этом в первую очередь — наиболее старые подписчики. Все рабочие с момента начала работы в типографии получают заработную плату с еженедельными вычетами в счет погашения стоимости приобретенных ими акций, в случае если они не уплатили наличными за три месяца. В течение первых шести лет прибыль вкладывается в предприятие. После же того, как предприятие поставлено на ноги, приступают к распределению прибыли, часть которой отчисляется на поддержку больных и стариков. Управление типографией сосредоточено в руках директора, фактора, нескольких доверенных лиц и комитета в составе десяти членов, из коих пятеро выбираются из числа работающих в типографии акционеров, пятеро — из числа неработающих. Каждые шесть месяцев, в ближайшие после двадцать первого июня и двадцать первого декабря воскресенья, созываются общие собрания акционеров, где комитет десяти дает отчет о состоянии дел и вносит предложения, однако, лишь с информационной целью, так как решение зависит от директора, доверенных лиц и самого комитета. На каждом подобном собрании переизбираются пятеро членов комитета десяти. Касса находится в ведении комитета и проверяется раз в месяц, по требованию ста акционеров. Владеющий несколькими акциями пользуется и соответствующим количеством голосов.

Таков этот новый ассоциативный проект Ретифа, самый своеобразный и самый интересный. По своим общим социальным целям и тенденциям проект этот, правда, мало чем отличается от предыдущих. Борьба против развивающихся капиталистических отношений в промышленности в нем также мыслится в чисто

мелкобуржуазном духе. Начиная от провозглашения принципа, что источником национального благосостояния является мелкая собственность, и кончая конкретным содержанием проекта, построенного на идеале превращения рабочих в собственников путем совместного владения предприятием на правах акционеров,— все в этом проекте носит яркий отпечаток мелкобуржуазных настроений, чаяний и целей. Но при всей общности мелкобуржуазных целей и стремлений всех ассоциативных планов Ретифа проект „типографии рабочих“, несомненно, занимает среди них особое, оригинальное место, будучи посвящен рабочему вопросу, в том виде и поскольку он вообще мог ставиться во французских условиях конца XVIII столетия.

Проект этот,— продукт исключительного в условиях эпохи жизненного опыта автора,— носит, естественно, единичный характер в литературе XVIII века, в которой в области положительных требований, касающихся рабочих, мы встречаем в основном лишь предложения организации общественных мастерских. Лишь с тридцатых годов XIX столетия, в условиях расцвета капитализма и развивающегося пролетарского движения, во Франции распространяются, в связи с пропагандой Бюше, идеи производственных рабочих ассоциаций. Тем ценней и интересней для нас этот безвестный проект Ретифа, пытавшегося в начале революции выступить в защиту интересов рабочих своей профессии.

4

Всеми рассмотренными выше ассоциативными планами не исчерпываются, однако, реформаторские проекты Ретифа. При всем своем разнообразии планы

эти являются лишь проектами частичных реформ, рассчитанных лишь на определенные слои населения. Но понятно, что подобные частичные планы должны были вскоре перерасти, даже в случае их простого комбинирования, в реформу всех основ существующего строя. Поэтому неудивительно, что в восьмидесятых годах мы встречаем уже у Ретифа и проекты коренной реформы всего существующего общественного строя в целом. Проекты последнего рода можно разделить на две категории: те, которые, по существу, направлены лишь против старого режима и не идут дальше требований всего третьего сословия, и те, которые носят более радикальный характер.

Для нас представляют в первую очередь интерес проекты второго рода. Первым подобным проектом Ретифа является его специальное произведение — „Андрограф“, появившееся в 1782 г.¹ Судьба этого произведения чрезвычайно знаменательна. Его опубликование прошло настолько незамеченным, и, не получив никакого распространения, оно превратилось вскоре в такой уникум, что библиографы совершенно ошибочно считали его даже конфискованным цензурою. В единственном, появившемся на страницах журнала „Esprits des Journaux“, отзыве „Андрограф“ зло высмеивался, причем автор рецензии заявлял о своем намерении не читать больше ни одного произведения Ретифа за исключением „Морографа, или Реформированного сумасшедшего“, в ко-

¹ „L'Andrographe, ou l'idées d'un honnête homme sur un projet de règlement, proposé à toutes les Nations de L'Europe, pour opérer une Réforme générale des moeurs et, par elle, le bonheur du Genre humain; avec des Notes historiques et justificatives“. Recueillies par N. E. Rétif de la Bretonne, éditeur de l'ouvrage, La Haie 1782.

тором тот изложил бы собственную историю. Подобное отношение к „Андрографу“ весьма показательно. Проекты Ретифа, посвященные вопросам реформы общественного строя, или замалчивали, или высмеивали. Игнорировали их по большей части и его литературные друзья и поклонники.

„Андрограф“, как указывается в подзаголовке, является проектом регламента, предлагаемого всем нациям Европы для осуществления всеобщей реформы прав, в целях достижения счастья человеческого рода. Проект исходит из того положения, что идеалом явилось бы установление общественного строя, основанного на общности средств и имущества. Однако практически проект предусматривает лишь осуществление „рода равенства“, если и не между всеми гражданами, то хотя бы между различными классами. В этих целях осуществляется ассоциирование всех граждан в общины-корпорации. В этом и заключается неоднократно упоминаемая в проекте „общность“, устанавливаемая в результате реформы. В деревнях организуются сельские общины, производится равный раздел земель, и каждый житель получает участок для обработки, а также наделяется соответствующим количеством скота. В городах в отдельные корпорации объединяются ремесленники, торговцы, негоцианты и лица умственного труда — литераторы, работники искусств, врачи, адвокаты, а также дворянство и духовенство. Во главе каждой общины-корпорации стоит бюро, состоящее исключительно из пожилых лиц. Члены отдельных корпораций сносятся друг с другом не непосредственно, а через посредство своих корпораций. Так, например, заказы даются не отдельным ремесленникам, а бюро их корпорации, причем заказчиками тоже являются не отдельные граждане,

а другие корпорации. Точно так же требования на товары направляются не отдельным торговцам, а в их бюро, которое и выполняет их быстро и аккуратно, без обмана и удорожания. Каждая корпорация снабжает путем обмена другие и, в свою очередь, снабжается такими необходимыми предметами, как, например, орудия производства. Путем этого обмена регулярно четыре раза в год все население снабжается одеждой. Обмен между корпорациями основан на безналичном расчете. Особые общественные надзиратели следят за расчетными балансами отдельных корпораций, чтобы баланс поставок и поступлений каждой из них оказался уравновешенным если не за год, то хотя бы за несколько лет. Исключение делается лишь в отношении сельских общин. Крестьяне снабжают государство продовольствием по твердым нормам. В среднем они обязаны сдавать в общественные склады две трети своего чистого производства. На основе этих поставок организуется общественное питание всего населения. У каждой сельской общины, а в городе у каждой отдельной корпорации, имеется свое специальное помещение, состоящее из столовой, кухни, погреба и амбаров, где питаются вместе члены каждой корпорации. Первое время, однако, это общественное питание не является одинаковым для всех граждан, а различно для отдельных классов. Если, например, обед крестьян и ремесленников состоит из супа с мясом, сыра, фруктов и вина, то обед „буржуа“ и лиц высших профессий состоит из двух блюд, десерта, дорогого вина, фруктов и включает различные деликатесы. Таким образом, высшие классы питаются после реформы так же, как питались до нее, для того, чтобы, как указывает автор, не быть ни в чем

стесненными. Но уже через поколение общественное питание низших и высших классов уравнивается. То же относится и к жилищным условиям. Все граждане через посредство своих корпораций обеспечиваются помещениями, но жилищные условия отдельных классов остаются в первое время различными, пока старые дома не будут заменены постепенно новыми, одинаково удобными.

Таким образом, в результате реформы все граждане обеспечиваются общественным питанием, одеждой, жильем. Помимо этого, однако, они имеют еще личные доходы. В распоряжении отдельных корпораций имеется известный товарный фонд — состоящий, в зависимости от корпорации, или из сельскохозяйственных продуктов, или из изделий всякого рода, или из произведений умственного труда — который продается на деньги. В проекте несколько неясно, кому продают корпорации имеющиеся в их распоряжении товары. Упоминается лишь, что речь идет об „общественных продажах“ и что книги, в противоположность другим товарам, продаются непосредственно отдельным гражданам. Таким образом, очевидно, что, за исключением произведений умственного труда, товары продаются оптом корпорациям торговцев, в свою очередь перепродающим их, ибо иначе остается совершенно непонятным существование торговых корпораций, не играющих никакой посреднической роли в безличных поставках производственных объединений. Вырученные от продажи товаров деньги, за вычетом общих расходов и страховой суммы, распределяются между членами корпорации, но не равными долями, а сообразно заслугам каждого, — сообразно сбору урожая, качеству изделия, лучшего произведения. Точно так же, в ка-

честве личного дохода, распределяется и выручка корпораций как торговцев, так и крупных неогциантов, ведущих внешнюю торговлю и являющихся одновременно банкирами государства. Таким образом, все граждане, обеспеченные питанием, одеждой и жилищем, имеют, кроме того, личные денежные доходы, различные не только для отдельных корпораций, но и для отдельных членов одной и той же корпорации. Каждый гражданин является полным хозяином своего личного дохода и может неограниченно им распорядиться по своему усмотрению. Он может приобретать на свои деньги все, что можно было приобретать на деньги и до реформы,— не только предметы обихода, книги и т. п., но и предметы роскоши, вплоть до драгоценностей. Он может также расходовать свои личные доходы не только на приобретение потребительских ценностей, но и превращать их в капитал, путем вложения во внутренние или внешние займы, причем, однако, размер процента не может быть выше трех. Таким образом, как подчеркивает автор, личные доходы граждан будут содействовать циркуляции денег, дадут занятия ремесленникам, мастерам и талантам и явятся столь же мощным стимулом для промышленности и труда, каким в настоящее время является прибыль, обладая всеми преимуществами, которые имеют теперь богатства.

Таковы основы предлагаемой проектом новой общественной структуры. Система „Андрографа“ базируется, как видим, на своеобразной идеализации старой цеховой организации, идеализации, характерной для некоторых мелкобуржуазных идеологов эпохи, видевших в ней, в противоположность реакционерам — защитникам старых порядков, не один из устоев

феодалного общества, а лишь своего рода плотину против развивавшихся капиталистических отношений, против капиталистической конкуренции, столь пагубной для мелкобуржуазных масс города и деревни, и облекавших поэтому свои антикапиталистические стремления именно в эту старомодную одежду. Именно поэтому и у Ретифа ассоциативный принцип, лежащий в основе его идеального общественного строя, сливается с принципом общинно-цеховым.

„Андрограф“ не принадлежит к числу столь распространенных в XVIII столетии коммунистических или эгалитаристических утопий и теорий. Исторически мелкобуржуазные общественные идеалы облекаются в различные формы. Одна из этих форм и состоит в стремлении к такой общественной структуре, которая, не упраздняя, в противоположность коммунистическим и эгалитаристическим идеалам, общественного неравенства, ликвидировала бы в то же время посредством ассоциирования, с одной стороны, бедность и нищету, а с другой — паразитические общественные элементы, гарантировала бы всем средства к существованию и примирила бы классовые противоречия. Именно к общественным идеалам этого рода и примыкает система „Андрографа“, занимающая вследствие этого особое, оригинальное место в литературе XVIII столетия. Эти „ассоциативные“ планы Ретифа, находящие свое выражение не только в „Андрографе“, но и в его мелких проектах ассоциаций, сближают его с одним из великих утопистов начала XIX века, Шарлем Фурье, одним из идейных предшественников которого Ретиф, несомненно, является как в области философии, так и в области общественных идеалов.

В 1789 г., через семь лет после опубликования „Андрографа“, появился в свет новый реформаторский проект Ретифа—„Тесмограф“¹, составленный в накаленной предреволюционной атмосфере 1788—1789 гг. и посвященный автором Генеральным Штатам. По указанию самого автора, проект этот представляет, по сравнению с „Андрографом“, лишь план частичного преобразования, т. е. излагает менее радикальную, более ограниченную и, следовательно, более легко осуществимую реформу существующего общественного строя. Конкретно план реформы, разрабатываемый в „Тесмографе“, сводится, по существу, к проекту уравнительного земельного передела. Основным предусматриваемым в проекте мероприятием является немедленно осуществляемый новый раздел земли. Все разночинцы получают земельные наделы и становятся собственниками. Размер наделов разночинцев определяется пропорционально величине их семьи, но не может превышать восемнадцати арпан в местностях с хорошей землей, тридцати шести — земли среднего качества и семидесяти двух — плохой. Поскольку, очевидно, не все должны заниматься сельским хозяйством, граждане имеют право продавать свои земельные наделы, но лишь с обязательством использовать вырученную сумму на приобретение домов, орудий, товаров, учреждение банка и т. п. с тем, чтобы заняться каким-нибудь ремеслом, искусством или торговлей. Церковное землевладение полностью ликвидируется, вся церковная собственность разделяется между гра-

¹ „Le Thesmographie, ou Idées d'un honnête homme sur un projet de règlement, Proposé à toutes les Nations de l'Europe, pour opérer une Réforme générale des Loix; avec des Notes historiques“, La Haie 1789.

жданами. Что касается дворянского землевладения, то оно сохраняется, так же как сохраняется и сеньоральная система, но ограничивается и регулируется. Дворяне не только остаются крупными землевладельцами, но и сохраняют свои сеньоральные права, получая доходы с вассальных земель. Но проект, наряду с регулированием, унификацией и ограничением размера их сеньоральных земель и личного землевладения, стремится в то же время установить между ними и разночинцами „род равенства“, обязуя их также быть полезными членами общества, несущими военную службу и выполняющими известные административно-судебные функции, не играя, однако, при этом никакой руководящей политической роли, поскольку на долю разночинцев выпадает не только ремесло, искусство, наука, священнослужение, но и „магистратура“ и „политика“.

Таким образом, осуществляемый согласно проекту земельный передел не приводит к абсолютному уравнению в землевладении и не ликвидирует феодальной системы. Неудивительно поэтому, что в проекте, несмотря на этот передел, изложен целый ряд мероприятий, имеющих целью смягчить пагубные следствия как сеньоральной системы, так и крупного землевладения. Прежде всего, фактическое владение, даже условное, приравнивается к собственности, если собственник не будет в течение двадцати лет предъявлять своих прав, после чего он может домогаться лишь половины своей прежней собственности. Право собственности теряется также, если оно противоречит общественным интересам. Под угрозой утраты своего права собственности собственник обязан, за некоторыми исключениями, подчиняться в области обработки земли общим, установленным в местности пра-

вилам, не имеет права отгораживать свою землю после урожая, не имеет права оставлять землю необработанной, если только не сумеет найти арендаторов, или же отводить свои земли под лес. Особенно легко утрачивается, в случае небрежности и необработки земли, право собственности, приобретенное покупкой. Одновременно ограничивается свобода завещаний, причем наследниками объявляются в первую очередь все дети, как законные, так и незаконные. В проекте предусматривается также восстановление еврейского „юбилея“ — через каждые пятьдесят лет должен производиться новый земельный передел, восстанавливающий первоначальное положение, причем граждане, продавшие свои участки, вновь получают свои наделы, если только, по состоянию своих дел, не предпочитают плату за них деньгами. При этом естественно возникает вопрос об избыточном населении. Проект разрешает этот вопрос в смысле эмиграции избыточной молодежи в колонии.

Как можно сразу заметить, при первом же ознакомлении с этим проектом, он примыкает по своим общим установкам к идеям столь широко распространенной в XVIII столетии эгалитаристической школы. Известна популярность лозунга аграрного закона в эпоху французской революции. Однако уже и в предреволюционной литературе, и в литературе того же 1789 года мы находим пропаганду идей более или менее последовательного аграрного передела, в частности, в произведениях основателя „Социального клуба“ аббата Фоме и будущего вождя „заговора равных“, Бабёфа. Еще за два года до „Темнографа“, в 1787 г., появился в свет известный эгалитаристический проект Госселена, в котором автор подробно развивал план уравнивания земельных на-

делов путем распределения пустопорожних и заброшенных земель, земель духовенства и королевских доменов, а также путем выкупа и равного раздела владений частных лиц. Среди подобного рода проектов „аграрного закона“ „Тесмограф“ не принадлежит даже к числу наиболее последовательных и радикальных, поскольку не предусматривает полной ликвидации феодального землевладения и сеньориального порядка.

И все же „Тесмограф“ представляет весьма значительный интерес для истории общественной мысли эпохи революции. Изложенная в „Тесмографе“ идея земельного передела вместе с такими требованиями, как требования принудительной сдачи в аренду и обработки пустопорожних земель, запрещения отведения земель под лес, запрещения огораживания и т. п.,— бесспорно, не абстрактные литературные рассуждения, а непосредственное отражение настроений и чаяний французского крестьянства конца старого режима, с жизнью и положением которого Ретиф, сам выходец из деревни, был так хорошо знаком и горести и невзгоды которого он так глубоко чувствовал и переживал.

6

Если подвести теперь итог всем общественным проектам и планам Ретифа, то станет совершенно ясным их преимущественно „крестьянское“ происхождение. В этом смысле „крестьянского“ писателя Ретифа можно сравнить с сельским кюре Жаном Мелье, выразившим в начале века в своем „Завещании“ все горести и невзгоды крестьянства. Но между Мелье, писавшим свое „Завещание“ в начале

XVIII столетия, и Ретифом, излагавшим свои проекты накануне революции, лежит целый исторический период, период быстрого развития капитализма в деревне, ускорения и углубления дифференциации крестьянства. „Завещание“ Мелье отражает положение общиной французской деревни в период глубокого упадка, последовавший за внешне блестящей эпохой Людовика XIV. Произведения же Ретифа отражают положение французской деревни накануне 1789 г., деревни, переживающей период относительного экономического подъема, но испытывающей гнет феодальной реакции, дифференцированной и полной уже внутренних антагонизмов, ставшей вскоре ареной грандиозной аграрной революции.

В то же время, однако, Ретиф был хорошо знаком на собственном жизненном опыте и с положением плебейских масс города. Поэтому как в области художественного творчества он являлся, по собственному определению, не только бытописателем крестьян, но и бытописателем парижских предместий, так и в своих общественных проектах он в известной мере отражал настроения и плебейских масс города, что еще более усиливало его антикапиталистическую критику.

Остается сказать лишь несколько слов об отношении Ретифа к грандиозной социальной революции, свидетелем которой ему довелось стать в конце своей жизни. Революцию эту он предвидел и предчувствовал. И еще до 1789 г. ярко проявляется его двойное, казалось бы — противоречивое, отношение к грядущим революционным боям. С одной стороны, он с затаенной надеждой ожидает грандиозного социального переворота и, прежде всего, аграрной революции. „Она придет, быть может,— пишет он, на-

пример, еще в 1781 г.—(и я желаю ее, несмотря на бедствия, которые будут ее сопровождать...). Она придет, быть может, эта страшная революция, когда полезный человек почувствует свое значение... когда земледелец скажет сеньору: „Я кормлю тебя, я представляю собой больше, чем ты, богатый, бесполезный человек; подчинись мне или умирай с голода“; когда сапожник будет смеяться в лицо франтику, умоляющему обуть его, и заставит его говорить: „Монсieur сапожник, умоляю вас, сделайте мне башмаки, и я вам хорошо заплачу“.— „Нет, ходи босым: я работаю теперь лишь на того, кто может доставить мне хлеб, одежду, материю, вино и пр.“¹. С другой стороны, накануне грозных событий он снова предсказывает революцию, но не с энтузиазмом, а, наоборот, с крайней враждебностью, „донося“ о ней властям. Он предупреждает „философов“ быть настороже, чтобы то, что они считают лучшим, не стало худшим. „А вы, должностные лица, будьте еще более настороже! Готовится роковая революция! Распространяется дух неподчинения! Он скрытно клокочет в самом низшем классе!“². „Послушайте,— обращается он к знатым,— голос плебея, который все слышит, который живет с народом и знает его самые сокровенные думы: брожение существует и растет, протiwоречия между правящими властями его поощряют. Предупредите его! Восстановите добрый порядок, субординацию!“ А своих „дорогих сограждан“ он призывает дрожать перед анархией и объединиться вокруг трона³. И в то же самое время он

¹ „Lez Contemporaines“, t. II, Leipsick 1781, p. 391—392.

² „Lez Nuits de Paris“, t. IV, Londres 1788, p. 1487—1489.

³ Ibid., t. VII, Londres 1789, p. 2978—2979.

не только обвиняет знатных в несправедливости, жадности, скандальном эгоизме, но и угрожает общественным верхам войною жаков¹.

Но вот разразилась, наконец, предвещенная им революция. Среди произведений Ретифа революционного периода сохранился крайне любопытный документ — пятнадцатая и шестнадцатая часть его многотомного произведения „Ночи Парижа“, где день за днем описываются революционные события. Эта хроника революции, представляющая и сама по себе исторический документ первостепенного значения, вместе с прочими материалами, содержащимися в различных других его, изданных в девяностых годах, произведениях, дает общее представление о его отношении к революционным событиям, несмотря на явный страх автора перед столь быстро менявшимися властями и его подлаживание под господствовавшее настроение. Отношение это нельзя охарактеризовать иначе, как глубоко неприязненное и даже враждебное. Начиная от непосредственно предшествовавшего революции апрельского выступления рабочих и кончая всеми крупными революционными событиями, вроде 14 июля, 5—6 октября и т. п.,— ко всем народным движениям он относится с явной или затаенной ненавистью, описывая их как буйство черни, руководимой бандитами, проститутками и агентами аристократии. И в это же самое время, казалось бы, по совершенно непонятному и необъяснимому противоречию, он обращается к массам с призывом ко всеобщему восстанию. „О мои братья,— взывает он в „Тесмографе“, вышедшем из печати в ноябре 1789 г.,— если это необходимо, поднимите всеобщее

¹ „Les Nuits de Paris“, t. VII, p. 2908—2909.

восстание, разделяйте!“ (faites une insurrection générale, partagez)¹.

Это противоречивое отношение Ретифа к революции имеет, однако, свое объяснение. Как выразитель революционных настроений крестьянства, он еще в восьмидесятых годах лелеял мечту об аграрной революции и черном переделе. Эту революцию он предсказывал и приветствовал еще в 1781 г.; этой революцией, „войной жаков“, он угрожал знатым и богатым, к этой революции он призывал в „Тесмографе“, пропагандируя „аграрный закон“. Но в то же время к революционным событиям в Париже, к борьбе парижских санкюлотов, он относился с глубокой неприязнью и даже враждебно. Нельзя забывать, что революция оказалась для него роковой с точки зрения его личного благосостояния. Революционные события не только разорили его, не только отодвинули его как писателя на задний план, но и разрушили привычный для него уклад жизни,— то, чего он так боялся еще до 1789 г., когда признавался, что „дрожит“ при мысли о волнении городской черни. А в эпоху террора обывательская неприязнь к парижским санкюлотам, лишившим его покоя и безмятежного, зажиточного существования, дополнилась беспредельным страхом уже за собственную жизнь, за собственную голову. К этому необходимо прибавить еще одно обстоятельство идейного порядка, которое ни в коем случае нельзя игнорировать. Всю жизнь он жил мечтой об осуществлении своих общественных идеалов, которые неустанно излагал и пропагандировал. Вскоре, однако, ему пришлось убедиться, что революция развивается отнюдь

¹ „Le Thesmographe“, p. 201—202.

не в направлении осуществления его идеалов. Напрасно он старался, по мере сил, воздействовать на события, не только путем печатной пропаганды (предлагая, в частности, свои проекты вниманию учредительного собрания), но, по всем данным, и путем непосредственного участия в политической жизни (есть даже сведение, что в 1792 г. он выставлял свою кандидатуру в конвент с „чисто коллективистской программой“). В полном диссонансе с бушевавшей кругом него революционной бурей находились, например, его призывы, в разгар движения „бешеных“, против разгрома лавок, против раздела имущества и за осуществление системы „Андрографа“ — идеала примирения классовых противоречий.

Термидорианская реакция произвела, однако, в писателе крутой перелом и заставила, как и многих его современников, занять иные позиции. Вскоре ему пришлось убедиться, что падение террористического режима, к которому он относился с такой враждебностью, привело лишь к ужасающей народной нищете, к разорению мелкобуржуазных слоев в результате инфляции при расцвете капиталистической спекуляции, к оргиям нуворишей на фоне голода и лишений. На собственном горьком опыте (как раз в эти годы, в результате падения ассигнатов, он очутился в невероятно тяжелом материальном положении) пришлось ему убедиться, что „внезапная смена режима“ оказалась повинной в „неистовстве ажиотажа и наживы“, когда все, „за исключением ажиотера, банкира, депутата“, оказались разоренными и страдающими. Неудивительно, что это привело его к переоценке периода господства якобинцев. Он пересматривает свои позиции и приходит, по существу, к оправданию террора и якобинской диктатуры. Одновременно с оправданием и

даже идеализацией якобинской диктатуры он, прежде никогда не решавшийся выступить против властей, с каким-то ожесточенным отчаянием клеймит членов конвента, не видящих народного голода, законодательный корпус, отгородивший себя своим жалованьем от общественных невзгод и остающийся бесстрастным зрителем общей разрухи. Теперь он объявляет себя „террористом“ и требует нового террора, для того чтобы заставить дрожать развращенную и „ажитерскую“ нацию. Теперь, вопреки всем своим предыдущим надеждам, он приходит к убеждению, что богатые или хотя бы зажиточные никогда не согласятся добровольно на осуществление его общественных идеалов. В то же время, по всем данным, он развивает в этот период какую-то политическую деятельность, ведет какую-то пропаганду, сближается с новыми кругами. По собственному свидетельству, он поддерживает в секции *Пантеона* некоего „бывшего секретаря Робеспьера“, требовавшего отвержения конституции и установления „коммунизма“. Сведения о том, что он был горячим приверженцем Бабёфа и усердным чтецом его газеты „Трибун народа“, вполне правдоподобны. Принимая во внимание послетермидорианские настроения Ретифа, а также его старую близость с Сильвеном Марешалем, нужно признать не только вполне возможной, но и весьма вероятной его, если не прямую, то косвенную, причастность к заговору Бабёфа.

Крушение этого заговора нанесло, повидимому, последний удар чаяниям и надеждам Ретифа. Истрепанный жизнью, большой старик в конце девяностых годов окончательно погружается в мистицизм и порнографию, обретая после резких антиправительственных филиппик источник существования на службе

в полицейском ведомстве. Его политические идеалы ограничиваются теперь мечтой о сильной власти, сконцентрированной в руках одного человека, мечтой о диктаторе. Верный выразитель настроений мелкобуржуазных масс, он заканчивает свою жизнь, после глубокого разочарования в результатах революции и крушения всех своих идеалов, приветствуя нового дезаря, превозносимого им еще в 1797 г. „героя Буонапарте“.

7

Среди бесчисленных сочинений Ретифа утопия „Южное открытие“¹, появившаяся в свет в 1781 г., занимает особое место между его чисто художественными произведениями и специальными реформаторскими проектами. „Южное открытие“ — один из последних типичных утопических романов XVIII века, столь многочисленных во французской литературе эпохи и имеющих своим прообразом известную утопию конца предыдущего столетия — „Историю севарамбов“ Вераса д'Алле.

Внешней формой утопии Ретифа является любовный роман. Роман этот не дает высокого представления о Ретифе как писателе. Основная ценность художественных произведений Ретифа — их реализм, отображение подлинной жизни. Этим основным достоинством не мог, естественно, обладать такой фантастический роман, каким является „Южное открытие“.

Сюжет романа построен на истории любви разnochинца, деревенского жителя Викторина, к дочери

¹ „La Découverte australe par un Homme-volant, ou Le Dédale français; Nouvelle très philosophique: Suivie de la Lettre d'un Singe etc.“ Leipzig, четыре тома.

своего сеньора. Несмотря на препятствия, Викторши достигает цели, опрокидывая при помощи своего таланта все социальные перегородки. Весь роман Викторина и Кристины задуман, таким образом, для доказательства того, „сколь бессмысленны мнимые различия в званиях“, да и вся деятельность талантливого разночинца имеет целью показать, что „благородное происхождение не дает достоинства и ума“.

К любовному роману Викторина и Кристины присоединяется еще второй элемент, не имеющий непосредственного отношения к собственно утопии,— фантазирование автора на естественно-исторические темы. Сюда относится описание многочисленных островов, населенных различного рода людьми-животными, занимающее почти всю вторую часть произведения и в настоящем издании опущенное.

Но наряду с этими двумя элементами мы находим в „Южном открытии“ и описание ряда новых общественных порядков, что именно и придает этому произведению характер утопии. Наряду с идеальной общиной, организуемой Викторином на Неприступной горе, и эгалитаристическим строем на острове Кристины подробно описывается коммунистическое государство меганатагондев. Коммунистический идеал Ретифа беден оригинальными чертами (оригинальной и интересной является у него, по существу, лишь идея о желательности перемены работы) и воспроизводит столь свойственные коммунистическим течениям эпохи тенденции грубой уравнительности. При всем том, конечно, в утопии Ретифа все же нашли отражение его индивидуальные воззрения и даже субъективные свойства. Так, отражением консервативных крестьянских воззрений автора является, например, вводимый им в его коммунистическом обществе патр-

архальный строй со строгой возрастной иерархией, а также требование субординации женщин, требование, с упорством защищавшееся им во всех его произведениях, вопреки передовым взглядам эпохи¹. А такие характерные черты его утопии, как систему половых отношений с кратковременными браками, с женскими „troupes galantes“, соревнованием женщин в целях привлечения мужчин и т. п., можно понять, лишь припомнив беспутную жизнь самого „месьё Никола“.

Основное значение утопии Ретифа заключается, однако, не в изображении идеальных общественных порядков. Интерес этой утопии состоит в том, что в ней описывается переходный общественный строй, устанавливаемый Викторинном в его владениях ввиду невозможности немедленного введения всех совершенных „обычаев“ меганатагонцев. Отличительной чертой этих переходных общественных порядков является обобществление собственности (в противоположность царившему раньше на острове Кристины равенству имуществ), при сохранении денежного хозяйства, категории личного дохода, денежной заработной платы. Граждане продолжают заниматься каждый своей прежней работой, получая от общины за продукт своего труда вознаграждение соответственно величине своей семьи. Таким образом, в противоположность обществу меганатагонцев с их обобществленным бытом и общественными трапезами, во владениях Викторина распределение продолжает временно про-

¹ См., например, специальный реформаторский проект, имеющий целью „поставить женщин на их место“ — „Les Gynographes, ou Idées de deux honnêtes — femmes sur un projet de règlement proposé à toute l'Europe pour mettre les Femmes à leur place, et opérer le bonheur des deux sexes“, La Haie 1777.

исходить при посредстве денег, с фиксацией личного дохода отдельного гражданина.

Самый факт описания переходных общественных порядков, необходимых, по мнению Ретифа, для достижения полного коммунистического равенства, представляет, несомненно, определенный интерес для истории социалистических идей. Предшествующие Ретифу коммунистические мыслители, даже такие крупные, как, скажем, Мор, Кампанелла, Морелли, в своих утопиях или теоретических трактатах ограничивались непосредственным противопоставлением существующих общественных порядков идеальному общественному строю. Ретиф же так или иначе пытается подойти к вопросу о фазах развития коммунистического общества. Другое дело, что, будучи мелкобуржуазным утопистом, он, естественно, не имел возможности подняться в свою эпоху до сколько-либо серьезной постановки этой проблемы. В частности, подготовительная стадия является, по его мнению, необходимой только с точки зрения неподготовленности „идей“, общественного мнения, к непосредственному введению идеальных общественных порядков.

Подобно большинству утопий, „Южное открытие“ содержит наряду с положительной частью — описанием идеального общественного строя — и часть критическую. Но между этими двумя частями не сохранено даже то чисто внешнее единство, какое обычно существует в других утопиях. Критическая часть утопии Ретифа облечена в форму маленького самостоятельного произведения. Как показывает уже заглавие, критику существующего общественного строя он влагает в уста обезьяны. Причине этого нетрудно отыскать. Вспомним только представление рационалистического XVIII века о „естественном состоянии“,

противопоставлѣніе первобытнаго, „естественнаго“ человека — человеку цивилизованному; вспомним идеи Руссо, влияние котораго особенно наглядно проявляется именно в „Южном открытіи“. Кому же поэтому, как не „Цезарю из Малакки“, этому первобытному существу, полуобезьяне-получеловеку, подобало подвергнуть критике противные разуму и законам природы социальные порядки цивилизованнаго общества?

Однако не только в резкой общественной критике состоит интерес этого своеобразнаго памфлета. Страстно нападая на общественное зло, автор невольно задается вопросом, почему продолжают существовать неразумные и противоестественные порядки. Он прекрасно видит, что их поддерживают богатые, которым они выгодны (несмотря на то, что и сами богачи в его изображеніи являются невольными жертвами некоторых царящих в обществе предрассудков), что богатые рукоплещут этим порядкам, которые дают им возможность командовать людьми и заставлять тех выполнять все работы. Неудивительно поэтому, что он упрекает в сохранении существующаго общественнаго строя бедняков, пассивно сносящих гнет и лишения. И, в бурном негодованіи против социальных несправедливостей, он даже обращается к беднякам с революціонным призывом, побуждая их объединиться, поддержать друг друга и поднять руку на своих тиранов, высказывая при этом уверенность, что это не премпнет случиться в один прекрасный день. Но и этот призыв относится прежде всего к деревне, так как автор побуждает бедняков захватывать плоды садов, урожаи полей. Мы уже видели, что и в других дореволюціонных произведеніях Ретифа проскальзывает надежда на великую

аграрную революцию, которую он ждал и заранее приветствовал, герольдом которой он являлся. Так и в его утопии сквозь самую необузданную фантазию и абстрактные рассуждения бурно прорываются революционные настроения французской деревни конца старого режима, превращая это столь причудливое и, казалось бы, совершенно оторванное от жизни произведение в одно из интересных и знаменательных выражений революционного возбуждения общественных низов накануне великой буржуазной революции.

А. Р. Иоаннисян.

**ЮЖНОЕ ОТКРЫТИЕ,
произведенное летающим человеком,
или
ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕДАЛ**

*Весьма философская новелла
с приложением Письма Обезьяны*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ноябре 1776 года я сел в дилижанс в Лионе, чтобы вернуться в Париж. В карете нас оказалось восемь человек: бенедиктинец, актер, две актрисы, адвокат, негоциант, человек неопределенного вида и я, не считая одной обезьяны, шести собак, трех больших и двух маленьких попугаев и людей, сидевших на империале. Бенедиктинец был самый завзятый во всей Европе потребитель испанского табаку, кроме того, тонкий гурман и великий знаток по части хорошей еды. Из двух актрис одна, героиня, была столь же развратна, как известная Р**, на которую она была похожа лицом до такой степени, что я сначала ее даже принял за последнюю, и так же зла, как артистка С***. Субретка отличалась серьезностью, была меланхолична, умеренна в выражениях и почти так же мила, как прелестная Фанье. Актер, трагик, был красив, как П-иль, так же плох на сцене и до того наглый фат, что, пожалуй, мог бы срав-

ниться с ****. Адвокат, которого я узнал, не смотря на то, что он был переодет, был человек известный. Я его почти не уважал и совсем не любил. Его ненавидели и преследовали, и он тоже был клеветником и клеветником. Негоциант был добряк, очень богатый, простоватый, который много пил и ел и еще больше спал, причем храпел за четверых. Табаку он потреблял столько же, сколько бенедиктинец, с которым он и завел беседы на соответствующие темы. Человек неопределенного вида был ни стар, ни молод, ни красив, ни уродлив, ни толст, ни худ, ни высок, ни низок. Он не был, повидимому, ни богатым, ни бедным, ни умным, ни глупым. Говорил он не слишком много, не слишком мало, ел все, со всеми был согласен, и весь его вид показывал, что он не любил, не ненавидел никого на свете. Остаюсь я. Я — это слишком оригинальная фигура, чтобы не сказать о ней несколько слов. Представьте себе маленького человека, который держится до того неуклюже, что кажется уродливым, а своим печальным, мечтательным видом, головой, втянутой в высокие плечи, неуверенными и неопределенными манерами похож на ацефала из Гвианы¹, который делится своими мыслями с самим собой, как в обществе, и может хохотать, кричать, плакать в то время, как окружающие не могут даже догадаться о причине, и одновременно излишне робок, и излишне груб, любит удовольствия и из гордости отвергает вещи, которые могут их

¹ Люди в Америке, у которых голова помещается в груди.

доставить, проповедует терпимость и не выносит самого легкого противоречия, и т. д., и т. д., и т. д. Таков мой портрет без лести. Кое-кто мог бы захотеть подписать под ним фамилию Л-т-э, но я заявляю, что он — не я.

Прочие существа, заполнявшие карету, несколько превосходили нас. Среди них как раз то животное, которое более всего напоминало нас, т. е. обезьяна, стояло ниже других. Тем не менее это был философ (доказательством этому послужит ее своеобразное письмо, которое помещено в конце этого произведения).

Мне вскоре ужасно надоели монахи, актер и даже негоциант. Двум актрисам скоро надоел я сам. Таким образом, к концу второго дня мне оставалось только беседовать с лицом неопределенного вида. Благодаря своему характеру он выносил мою беседу столько времени, сколько я хотел. Незаметно мы с ним сблизились. И, поскольку у меня есть несколько хороших качеств, о которых я ничего не сказал, он удостоил меня своей дружбой. Это произошло примерно к вечеру четвертого дня.

— Кто вы такой? — спросил он меня, наконец.

Я ответил на его вопрос, описав портрет, который только что нарисовал.

— Это как раз то, что мне нужно, — сказал он: — меня интересовало вовсе не ваше положение или ваше состояние.

— Меня зовут кум Никола, — продолжал я. — Я был пастухом, виноградарем, садовником, крестьянином, школьником, монахом-послушником, ремесленником в городе, был женат, рогат, рас-

путен, был мудрым, глупым, умным, невеждой и философом. Теперь я литератор. Я написал много произведений, по большей части очень скверных. Я это сам понял. У меня хватило здравого смысла, чтобы их устыдиться и сказать самому себе, что я их публикую только по необходимости, для того чтобы жить и кормить своих детей и жену; ведь, в конце концов, сам ты можешь быть всем, чем угодно, но дети-то не сами собой появляются на свет и кто-то должен их прокармливать... Самое значительное мое произведение — это „Кум Никола“, т. е. моя собственная жизнь. Я подвергаю там анатомическому анализу человеческое сердце и надеюсь, что эта книга, написанная мне в ущерб, станет полезнейшей из книг. Я подвергаю себя в ней безжалостному анализу, жертвуя собой, как новый Курдий, для блага себе подобных. Я сочиняю сейчас еще одну книгу, под заглавием „Сова“, и еще...

Неопределенного вида человек прервал мою речь легкой улыбкой и сказал:

— Вы как раз то, что мне нужно: вы будете моим историографом. Я сообщу вам самые изумительные вещи. Необходимо только будет придать им правдоподобие, потому что этого им как раз недостает. Я говорю по-французски так же, как вы. У меня акцент не больше, чем у вас, и цвет лица ни более светлый, ни более смуглый. И однакоже, мою родину отделяет от вашей весь диаметр земного шара. Я родился в южном полушарии, под 00 градусом широты и 00 градусом долготы, на острове, который называется остров Кристины.

Он замолчал. Я удивленно его разглядывал. И поскольку он продолжал хранить молчание, я заговорил сам, поглощенный разными мыслями.

— Как,— воскликнул я,— возможно ли, что природа так двоится в двух полушариях, и что под одинаковой широтой можно найти не только те же растения и тех же животных, но и одинаковых людей, одинаковые государства и народы, говорящие на одном и том же языке? Ах, если бы это было так, это было бы прекрасное открытие, и ваша история была бы достаточно чудесна и достаточно интересна, чтобы доставить мне состояние и вытащить меня из нищеты, в которой я коснею после отцовского проклятия. Да, вы должны знать, что я был проклят; потому-то я и стал бедняком и рогоносцем.

Южный человек покачал головой и осведомился, почему я был проклят. Я рассказал ему свою историю, как она изложена в некоторых письмах, которые должны быть опубликованы только после моей смерти. Он еще раз покачал головой, но ничего не сказал по поводу моего рассказа.

Мы приближались к столице. И поскольку наша беседа носила весьма частный характер, нам из учтивости захотелось, перед расставанием, чтобы у наших спутников не осталось о нас плохого мнения. Мы рассыпались перед ними в комплиментах и похвалах. Нам ответили тем же все, кроме злой актрисы, которая с наслаждением вдыхала фимиам, но сама никому фимиама не курила, считая, что она заслуживает

всего, но сама не обязана ничем. Наконец, мы приехали. Первым поднялся бенедиктинец, который отряс свою рясу и заставил каждого из нас, кроме негодианта, чихнуть раз шесть. Мы расстались столь равнодушно, как будто никогда друг друга не видели. Актер и актрисы остановились на площади Карузель, бенедиктинец — в Сен-Жермен-де-Пре, адвокат — на улице Каландр, негодиант — на улице Бурдонне. Собаки и попутай последовали, повидимому, за своими господами. Что касается меня, то я повел к себе незнакомца, не забыв и его обезьяны, которая мне показалась весьма странным существом.

Как только мы устроились и отдохнули, мы возобновили нашу беседу более непринужденно, чем в лионском дилижансе.

— Я не хочу оставлять вас в заблуждении, — сказал мне южный человек. — Люди антарктического полушария абсолютно отличны от здешних обитателей. В том особом климате все существует отдельно, потому что все осталось таким, каким вышло из рук природы. В Европе, в Азии и даже в Африке живые существа, так сказать, амальгамировались и усовершенствовались, или, по крайней мере, наиболее совершенные уничтожили тех особей своего вида, которые, как им казалось, их стесняли, были уродливы и т. д. Все обстоит иначе в южном полушарии. Там не произошло никакого смешения. Существа, достигшие совершенства лишь наполовину, остались такими же до сих пор, так что один их вид внушает страх; европейцы не преминули бы их уничтожить. Поэтому-то мы и решили скрывать нашу страну. У нас существует закон,

гласящий, что иностранцы, которые попадут в нашу страну нормальным путем или в результате кораблекрушения, должны быть там задержаны и лишены возможности когда бы то ни было вернуться к себе. При этом, однако, с ними обращаются так, чтобы у них не оставалось сожаления о родине. Они пользуются всеми правами гражданства и притом не обязаны работать, и лишь их дети полностью подчиняются общему порядку. Кроме того, у нас есть всего один корабль, который к тому же находится в распоряжении государства, а не частных лиц. Он доверен принцам крови, которых невозможно обмануть по причинам, о которых вы скоро узнаете. Я собираюсь рассказать вам нечто, что должно вас удивить.

На этом мы закончили в первый день. Мое любопытство было возбуждено невообразимо, и я с большим нетерпением ожидал следующего дня. Наконец, этот желанный день наступил. После завтрака мы выпили шоколаду, и тогда мой незнакомец сказал мне:

— По происхождению я француз, как и все почти мои соотечественники. Мы живем по ту сторону тропика Козерога, на прекрасном острове, названном нами по имени нашей первой королевы, которая еще жива. Остров находится на том же меридиане, что и Франция; часы дня и ночи у нас совпадают. Я вам сказал, что у нас существует закон, запрещающий всем жителям далекие морские путешествия. Поэтому вы должны понять, что я путешествую с разрешения руководителей моей нации. Из всех людей, которых я до сих пор встречал за те

полгода, что я объезжал южные провинции Франции, вы первый, которому я счел возможным открыться, потому что вы, я надеюсь, поможете мне в моих розысках. Целью моего путешествия не являются ни сокровища, ни богатства. Дело идет о чем-то гораздо более важном. Я хотел бы связаться с каким-нибудь первоклассным ученым, выдающимся философом, вроде Жан-Жака Руссо, де-Вольтера или де-Бюффона, и убедить его, чтобы он позволил нашим принцам крови, которые летают при помощи искусственных крыльев и так путешествуют по всему миру, унести себя вместе со мной. Я сегодня же расскажу вам историю мудрого смертного, которому мы обязаны существованием счастливейшего во всем свете правления. Но прежде всего я хотел бы, чтобы вы поставили меня в известность о некоторых вещах, которые я могу не знать. Например, кто из ваших великих людей согласился бы на то, чтобы его перенесли в южные земли?

— Этот вопрос представляет некоторые трудности,— ответил я.— Самыми великими людьми являются де-Вольтер, Руссо, де-Бюффон. Живет здесь еще Франклин, посланник Соединенных штатов Америки, который вполне пригодился бы для вас. Но он, по всей видимости, не откажется от интересов своей страны, чтобы отправиться осчастливить другую. Что касается де-Вольтера, то он слишком стар. Когда он был моложе, вы легко бы его заполучили, но... он слишком остроумен. Этот прекрасный недостаток едва можно переносить в этой стране, где разрешается безнаказанно обладать любым остроумием; мне

представляется, что у вас он бы не акклиматизировался. Де-Бюффон был бы более пригоден. Но он устроился здесь достаточно хорошо, чтобы желать нас покинуть. Остается, значит, Руссо. Я думаю, что мы его легко заполучим. У него есть основания жаловаться на нас, и он охотно нас покинет. Но для того, чтобы его исчезновение не произвело слишком много шума, нужно условиться с ним об этом деле. Он будет объявлен умершим; маркиз де-Жирарден, у которого он пребывает, воздвигнет ему мнимую могилу, и в тот самый день, когда весть о его внезапной смерти огорчит всю Европу, его на самом деле похитят ваши принцы крови.

Южанин бросился целовать меня от радости. Чтобы не держать долго читателя в неизвестности, скажу в двух словах, что это похищение было самым счастливым образом осуществлено. Об этом знают только двое друзей Жан-Жака Руссо и я. Я буду хранить об этом молчание всю свою жизнь, и эта история будет опубликована только после моей смерти. Тогда потомство узнает, что гробница в Эрменонвилле ничего не содержит.

Затем южанин возобновил свой рассказ и передал мне следующие необыкновенные факты, которые я привожу дословно.

Лет семьдесят тому назад один юноша из Дофине изобрел способ летать (наподобие птиц, чтобы это было вам понятно). И мотивом его страстного желания летать была любовь.

Викторин (так звали этого юношу из Дофине), сын простого фискального прокурора, безумно влюбился в прекрасную Кристину, дочь

своего сеньора. Кристина была красивей всех на свете, или, по крайней мере, всех, кого он до тех пор видел. Он думал только о ней. Он худел от любви. И поскольку это чувство не сопровождалось никакой надеждой, оно было страшной пыткой. Молодой человек искал только уединения, и когда он оказывался на лоне природы среди увенчанных лесами холмов, ему казалось, что он дышит воздухом счастливого античного равенства людей. В самом деле, нет ничего на свете, что возвращало бы человека более реально к его естественному состоянию, чем просторная и первобытная местность, окруженная лесами или лугами, особенно, если он поднимается на холм. Он испытывает тогда чудесное чувство, незнакомое ему в населенных районах и особенно здесь, где все превращено в парки и на всем лежит печать запрета и стеснения.

В доме фискального прокурора был один слуга, порядочный пройдоха и лентяй, но большой любитель чтения, по имени Жан Везинье. Этот парень читал прекрасную и достоверную историю Фортуната, который благодаря своей шапочке переносился со своей возлюбленной всюду, куда хотел. Он читал историю Мишеля Морена, историю „Свадьбы смерти с могильщиком“ и о рождении их детей, которые ели землю вместо хлеба, и т. д. Этому-то парню, ум которого был просвещен столь прекрасными познаниями, Викторин и открылся в своем страстном желании иметь крылья и научиться летать. Жан Везинье серьезно выслушал его и, поразмыслив около часа, ответил:

— Это не невозможно.

Обезумевший от радости Викторин обнял приятеля. У Везинье были изобретательские способности, и Викторин стал умолять его попытаться общими усилиями что-нибудь соорудить.

Они уединились, чтобы урвать как можно больше времени для полезных занятий. Они стали мастерить зубчатые колеса и все более и более усложнять их движения, и наконец им удалось соорудить деревянную систему колес, приводившую в движение пару парусиновых крыльев. Эта тяжелая машина могла поднимать человека с земли, но приводить ее в движение было очень утомительно. Тем не менее изобретательный Жан Везинье решил испытать эту машину, не подвергая опасности сына своего хозяина. Они отправились на гору, поднялись на утес, и Везинье бросился оттуда вниз. Своим крыльям он придал изгиб птичьего крыла. Вместе с этими крыльями он очень походил на большую летучую мышь. Но тут выяснился один недостаток, которого он раньше не предвидел: не обладая самостоятельным поступательным движением, он мог на своих крыльях летать лишь по ветру. Все же он пролетел достаточно большое расстояние, что преисполнило радостью молодого Викторина, который, видя летящего Везинье, собрался, что с некоторыми другими приспособлениями и при более легких крыльях можно будет придать движению поступательный характер, а также управлять подъемом и спуском. Жан летел, покуда позволяли ему его силы. Но уже через четверть часа он утомился и стал опускаться на землю,

замедляя свои движения. Викторин подбежал и не дал ему разбиться, что было возможно, так как он падал ничком.

После этой попытки Викторин и Жан Везинье говорили только о своих крыльях и о том, что они сделают, когда будут в состоянии летать на дальние расстояния. Викторин только и дышал своей Кристиной и хотел разыскать какой-нибудь остров или недоступную гору, чтобы перенести ее туда и жить вместе с ней. У Жана Везинье были совсем другие намерения. Он хотел отомстить своим врагам, убив их с воздуха. Он хотел также похитить местных девушек, не пожелавших выйти за него замуж из-за его лени, насладиться ими в свое удовольствие, а затем вернуть их обесчещенными их родителям. Особенно он был зол на некую Эдме Буассар, дочь школьного учителя, красивейшую из невест, которая предпочла ему сына кузнеца. Викторину не нравились эти планы, и он часто упрекал приятеля за это. Но, поскольку Везинье был ему нужен, он не решался окончательно с ним поссориться.

Наконец они усовершенствовали свои крылья и после некоторых добавлений и замены парусины тафтой достигли того, что сумели добиться горизонтально-поступательного движения и даже обратного, научились подниматься прямо от земли и опускаться по собственному желанию. Однажды они отправились производить опыты в пустынном месте. Они вместе поднялись. Но к несчастью машина Жана Везинье сломалась, и он упал с большой высоты в пруд, где и утонул. Викторин не в силах был его спасти. Он

вернулся домой и рассказал про несчастный случай со слугой, умолчав о причине. Люди бросились к пруду и вытащили оттуда Везинье. Но они ничего не поняли в той машине, которая при нем была и вся была покрыта илом. Викторин, у которого были к тому свои основания, извлек машину, разбил ее на куски и так умело сломал колеса, что ничего нельзя было в них понять. Жана принесли домой в бессознательном состоянии. Его можно было бы вернуть к жизни, если бы были известны открытия, сделанные недавно во Франции. Но та помощь, которую ему пытались оказать тогда, лишь ускорила его смерть.

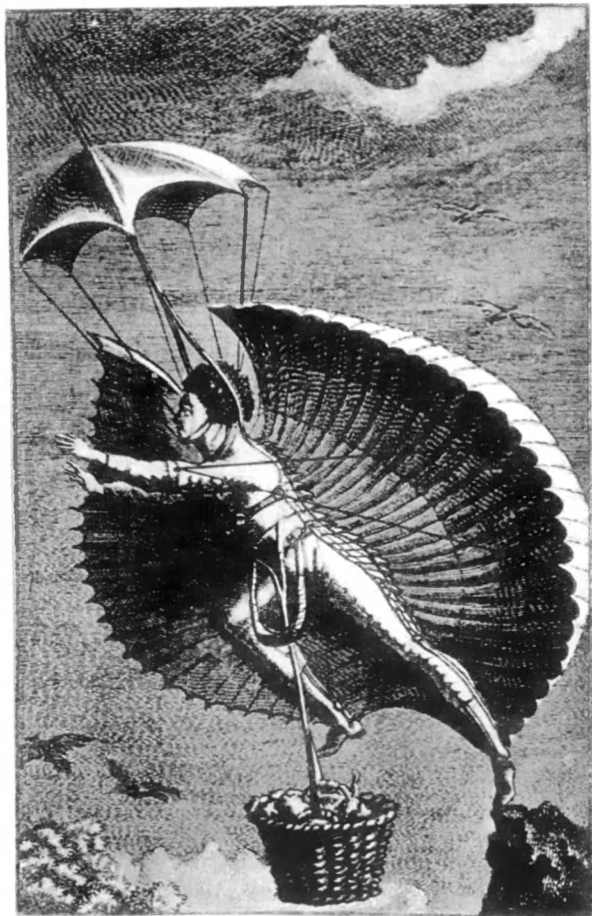
И вот Викторин остался один, предоставленный только своему собственному дарованию. Он снова стал часто уединяться, чтобы мечтать о своем проекте, думать о Кристине и в то же время утешать свою юную душу грезами о свободе.

Целых два года труда и рвения, которые несомненно сократил бы Жан Везинье, привели только к жалким и мало эффектным результатам по сравнению с совершенством природы и с тем, что он хотел осуществить. Между тем Кристина росла и хорошела. Заговорили о том, чтобы выдать ее замуж. Это повергло Викторина в трепет, и он удвоил свои усилия. Он исследовал все виды полетов насекомых и птиц. Легко можно было, ему казалось, подражать механизму полета бабочки, но для этого требовался слишком мощный двигатель и слишком большие крылья. Он снова изучал полет куропатки, который был близок к полету бабочки. Полет гусей

и больших птиц кажется легким, но на самом деле он тяжел, и для него требуется воздух более плотный, т. е. более конденсированный благодаря холоду, каким является воздух на больших высотах. Так размышлял Викторин, хотя был простым крестьянином, молодым и беспомощным. Чего не может сделать любовь! Ах, только любовь была изобретателем всех искусств!

Наконец Викторин усовершенствовал изобретение Жана Везинье. Быстро работая механизмом, он мог подниматься с земли подобно куропатке, а медленно двигаясь, летел подобно большим перелетным птицам, которые редко и размеренно делают взмахи крыльями. Он сделал крылья из самой легкой тафты, прикрепленной к китовому уссу, более плотному у основания и постепенно утончавшемуся, что довольно близко напоминало строение птичьих перьев.

Он перенес эти усовершенствованные крылья в пустынное место, чтобы произвести новый большой опыт. Раньше он упражнялся на дворе своего отца во время воскресной службы, когда все бывали в церкви. Но он не осмеливался там подниматься в воздух, отчасти из боязни быть замеченным детьми, отчасти из страха, что какой-нибудь несчастный случай принудит его звать на помощь и выдать свою тайну. Он отправился с самого утра в уединенное место, решив подвергнуться любому риску и подняться на возможно большую высоту, даже с опасностью потерять жизнь при этой попытке. Потерять Кристину было бы для него большим несчастьем.

Достигнув уединенного холма, Викторин приладил свои крылья. Его опоясывал широкий и крепкий ремень, заказанный им у шорника. Два другие, меньших размеров, прикрепленные к обуви, проходили вдоль его ног с наружной стороны и соединялись с поясом. Крепкие шнуры шли вдоль ребер и достигали головного шлема, соединенного в свою очередь с плечами при помощи четырех шнуров, между которыми проходили руки. По обеим сторонам туловища были прикреплены китовые усы, на которые была натянута тафта. Крылья эти, прикрепленные также к рукам двумя шнурами снаружи, были расположены таким образом, что они поддерживали человека во всю длину от головы до ног. Для направления движения служил аппарат, имевший вид остроконечного зонта. Так как руки летающего человека должны были быть совершенно свободными, то рычаг, сообщавший движение крыльям, приводился в движение двумя ремнями, проходившими под подошвами. Для того, чтобы летать, нужно было поэтому производить лишь обычное при ходьбе движение, которое легко было произвольно ускорять или замедлять. Каждая из ног приводила в движение оба крыла. Кроме того, посредством небольшого приспособления ногой раскрывался также остроконечный зонт. Эта операция производилась двумя китовыми усами, приводившимися в движение посредством находившегося под ногами колеса с двумя зубцами. Полету можно было дать горизонтальное или вертикальное направление путем известного сжатия крыльев, осуществлявшегося при по-

мощи шнуров, продетых подмышками и кончавшихся у подбородника, и ими можно было управлять движением головы. При помощи этих двух шнуров острие зонта опускалось и вращалось во всех направлениях. Механизм этой летательной машины был из дерева и не был особенно тяжелым, кроме двух зубчатых колес и упоров из полированной стали. Трению подавалась только лента, приводившая в движение рычаг крыльев. У Викторина во время полета всегда были запасные шелковые ленты в кармане. Он осматривал эту ленту каждый раз перед полетом и всегда сменял ее раньше, чем она изнашивалась. Преимуществом такой ленты было то, что полет был почти не утомителен; благодаря этому можно было совершать далекие путешествия. После нескольких недель опытов Викторин усовершенствовал свою машину, устроив в ней второй рычаг, сходный с первым, хотя и менее сильный. В случае аварии можно было при помощи этого рычага держаться в воздухе, пока не будет заменена лента на основном механизме.

Итак, Викторин дошел до холма, поднялся на маленький выступ и, придав своим крыльям сначала быстрое движение полета куропатки, сравнительно легко отделился от земли. Но от непривычки находиться в воздухе у него началось головокружение; он мог подняться, только закрыв глаза. Вскоре он ощутил довольно сильный холод. Он заметил также, что парит с удивительной легкостью и что самое незначительное движение ног дает ему возможность держаться в воздухе. На мгновение он открыл глаза

и увидел себя на чудовищной высоте. Он тотчас же потянул два шнура, двигавшие остроконечный зонт, и направил острие вниз, благодаря чему сумел достаточно быстро снизиться. Уже приближаясь к земле, он поставил зонт горизонтально, чтобы снова достигнуть холма, от которого он удалился более чем на два лье, хотя его полет продолжался примерно не больше четверти часа,— настолько его полет был стремителен,— и удачно опустился там на землю.

Управляя зонтом, Викторин мог таким образом производить на своих крыльях полеты в трех направлениях: вверх, вниз и горизонтально.

После ряда опытов, увенчавшихся успехом, Викторин свернул свои искусственные крылья и, весьма довольный, возвратился домой.

Радужные грезы овладели им по дороге. Его воображению представлялось, как он похитит Кристину, перенесет ее в прекрасную и недоступную местность и будет ею любим, как счастливо они заживут, пользуясь полной свободой. Эти мысли приводили его в восторг, и он твердо решил приложить все усилия, чтобы их осуществить.

Так как он жил в провинции Дофине, то его родное местечко находилось всего в пять лье от Неприступной горы, названной так потому, что она имела вид перевернутой сахарной головы. Викторин, под предлогом охоты, вышел однажды из дома перед зарей со своими крыльями и запасом провизии на день. Как только он оказался в поле, он полетел к Неприступной горе и на рассвете достиг ее. На этой горе он нашел приятного вида площадку с маленьким

ручьём, который бил из-под утеса и почти тут же пропал в земле. Нежная травка покрывала это прелестное место. С северной стороны открывалась довольно глубокая пещера, а с южной — скалистые края горы были украшены деревьями, на которых можно было видеть тысячи птичьих гнезд. Было там и несколько диких деревьев, между прочим и каштановое. Тучи пчел гудели на южной стороне вокруг одного утеса, достаточно расщепленного, чтобы служить убежищем для этих полезных насекомых. Викторин провел весь день в этом прелестном месте и был обрадован, заметив там несколько диких коз. В полдень он обошел свои новые владения, чтобы выяснить, не скрываются ли там какие-нибудь ядовитые животные, и действительно обнаружил двух или трех змей, которых и убил. Затем он полетел на утесы, прикрывавшие пещеру, и оттуда открыл другую тенистую площадку, которая показалась ему весьма удобной для летнего отдыха благодаря своей прохладе. Он опустился там и осмотрел ее всю. Он не обнаружил никаких ядовитых пресмыкающихся, но увидел много голубей разных пород. Там было пять-шесть маленьких источников, вытекавших, по видимому, из кратера бывшего вулкана, покрытого льдом, который слабо таял даже в самую сильную жару, потому что туда не проникали солнечные лучи, и, таким образом, кратер этот был как бы естественным ледником. Викторин вынул там воды и нашел ее превосходной.

— Вот, — сказал он себе, — где будет мой летний дворец. Здесь прекрасная Кристина сохранит нежный цвет своего лица. Другая площадка

будет моим местопребыванием зимой, весной и осенью.

После того как он все обследовал, он подкрепился завтраком, который ему очень хотелось бы разделить с Кристиной. Восстановив свои силы, он взлетел на страшную высоту, поднимаясь гораздо смелее, чем он это делал раньше. Затем он стал стремительно опускаться, упражняясь в управлении остроконечным зонтом, а направляя движение вверх, брал в руки большие камни, в то время как его ноги быстро двигали подъемный рычаг. Он переходил далее на горизонтальный полет с помощью своего подбородника и продолжал все время парить на значительной высоте, чтобы его не заметили люди с земли.

Все эти опыты ему удалось, правда, лишь после многократных повторений. С наступлением ночи он вернулся в отцовский дом, на что потребовалось час или полтора. Преисполненный радости по поводу своего открытия, он решил использовать все ночи для того, чтобы перенести на Непрístupную гору различные вещи, как например, сельскохозяйственные орудия, одежду и белье, которое он сумел раздобыть. Он перенес туда также кур, кроликов и даже двух ягнят — барашка и овечку.

Он сделал больше. Увидев однажды во дворе замка большое количество белья, которое принадлежало Кристине и ее горничной и сушилось там после стирки (что проделывалось только раз в год), он прилетел туда ночью, собрал белье в узлы и в три полета перенес на Непрístupную гору почти все, что принадлежало

дочери сеньора. Наутро в замке поднялся страшный шум. Белье искали повсюду и обвиняли в краже разных лиц. Но так как невозможно было добыть какие-либо доказательства их виновности и белья не оказалось нигде, ни у торговцев соседних городов, ни на ярмарках, то никого нельзя было привлечь к ответственности.

После этих основательных приготовлений Викторин решил провести еще один день на своей горе, которую мог бы рассматривать как свое маленькое государство, если бы сам не был подчинен суверенной власти женщины и не был в силу этого даже лишен возможности располагать самим собой. Он снова упражнялся в летании и в перенесении тяжелых грузов. Он устроил удобные убежища для ягнят и для кур. Это отняло очень мало времени, потому что он нашел много укрытий под скалами. Затем он начал возделывать маленький участок земли, намереваясь насадить там виноградные лозы, которые собирался взять из сада своего отца. Следующей ночью это было выполнено. И, поскольку ямы были уже приготовлены, ему оставалось только перенести лозы в корзине, куда он сложил их вместе с землей для того, чтобы они легче принялись.

Затем он сообразил, что на гору следует перенести кого-нибудь, кто заботился бы о ягнятах, курах и т. д., которые могли иначе погибнуть или, по крайней мере, одичать. В его поселке жила невестка Жана Везинье, которая в ранней молодости осталась вдовой и без детей. Эта женщина не была благоразумна после

смерти своего мужа, и предполагали, что первым ее соблазнил ее шурин, Жан. Как бы там ни было, у этой женщины была незаконнорожденная дочь, которую она сама выкормила и воспитала. Эта бедняжка подвергалась со стороны других детей оскорблениям и насмешкам, что доставляло много горя ее матери. Викторин думал, что он доставит только радость этим двум созданным, если перенесет их на Неприступную гору, где будет их кормить за то, что они будут заботиться о животных, ухаживать за садом и посеят немного пшеницы.

Приняв такое решение, он взялся за его осуществление. Однажды вечером, прогуливаясь по поселку, он увидел невестку Везинье с ее дочерью. Они дышали свежим воздухом у своего порога, не осмеливаясь пойти поболтать с соседями. Он подошел к ним и сказал, что хотел бы с ними поговорить, но, не желая быть замеченным, считает удобнее, чтобы они явились в одно отдаленное место, которое он им и указал. Пока они шли туда, он приладил свои крылья и полетел. Матери с дочкой он заранее велел подняться на небольшое возвышение, чтобы можно было заметить их издали. Ему не пришлось даже окликать их: он обрушился на них и увлек обеих на двух широких ремнях, которыми обвязал их подмышками. От страха женщины потеряли сознание, а Викторин, удвоив силы, меньше, чем в час, достиг со своей ношей Неприступной горы. Здесь он положил их рядом с ранее заготовленной провизией, брызнул им в лицо водой и, когда заметил, что они приходят в сознание, незаметно уда-

лился. Так как мать хорошо умела читать, то он оставил ей записку, в которой перечислил все, что она должна была делать. Придя в себя, женщина прочитала записку, в которой ей было обещано, что ее не оставят без пропитания и в скором времени ей дадут помощников. Это ее несколько утешило. Но у нее создалось странное впечатление об их похищении. В тот момент в месте их похищения не было людей, и, поэтому, она решила, что ее увлек дьявол в наказание за ее прошлое поведение. Она, однако, выполнила то, что ей было приказано, и принялась работать вместе со своей дочерью. Викторин время от времени доставлял ей ночью провизию, оставаясь сам незамеченным.

Вернувшись в день похищения в отцовский дом, он лег в постель и заснул довольно поздно. В маленьком поселке все производит сенсацию. Утром, после пробуждения, он услышал, как все только и говорили что об исчезновении вдовы Везинье и ее дочери. Полагали, что они ушли из поселка из-за обид. Но все удивлялись тому, что они не продали своего имущества,— даже кухонных принадлежностей. Осмотрели все колодцы, опасаясь, не бросились ли они туда. Произвели расспросы в соседних деревнях и по дорогам. Но так ничего и не могли открыть. Тогда-то добрые люди и стали говорить, что их унес дьявол. Все старухи округа в этом вскоре совершенно уверились.

В результате этих приготовлений у Викторина созрел твердый и продуманный план. Он не пропуская возможности являться чуть не каждый день в сад замка и старался завоевать

расположение Кристины своей услужливостью. Это ему удалось. Как-то раз он увидел дочку сеньора днем, и при встрече она улыбнулась ему особенно любезно. Он последовал за ней, стараясь не казаться навязчивым. Не то нарочно, не то по невнимательности прекрасная Кристина уронила веер и продолжала свой путь. Викторин поднял веер и бросился за ней, чтобы его отдать. Но по пути он пять-шесть раз поднес его к губам, и Кристина заметила это. Она приняла от него веер с благосклонностью, так как в этот момент была одна, и обратилась к нему с расспросами. Она спросила, есть ли у него возлюбленная.

— Да, мадемуазель.

— Красива она?

— Как только что распустившаяся роза.

— И любит вас?.. О, несомненно,— прибавила она поспешно.

— Увы, нет,— сказал Викторин со вздохом.

— Значит, она ничего не понимает или очень горда.

— Да, мадемуазель, она горда, но у нее есть основание для этого: я—ничто рядом с ней.

— Это, значит, важная дама?

— И больше того, это сама красота. Даже король не был бы для нее слишком хорошей партией.

— Вы возбуждаете мое любопытство. Где же скрывается эта красавица?

— Среди лилий и роз. Она обитает в прекрасных местах, которые еще больше украшает своим присутствием.

— Вы, верно, читали романы, г-н Викторин?

— Да, я читал „Кира“, „Полександра“, „Кле-
лию“, „Астрю“ и „Принцессу Клевскую“, ко-
торая мне особенно понравилась.

— Я догадалась об этом, слушая ваш раз-
говор.

— Ах, мадемуазель, слишком много чести.

— Вам следует прочитать английские ро-
маны: „Памелу“, „Клариссу“, „Грандисона“.

— Их я не читал.

— Я скажу Жюльене, чтобы она вам их
дала. Но только не извольте стать Ловеласом.

— Раз вы мне это запрещаете, мадемуазель,
уверю вас, что я им не стану.

Кристина улыбнулась: так наивно Викторин
сказал ей это. Но, дойдя до конца аллеи, она
заметила своего отца, мать и нескольких близ-
ких друзей. Она покраснела из-за фамильяр-
ности, которую допустила в обращении с сыном
фискального прокурора, и снова приняла свой
неприступный, но все же очаровательный вид,
сказав ему: „Прощайте, Викторин“.

Удаляясь, молодой человек поклонился ком-
пании, стараясь сделать это как можно изящ-
нее. Но он чувствовал, что мужицкая неуклю-
жесть мешала ему в этом.

По субботам Викторин отправлялся на Не-
приступную гору, чтобы доставить продукты
вдове Везинье и ее дочери (эти путешествия
происходили по вечерам). Он приводил также
в приличное состояние пещеру для того, чтобы
поместить там Кристину. Он перенес туда раз-
ные вещи, которые получил в виде подарков
от одного своего друга — шеголя. В первом при-
падке признательности тот подарил ему пре-

красную кровать, кресла, столы, комод и даже софу, а также серебряную посуду, белье, платье и т. д. Когда все это было уже в пещере, он начал думать о вещах более серьезных. Южная площадка могла быть целиком засеяна и доставить пропитание для тридцати-сорока человек. У вдовы Везинье и ее дочери эта работа подвигалась крайне медленно, им нужен был помощник, а особенно нужны были лошади или быки. Викторин знал в своем селе одного бедного юношу, влюбленного в дочку богатого крестьянина, у которого тот работал пахарем и виноградарем. Однажды вечером он его похитил и перенес на Непрístupную гору, предварительно поместив там трех лошадей, соху, зерно для посева и т. п. Бедняге, который его не узнал и также принял за дьявола, он обещал доставить его возлюбленную, при условии, что тот будет с ней хорошо обращаться. Он показал ему провизию, приказал распахать вместе с двумя женщинами поле и обещал появляться каждую неделю.

Викторин остерегался похищать дочку крестьянина, пока не убедился, что никто не подозревает, что случилось с батраком. Он должен был также ожидать благоприятного случая, чтобы захватить ее ночью, когда его никто не мог увидеть. Такие случаи бывали редки, поскольку ему требовался, по крайней мере, час, чтобы долететь от горы до своей деревни, а он не часто мог совершать подобные путешествия. Но, в конце концов, ему представился более благоприятный случай, чем он мог надеяться. Однажды вечером девушка оставила все свое

белье и белье своей матери сушиться в саду. Викторин все это захватил вместе с корсетами, юбками и т. п. На следующий день он снова вернулся и, заметив, что крестьянин прячется с ружьем в одном углу сада, его жена — в другом, а все его люди также рассеяны по саду, — стал разыскивать дочку. Она оказалась на пороге дома со светильником в руке. Он обрушился на девушку, пролетев дугой мимо порога. Она испустила слабый крик и потеряла сознание. Викторин доставил ее на Непрístupную гору, где и оставил под надзором вдовы Везинье и батрака, приказав последнему, под страхом смерти, не покушаться на нее до тех пор, пока он не найдет способа их поженить. Это доставило большую радость парню, так как он убедился, что унес его не дьявол, потому что дьявол может толкать только на дурные поступки. Так же полагала и вдова Везинье. Бедная Катос была крайне изумлена, когда, придя в чувство, увидела себя в объятиях Иоахима. Сколько он ее ни убеждал, что похитил ее не он, она ничему не желала верить и хотела вернуться к отцу, пока он ей не показал, что это невозможно и что они не могут оставить место своего пребывания.

Дело было осенью. Катос была также крайне удивлена, обнаружив здесь двух женщин, которых считали утонувшими в колоде. Втроем они помогали Иоахиму в его работах и засеяли достаточно земли, чтобы прокормить десять-двенадцать человек. Викторин часто к ним являлся, чтобы принести им провизию и поощрить к работе. Что касается Кристины, то

он решил ожидать лета, чтобы ее похитить, если только не захотят ее выдать замуж раньше. Однако подходящих партий для нее пока не оказывалось. Поэтому у Викторина оставалось время, чтобы разукрасить помещение, которое он предназначал для царицы своих грез, и даже создать маленькое государство, королевой которого она должна была стать. Он перенес на Непрístupную гору сапожника, парикмахершу, которая должна была служить горничной, швею, портного и кухарку. Затем, решив, что все эти люди могут желать друг друга, он доставил им однажды вечером священника, которого посвятил по дороге в свои намерения. Это духовное лицо предписало новым жителям Непрístupной горы избрать взаимно друг друга, чтобы он мог их немедленно обвенчать. Батрак избрал свою Катос, сапожник — кухарку, портной — швею. Оставалась парикмахерша, которой Викторин обещал доставить скоро хорошего мужа.

Так шло время. Викторин попрежнему носил каждую ночь на Непрístupную гору разные необходимые предметы. С удовольствием видел он, что его земледелец готовится снять большой урожай. Предшествующей весной он посадил на маленьком холмике виноградные лозы. Но в ожидании, пока они принесут плоды, у него хватило сил (настолько хороши были его рычаги) перенести на гору несколько полбоченков бургундского и других вин. Для того, чтобы иметь возможность посещать Непрístupную гору, он делал вид, что разъезжает по окрестностям. Он улетал ночью, прилетал за светом, производил нужные закупки и увозил

их следующей ночью, предварительно поместив с вечера в укромное место.

Наконец все было готово, чтобы принять Кристину. Урожай на Непрístupной горе был собран. Викторин только что закончил ветряную мельницу для помола зерна. Все необходимое было выстроено, и он решился, наконец, похитить свою возлюбленную. Счастливый случай позволил даже захватить целый чемодан с ее лучшими нарядами.

Кристина должна была отправиться в город. Дело происходило накануне отъезда. Карета стояла заложенной. Викторин в тот же вечер обследовал все. В течение ночи он похитил почти все, что принадлежало его возлюбленной, проделав в эту ночь два путешествия на Непрístupную гору. Во время первого перелета он снес чемодан; а возвратившись, стал поджидать, когда Кристина выйдет из дома, чтобы садиться в карету. Это должно было произойти рано утром, потому что хотели прибыть в город к обеду. Ожидания не обманули его. Перед рассветом в замке Б-м-т все были на ногах. Луны не было. Было еще темно. Викторин, который имел уже столько опыта в похищении нужных ему лиц, предназначенных служить владычице его дум, недвижно царил над замком. Так орел с крючковатыми когтями поджидает ягненка, пасущегося, резвясь, на лугу. Наконец появилась Кристина. Впереди шла, освещая дорогу, горничная, а позади — отец, бранивший нерадивых слуг. Кристина осталась на пороге в то время, как отец и горничная спустились во двор. Момент был слишком благоприятен, чтобы им не

воспользоваться. Викторин, направив вниз свой рулевой зонт, обрушился на прекрасную Кристину и похитил ее, пытаясь успокоить ее словами:

— Не бойтесь, божество души моей. Я обожаю вас. Не бойтесь ничего.

Но страх был сильнее. Кристина, чувствуя, что ее увлекает какое-то чудовище, испустила протяжный крик и лишилась чувств. Отец услышал этот крик, так же, как шум полета Викторина, который ему показался шумом от разрушения части его замка.

— Ах, моя дочь раздавлена! — вскричал он.

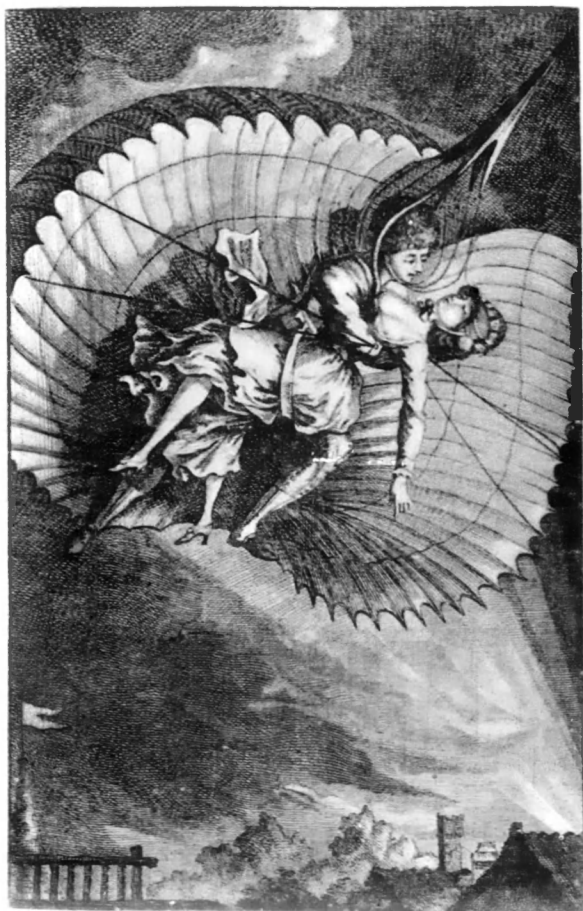
И он бросился в ту сторону, откуда исходил крик. Пока он бежал, его светильник погас. Он позвал Кристину. Но Кристина не отвечала на его повторный зов. Сбежались слуги. Повсюду искали, — Кристины нигде не было. Пока продолжалась эта суматоха, начало рассветать. Думали, что теперь-то найдут то, что боялись увидеть, т. е. раздавленную Кристину. Но нигде не оказывалось ни малейшего ее следа: дочь сеньора исчезла. Какой удар для отца, обожавшего столь прекрасную и достойную дочь!

Тем временем Викторин плыл в воздухе, унося свою драгоценную добычу. Кристина продолжала оставаться в забвенье, и поэтому ее обожатель спешил скорей прилететь на место, опасаясь, чтобы она, шридя в чувство и увидя себя на такой высоте, не испытала слишком большого потрясения. Он достиг Непрístupной горы как раз в тот момент, когда его прекрасная возлюбленная приоткрыла глаза. У него только хватило времени снять свои крылья и шлем,

прежде чем вернуться к ней, чтобы ее успокоить.

— Где я, Викторин? — сказала юна. — Ах, как я счастлива видеть вас! Это, значит, вы освободили меня из когтей огромной птицы, которая меня уносила?.. Где мой отец, Викторин, где он?.. Как вы меня освободили?

— Увы, обожаемая Кристина, вы находитесь в убежище этой птицы. Но вам нечего бояться, пока я остаюсь при вас. Я сторожу вас все время после первого появления этого чудовища, и мне известно, куда оно переносит похищаемых им людей. Я однажды читал, что некий Дедал, желая спастись с острова Крита, сделал себе крылья. Будучи изобретательным, я тотчас же начал ломать голову над тем, как бы мне так же соорудить крылья, раз это возможно, чтобы следить за вашей безопасностью, летая в воздухе, как птица. К счастью, после многих неудачных попыток, мне это удалось. Этим утром я вышел из отцовского дома, чтобы засвидетельствовать вам, перед вашим отъездом, свое почтение. Я заметил огромную птицу и заподозрил, что она замышляет что-то недоброе. Я развернул свои бывшие наготове крылья и спрятался. Как только вы появились, мои опасения слишком быстро подтвердились. Огромная птица обрушилась на вас и похитила. Но я ее преследовал до этой горы, чтобы вырвать у нее добычу. Мы находимся на Неприступной горе. Птица оставила вас здесь и удалилась, несомненно на самое короткое время. Но я раскрыл тайну, как можно ее победить, и как только она вновь появится, я нападу на нее. Плохо лишь то,

что сам я, правда, могу выйти отсюда, но мне никогда нельзя будет забрать вас вместе с собой. Поэтому я буду вынужден жить около вас, куда вы будете здесь оставаться, и стану удаляться отсюда только по вашим приказаниям и на время, указанное вами. Вы ни в чем не будете испытывать здесь недостатка, прекрасная Кристина. Для меня явится законом исполнять все ваши желания.

Кристина оставалась полумертвой от страха в продолжение этого рассказа и была не в силах его прервать. Викторин умолял ее войти в грот, где она была бы в большей безопасности в случае возвращения большой птицы. Она согласилась на это из страха и, однако, была приятно удивлена, когда нашла там столь же удобное и разукрашенное помещение, как ее собственное. Викторин оставил ее там под предлогом, что ему нужно посмотреть, не возвращается ли птица и не может ли он вступить с ней в сражение. На самом деле он отправился, чтобы дать указания своим слугам и обязать их под страхом смерти хранить тайну. То представление, которое создалось у Кристины о ее похищении, изменило его план поведения. Вместо того, чтобы признаться ей в своей любви и испросить во имя ее прощения своему преступлению, он решил представиться ее защитником, завоевать мало-помалу ее сердце и стать ее мужем столько же по ее выбору, сколько по необходимости. Особенно подробно он обучил парикмахершу, которая должна была стать горничной. Она была толковая, а он обещал ей хорошего мужа за

преданность. В то же время он убедил ее, что она не избежит его мести, если попытается его предать.

После того как были приняты все эти предосторожности, Викторин вымазался кровью нескольких голубей, которых убил к обеду, и, притворяясь взволнованным, явился к Кристине. Он уверил ее, что только что ранил и обратил в бегство большую птицу, но что не может поручиться, что она не прилетит снова, так как не знает, смертельны ли ее раны. Кристина успокоилась и выразила ему свою признательность. Он убедил ее немного подкрепиться в ожидании обеда. Тут появились горничная и кухарка и предложили Кристине свои услуги, так как они были ниже ее по положению и, без сомнения, предназначались большой птицей для ее обслуживания; именно с этой целью и были, очевидно, предварительно похищены. Явилась также Катос, вдова Везинье и ее дочь. Кристина легко узнала всех трех и заставила каждую в малейших подробностях рассказать, как их похитили. Подробности у всех оказались одинаковы.

Викторин в стороне подслушивал все, что говорилось, готовый появиться при малейшем проявлении нескромности. Но он имел основание остаться довольным. Он даже дал это заметить трем женщинам, когда появился снова. Затем, когда Кристина позавтракала, он пригласил ее отправиться на осмотр своих новых земель, — для того, чтобы вступить во владение ими, как объяснил он ей, тем более, что не было никаких оснований предполагать, что большая птица,

только что раненая, осмелится вернуться так скоро. Прекрасная Кристина согласилась и приняла предложенную счастливым Викториним руку. Она бросалась при малейшем шуме в его объятия, как в надежное убежище. Она посетила обработанную южную площадку. Дело было осенью. Кроме посаженного винограда, у подножия утеса росли две-три крупные дикие лозы, на которых рос прекрасный виноград, потому что в прошлом году Викторин подрезывал их и хлил. Он поднял Кристину в своих нежных объятиях, чтобы она могла сама сорвать те гроздья, которые ей больше нравились. Потом он показал ей ручей и несколько диких коз, которых уже приручили и которые давали прекрасное молоко, потому что питались ароматной травой. Он провел ее далее к четырем ягнятам, которыми окотилась овца. Были там также две коровы и молодой теленок, кроме коня и рабочей лошади. Он показал ей и естественные ульи, сделанные пчелами в утесе, который покрыт был мхом и хорошо защищен от северных ветров. Он делал вид, что сам видит все это в первый раз, так же, как и она. Удовольствие от этого только удваивалось. Наконец, почувствовав аппетит, они вернулись в грот, чтобы пообедать. Обед показался Викторину восхитительным.

Не нужно думать, однако, что Кристина была спокойна. Слезы не переставали катиться из ее глаз, несмотря на заботливость молодого человека и ревностную услужливость горничной, которая нежно привязалась к ней с первого же дня. Она была безутешна и особенно испугалась,

когда наступил вечер. Но ей так убедительно доказали, что, запершись, она будет в безопасности, что она решила лечь в постель. Викторин обещал ей остаться сторожить у дверей, вооруженный с ног до головы; горничная спала вместе с ней; другие обитатели Непреступной горы заняли входы в грот, давно приспособленные для них и весьма удобные. Все эти приготовления успокоили робкую Кристину. Она даже передала Викторину, что не потерпит, чтобы он подвергал опасности свою жизнь или свое здоровье, оставаясь на воздухе всю ночь, что она просит его беречь себя для нее, и т. п.

На следующий день Викторин подумал о развлечениях. Работы его людей были необременительны: повсюду, где каждый работает, остается время для удовольствий. К счастью, Кристина еще не видела города и знала только сельские развлечения, хотя и была дворянкой. Поэтому были отведены часы для музыки и танцев. Викторин раньше научился играть на скрипке и теперь был душой общества.

Незаметно слезы Кристины стали менее горькими, и ее печаль смягчилась, потому что вызывалась теперь скорей беспокойством за здоровье любимого отца, убитого отчаянием, чем ее собственной судьбой. Все окружавшие ее обожали; ей служил красивый юноша, который был ей безразличен и которому, как она думала, она была обязана своей жизнью; где же она могла быть счастливее?

Она часто просила Викторина постараться долететь до ее отца, но он все оттягивал, ссылаясь на опасность со стороны большой птицы,

которая, может быть, только и ожидает его отлучки, чтобы обрушиться на Непрístupную гору и перенести Кристину в неведомые места. Этот мотив казался основательным. Тем не менее через шесть месяцев нежная Кристина уже не могла совладать с беспокойством по поводу своего отца и сильно изменилась. Викторин, который почти каждую ночь улетал с Непрístupной горы, чтобы доставлять туда все необходимое, имел все сведения о добром сеньоре, но не мог ей рассказать. Однажды вечером они условились, что он улетит, когда стемнеет, так чтобы никто, даже горничная, не могла знать об этом, и отправится в замок Б-м-т, а она не будет выходить из грота до его возвращения. Он хотел сделать испытание. Для этого он, вместо того, чтобы улететь, спрятался в глубине грота, с целью удостовериться, может ли он положиться на свою возлюбленную или же на своих людей в случае, если она обратится к ним с расспросами. У него оказались все основания быть довольным. Никто не подозревал, что он улетел, потому что при его отлете всегда был слышен шум, который производили крылья, когда он поднимался (если только он не поднимался с одного удаленного утеса,— обстоятельство, которого никто не знал). На следующий день он явился к Кристине и заявил, что вернулся из замка Б-м-т. Это повергло в изумление население горы. Он рассказал ей все, что произошло там после ее похищения.

— Едва только вы были похищены, как ваш отец, который не мог подозревать истинной причины вашего исчезновения, распорядился

повсюду вас искать. Поймите его изумление и скорбь, когда и при свете вас нигде не нашли ни живой, ни мертвой. Удивление еще усилилось, когда обнаружили, что исчезли также самые ценные ваши вещи вместе с чемоданом, который лежал в карете. Самые странные подозрения закрались в душу вашего отца, и его отчаяние сменилось яростью. Но это было к лучшему. Это-то его и спасло. Одновременно не замедлили вспомнить и обо мне. Я не могу быть в одно и то же время и здесь, и у моего отца. Поэтому мое исчезновение навело на мысль, что похитил вас я. Г-н де-Б-м-т возбудил против меня процесс. Я был приговорен к повешению, и сейчас мое изображение висит на виселице на базарной площади в Гренобле. Это мне и помешало явиться к вашему отцу и сообщить ему о вашей участи. Я захватил с собой письменные принадлежности, и как-нибудь на-днях вы можете написать ему письмо. При первом благоприятном случае я снесу его и положу на большой балкон замка, чтобы ваш отец, выходящий всегда туда по утрам курить трубку, сразу нашел его. Этого нельзя сделать, однако, немедленно, потому что, по имеющимся у меня достоверным сведениям, большая птица кружит сейчас еще в окрестностях. Опускаясь на нашу гору, я заметил нового жителя, который мог быть сюда перенесен только птицей. Это очень красивый малый (при этом Викторин взглянул на горничную), он очень подойдет, я думаю, Кокоте, если большая птица сочтет полезным принести сюда также священника, чтобы обвенчать вашу горничную с этим новопривы-

шим... Но я уклоняюсь от того, что вы с нетерпением хотите узнать. Ваш отец здоров. Достаточно вам будет написать ему письмо, чтобы рассеять все его подозрения, и, точно изложив ему истину, заставить вынуть меня из петли. Лица, уже раньше похищенные большой птицей, убедят его в этом...

— О мой дорогой Викторин,—воскликнула Кристина,—этим похищениям мой отец никогда не хотел верить. Он всегда говорил, что это басни.

— Вот видите, прелестная Кристина.

— Да, это так,—ответила она со слезами.

— Умерьте вашу скорбь, приводящую меня в отчаяние, обожаемая владычица всех живущих здесь, или я не ручаюсь, что останусь жив.

— Я успокоюсь,—сказала она.—Но необходимо оправдать вас в глазах моего дорогого отца.

— Это будет не так трудно сделать, как вы думаете. Большая птица, в конце концов, будет замечена. Ее увидят столько людей, что сомневаться в ее существовании будет уже невозможно, и тогда ваше письмо произведет на вашего отца необходимый эффект.

— Вы меня утешаете, Викторин. Ах, сколь многим я вам обязана!

— Я весь в вашем распоряжении, прелестная Кристина, располагайте моей жизнью.

— Да, я располагала бы ею, если бы это было возможно; но это было бы для того... чтобы сделать вас счастливым.

При этих неожиданных словах Викторин бросился к ее ногам и, овладев рукой, которую она

не отняла, стал покрывать ее горячими поцелуями.

— Встаньте,— сказала она ему наконец.— Вы здесь у меня один. Увы, что бы со мной стало без моего дорогого Викторина!

— Ах, я потрясен такой добротой... Если бы только я мог... Но сойти с этой горы невозможно. Все могущество короля Франции и сорок лет работ не могли бы нас снять отсюда; унести вас при помощи столь хрупкой машины, как мои крылья, значило бы подвергнуть нас риску разбиться вместе о скалу... Ах, как пройдут наши молодые годы!..

— Я сожалею только о ваших.

— А я оплакиваю вас одну.

Произнося эти слова, Викторин покрывал поцелуями руки Кристины, которая не пыталась их отнять. Правда, она была дочь сеньора, а Викторин — только сын фискального прокурора. Но на Непреступной горе он был королем, и Кристина хорошо понимала, что хотя повинуются ей одной, но только из-за него. Кроме того, гордость и предрассудки рождения теперь не поддерживались никакими свидетелями, поэтому они незаметно исчезали перед нежными чувствами, которые ей всегда внушал Викторин. Молодой человек чувствовал победу, но скрывал свою радость, выражая лишь безграничную преданность. Он не заявлял никаких претензий, и его горящие уста выражали его любовь только на белых ручках Кристины. Наконец она решила удалиться, однако без всяких проявлений гнева. Всю остальную часть дня она

казалась совершенно спокойной и гуляла с Викторином и со своей горничной.

За несколько дней перед тем юный влюбленный открыл проход на летний дуг. Это был очень узкий проход между двумя обрывами. Он скрыл, насколько возможно, опасные места под ветвями деревьев и провел туда Кристину, осторожно следя за каждым ее шагом и делая вид, что сам в первый раз видит это очаровательное место, которое, казалось, находилось в совершенно иных климатических условиях. Цветы и трава были там свежи, как весной, хотя дело было в июле. Кристина была восхищена открытием этого нового владения, куда на следующий день отправили пастись маленькое стадо овец и коров.

— Это будет место нашего летнего отдыха,— сказал ей Викторин,— если небу будет угодно оставить нас здесь.

Тем временем Кристина не забывала о своем намерении написать отцу. Вот письмо, которое она наконец приготовила:

„Милостивый государь и дражайший отец!

Больше всего в моем несчастье огорчает меня та скорбь, которую я вам причинила. Это угнетает меня больше всего остального с тех пор, как я была похищена большой птицей. Та же птица похитила еще раньше двух женщин, которых считали утонувшими, а также крестьянку Катос Деневр и батрака ее отца с несколькими другими лицами, разговоры о которых мы также слышали. Всех их я нашла здесь, дражайший отец: большая птица не причинила им никакого зла. Но было бы слишком много оснований

опасаться за судьбу вашей дочери, для которой птица как будто и перенесла всех этих людей, если бы я, благодаря небу, не имела для своей защиты молодого Викторина. Этот превосходный юноша, которому вы обязаны, несомненно, сохранением моей жизни, давно уже подстерегал эту большую птицу. Благодаря своим замечательным способностям к механике, которыми одарило его небо, он нашел секрет изобретения крыльев и сумел последовать за большой птицей в ее убежище. Он явился туда почти вслед за мной, в день моего похищения, и с таким мужеством сражался с птицей, что сумел отогнать ее от Непроступной горы, куда она всех нас перенесла. Теперь мы живем здесь, не испытывая нужды. Меня здесь все почитают как верховную властительницу. Викторин — мой первый подданный, и я знаю, что ему я и обязана всем своим авторитетом. Поэтому вы не должны предаваться беспокойству, уважаемый и дорогой отец. Викторин умеет себя держать, и ваша дочь знает, к чему ее обязывает ее положение. Этот милый молодой человек один обладает способностью спускаться с Непроступной горы, и он делает это только для того, чтобы служить мне. Он и снесет вам это письмо. Умоляю вас, дорогой отец, положить ваш ответ на то же место, чтобы Викторин мог его взять. Он не осмеливается говорить с вами, ни даже показываться, поскольку знает, что его изображение несправедливо повешено, и ему вынесен приговор. Благоволите поэтому, дорогой отец, держать окна закрытыми и не подниматься на башню, откуда вы любите рассматривать в

подзорную трубу окрестные селения. Иначе Викторин ни за что не решится подвергнуться опасности, чтобы взять ваш драгоценный ответ.

С глубочайшим почтением, дражайший отец, остаюсь вашей нежной и покорной дочерью.

Кристина де-Б-м-т“.

Окончив письмо к отцу, прелестная Кристина прочитала его Викторину, и он был очень польщен этим знаком доверия. Она запечатала письмо и передала Викторину, чтобы отнести его, как только представится удобный случай. Молодой человек, знавший, как нетерпеливы красавицы в своих желаниях, полетел следующей же ночью в замок Б-м-т. Бесплезно говорить, что страх быть открытым и задержанным мешал ему показаться ее отцу. Но, воспользовавшись письмом Кристины, он написал от себя письмо к своим родителям, где рассказал им примерно то же самое, только более искусно. Он оставил письмо для отца своей возлюбленной на балконе доброго сеньора, а письмо для своего отца — на подоконнике, у которого фискальный прокурор любил дышать каждое утро свежим воздухом для того, чтобы приобрести аппетит. Когда эти два дела были выполнены, он полетел в город, где жил священник, переживший уже однажды его людей, и снова перенес его на Неприступную гору.

Проснувшись утром, Кристина увидела входящего Викторина.

— Ваши приказания выполнены, сударыня. В этот момент ваш отец, несомненно, читает ваше письмо.

— Ах, дорогой Викторин, как я вам признательна за вашу быстроту!

— Это еще не все, сударыня. Так как, когда я покидаю эту гору, сюда всегда прилетает большая птица, то и сейчас в нашем доме есть новости.

— Какие же?

— Среди нас священник, сударыня. Поэтому ваша горничная, которая имела время ближе познакомиться со своим возлюбленным и, по-видимому, его любит, может сегодня выйти за него замуж, если прелестная хозяйка ей это разрешит... Все будут здесь счастливы...

— Ах, Викторин, нам нужно задержать здесь этого священника: ведь мы уже давно лишены всяких церковных служб...

— Это счастливая идея. Но что, если огромная птица снова заберет его от нас, даже среди бела дня, как это уже один раз произошло?

— Вы правы, Викторин.

— Ах, сударыня, зачем я недостоин вас!

— Слушайте, Викторин, мы вполне серьезно должны остаться здесь на всю жизнь? Вы не хотите меня обмануть?

— Боже мой, сударыня, к сожалению, это так, к несчастью для вас; что же касается меня, то я счастлив всюду, где находитесь вы.

— В таком случае, Викторин...

— Говорите, сударыня. Ах, если бы я был равный вам, вам не пришлось бы объясняться первой! Но почтение вечно смыкает мне уста... Будьте, однако, уверены, сударыня, что во мне вы всегда найдете столь же покорного, как и

нежного возлюбленного... Создайте мое счастье, и я почти осмелюсь отвечать за ваше.

— Но, Викторин, что скажет мой отец?

— Мы его переубедим, сударыня. Я никогда не появлюсь перед ним, пока не совершу замечательных подвигов и не заслужу награды государства благодаря своему искусству летать. И, как знать, может быть, тогда я найду даже какое-либо средство освободить вас с помощью какого-нибудь могущественного короля из этого плена. Решайте же мою судьбу, обожаемая Кристина.

— Я не могу сомневаться в вашей искренности,— сказала красавица, видя его у своих ног,— я ведь знаю, что не только обязана вам всем, но и нахожусь здесь в полной вашей власти и властвую здесь только благодаря вашему благородству. Вы являетесь королем этого маленького общества, значит, вы — господин. Располагайте сами моей судьбой.

— Я, сударыня? Ах, скорей тысячу раз остаться навеки несчастным! Мне распорядиться моей владычицей? Мне, который отдаст всю жизнь, славу и счастье за то, чтобы зависеть только от нее. Подождем, сударыня, и если злой рок хочет, чтобы птица унесла священника, я сумею страдать, не жалуясь, хотя бы всю жизнь.

— Как,— сказала растроганная Кристина,— вы не понимаете, что означают слова девушки, которая вручает вам свою судьбу? Хорошо, я сама отдаюсь моему благодетелю, моему другу. Вы можете сказать священнику...

Викторин был у ее ног. Радостные слезы текли по его щекам. Он в упоении целовал руки

Кристины. Наконец, поднявшись по ее приказу, он осмелился поцеловать ее. Получив этот первый залог своего блаженства, он в восторге побежал к священнику и сделал все распоряжения для свадьбы. Покрытый цветами утес служил алтарем. Священник выбрал из предоставленных ему одежд все, что сколько-нибудь походило на священное облачение. Он совершил церковный обряд, и Викторин соединился, наконец, с прекрасной Кристиной, дочерью своего сеньора, которую он так долго, так почтительно и так нежно любил.

Все это произошло так быстро, что Кристине только позже пришла в голову весьма естественная мысль, что следовало бы предварительно известить отца и подождать его благословения. Но ее муж постарался успокоить эти сомнения жаром своих объятий. А чтобы показать, что женитьба не ослабила его внимательности к жене, он в следующую же ночь отправился за ответом отца Кристины. Он решил принять всевозможные меры предосторожности и хорошо сделал: без этого он погиб бы, а вместе с ним прекрасная Кристина, потому что ее никогда не могли бы снять с Неприступной горы, а те люди, которые там жили, не боясь больше Викторина, которого они считали колдуном, не замедлили бы освободиться от ига подчинения, и бог знает, как развернулись бы события в маленькой колонии.

Итак, Викторин летел на очень большой высоте, внимательно обследуя все вокруг и приближаясь бесшумно, мягкими и осторожными взмахами крыльев. Он заметил, что добрый

сеньор и его люди скрывались в темноте на расстоянии ружейного выстрела от балкона. Они намеревались, очевидно, стрелять одновременно, и Викторину не избежать бы пули. Они разошлись только на рассвете. Викторин воспользовался этим, чтобы захватить письмо, которое лежало на балконе. Сеньор услышал произведенный шум и почти тотчас же подбежал к окну, но летающий человек уже удалился. Сеньор выстрелил наудачу из своей двустволки, и пули пролетели так близко, что Викторин слышал их свист. Он решил не подвергать себя больше опасности из-за письма, и с его доводами согласилась Кристина, которой он теперь в качестве мужа стал дороже, чем когда бы то ни было.

На Непроступную гору он явился уже днем. Поэтому его видело в воздухе много лиц, шедших в деревню, или путешествовавших. С тех пор в Дофине только и говорили, что об огромной птице, похищающей девушек, и она стала знаменита. Находились даже люди, которые утверждали, будто видели ее так близко, что могут указать точные размеры птицы: сто футов от одного конца крыльев до другого. Ей приписывали крючковатый клюв, большой и длинный, как хобот слона, и т. д.

Все обитатели Непроступной горы прониклись почтением, видя, как их господин летел по воздуху. Он, однако, не считал возможным спуститься среди них. У него были для этого свои основания: решив по просьбе Кристины задержать на горе священника, он нес ему домоправительницу. На обратном пути он заметил

на большой Лионской дороге одинокую девушку. Она шла из одной деревни в другую на работу: это была швея. Видя возможность захватить ее, не подвергаясь опасности, и предвкушая, как толпы крестьян и путешественников, двигавшиеся по дороге впереди и позади нее, станут свидетелями этого чуда, он обрушился на нее быстрым, как молния, дугообразным полетом и похитил ее. Он имел удовольствие слышать, как кричали крестьяне, чтобы заставить его выпустить добычу, принимая его за хищную птицу. Он доставил лишившуюся чувств девушку на летний луг и, сняв свои крылья, вернулся к ней, чтобы помочь ей придти в себя. Он успокоил ее, рассказав, что обратил в бегство огромную птицу, а потом повел на другую сторону скалы и представил своей жене. Мы знаем, что для него было в высшей степени важно, чтобы Кристина не подозревала, что ее муж может носить такие тяжести, иначе бы у нее возникли против него подозрения и, во всяком случае, она захотела бы отправиться посмотреть своего отца. Все благополучие Викторина было бы тогда разрушено. Но священник, как и некоторые другие обитатели Непрístupной горы, которые были в курсе дела, остерегались говорить; они считали Викторина могущественным волшебником, от которого не может быть тайны.

Когда все разошлись и маленькая домоправительница была передана священнику, который увел ее в свой грот, Викторин, оставшись наедине со своей супругой, рассказал ей об опасностях, которым он подвергался. Затем он вручил ей письмо ее отца, в котором значилось:

„Если бы я не был уверен, дорогая моя дочь, что вас принудили написать это письмо, я бы подумал, что вы решили меня обмануть неправдоподобными баснями и сказками. Всем известно, что Непреступная гора необитаема и не может быть обитаемой. Правда, некоторые охотники утверждали, что видели там диких коз, но их опровергли другие. Я полагаю поэтому, что ваш похититель, предатель Викторин, держит вас в каком-нибудь пустынном месте или в каком-нибудь воровском притоне, и судьба ваша должна быть весьма плачевна, раз она зависит от подобного негодяя. Это разрывает мне сердце. Больше всего я хотел бы, чтобы вы не получили этого письма, потому что я решил подстеречь злодея и захватить его живым или мертвым. Как бы мало ему ни оставалось жить после того, как он будет подстрелен мною или моими людьми, мы заставим его указать, где вы находитесь, и я освобожу вас. О, мое дорогое дитя! Для того ли я тебя воспитывал, чтобы этот подлый мужик, быть может... Эта мысль повергает меня в отчаяние. Здешные простаки считают его волшебником. Что до меня, то я уверен, что это только злодей, но очень хитрый.

Прощай, бедная моя Кристина. Если ты получишь это письмо (на что я почти не надеюсь), подумай о необходимости сохранить чистоту нашей крови, даже ценой своей жизни... Целую тебя, дорогая дочь. Подавленный скорбью

твой несчастный отец

Аннибал де-Б-м-т.

Р. С. Что касается тебя, презренный злодей Викторин, если ты ускользнешь от меня этой ночью, знай, что рано или поздно небесное правосудие отдаст тебя в мои руки. Обещаю тебе тогда быструю и хорошую кару... Если только немедленно не образумишься и не вернешь мне моей дочери“.

Кристина была очень взволнована этим письмом. Но она немного успокоилась, подумав, что ее отец ошибается в Викторине, как и во всем прочем. Поэтому, поплакав, она нашла успокоение в объятиях своего мужа.

Бесполезно распространяться, как провела она несколько лет в этом очаровательном месте. Ее обожали там все, столько же за ее доброту, (ничто не придает так доброты, как несчастье), сколько благодаря авторитету ее мужа. У нее родилось трое детей: два мальчика и одна девочка. Она сама их выкормила и воспитала и нашла в их ласках новое счастье. Правда и то, что они были прелестны. И кроме того, никакая мать не будет так нежна к своим детям и так счастлива ими, как жена, обожаемая своим мужем. Викторин с годами не охладевал к ней, а напротив, с каждым днем становился все нежнее. Иногда он говорил своей супруге:

— Я сейчас больше проявляю свои чувства, моя дорогая, потому что знаю, что вы теперь скорее припишете мои ласки истинной и почтительной нежности, чем вначале. Я жду, что со временем вам откроется вся сила бессмертного чувства, которая привязывает меня к вам. И в то время, как блаженство других мужей идет

с течением времени на убыль, мое, наоборот, непрерывно возрастает.

Растроганная Кристина обнимала своего мужа и со своей стороны старалась, как могла, показать ему, насколько она с ним счастлива.

— Ах, мой дорогой муж,— говорила она ему,— сколь бессмысленны мнимые различия в званиях! Ведь счастье меня ожидало лишь с тобой. Однако ни я, ни мой отец, который всегда желал сделать меня счастливой, никогда не вступили бы на этот путь. Нужны были совершенно невероятные события, чтобы это произошло. Сейчас ты мне настолько дорог, что, как бы мне ни хотелось получить новости о моем отце, я ни за что на свете не решилась бы подвергнуть тебя опасности. Что бы случилось со мной без тебя? Да, дорогой мой муж, я благословляю свою судьбу. Но, повторяю, чего только не понадобилось, чтобы она свершилась!

— Для этого нужна была только любовь, прелестная супруга,— сказал ей, наконец, однажды Викторин.— Зачем мне хранить от вас тайну, спутница моей жизни, друг мой? Ах, я давно бы уже не имел никаких тайн, если бы не боялся уменьшить ваше благополучие. Прежде чем открыть мой секрет, я ожидал, чтобы наши прелестные дети, этот залог нашей взаимной нежности, подросли и оказались в состоянии защитить своего отца.

— Что же, в конце концов, ты хочешь мне поведать, мой друг?

— Что все сделала моя любовь. Любовь заставила меня изобрести крылья, на которых я летаю. Единственным мотивом изобретения было

желание обладать вами. Большой птицы не существует. Похитил вас я.. И сейчас, когда вы знаете все, обожаемая Кристина, возненавидьте, если можете, отца этих прелестных детей.

И он стал на колени.

— Нет, нет, дорогой муж, я не возненавижу тебя. Напротив, я тебя полюблю еще больше... Ах, сколько стало ясным для меня в этот миг! Значит, это ты доставил сюда столько людей, чтобы создать для меня маленькое государство и сделать меня властительницей. Чья любовь когда-нибудь равнялась твоей?.. Но, дорогой супруг, ты правильно поступил, выждав, чтобы время доказало мне твое постоянство и чистоту раньше, чем сделать мне это признание. Сладко не сомневаться, что тебя любят ради тебя самой, а не вследствие фривольного и преходящего увлечения. Смотрите, дорогие дети, я люблю вашего отца, и сегодня даже больше, чем когда бы то ни было. Он заставляет меня и вас любить больше, а его тоже я люблю сильнее из-за вас.

После этих нежных излияний Кристина, успокоившись, заставила мужа рассказать ей все подробности его поведения. Он не забыл рассказать о своих частых ночных полетах, которые ему приходилось предпринимать, чтобы добыть вещи, необходимые для Непроступной горы. Кристина была тронута тем, что ради нее он приложил столько стараний. А когда он рассказал об опасностях, которым подвергался для того, чтобы получить ответ ее отца, испуганная Кристина подтвердила свое обещание не требовать от него больше возвращения в замок.

— Теперь, дорогая жена,— прибавил он,— у меня возник новый проект, который я сейчас тебе изложу и который будет осуществлен, как только ты на это согласишься. Это — наше единственное средство с честью выйти отсюда и возобновить отношения с твоим отцом. Наш король сейчас воюет с англичанами. Я предполагаю отправиться к нему и предложить свои услуги, которые могут быть очень полезны, и когда я буду иметь счастье сделать для него что-нибудь существенное, я потребую в виде награды тебя. С рекомендацией самого короля твой отец почтет за честь принять меня в зятя. Мое дворянство будет дворянством наилучшего вида, потому что оно будет получено за заслуги перед государством. Увидишь, как мы будем счастливы! Я добьюсь от короля уступки мне этой горы, и она станет твоей летней резиденцией. Мы украсим ее...

Кристина прервала своего мужа поцелуями. Она бросилась ему в объятия и наговорила ему тысячи нежностей. Однако, вспомнив о необходимости разлуки и об опасностях, которым ее муж может подвергнуться, она заставила его подтвердить обещание, что он отправится только тогда, когда она сама того пожелает. Когда это было условлено, супруги вышли с детьми из грота и отправились на небольшую прогулку, самую приятную из всех, которые они когда-либо совершали. Они решили сохранять все в тайне от своих людей и, поскольку те были счастливы, не тревожить их.

В самом деле, все эти добрые люди, а именно крестьянин со своей Катос, сапожник с кухар-

кой, портной со швеей, парикмахер с горничной, вдова Везинье, ее дочь и муж, которого ей дал Викторин (это был прекрасный каменщик, здоровый парень из Лимузена), священник со своей молодой домоправительницей жили в довольстве и в развлечениях. Работы было мало, удовольствий же много. Местопребывание было прекрасное, воздух великолепный, пища хорошая. Садоводство и даже виноградарство были скорее развлечением, но избавляли в то же время жителей от упреков, которые мог бы сделать им крестьянин. Со своей стороны все другие заботились об этом последнем, которому приходилось работать больше всех. Его снабжали молочными продуктами, фруктами, салатом, который он очень любил, яйцами и особенно вином, как только стали его выделывать. У каждой пары были прехорошенькие дети и в довольно большом числе. Вся эта детвора развлекала своих родителей, которые с восхищением наблюдали за их шалостями. Добрый священник также был весьма доволен своей домоправительницей. Между ними установились интимные отношения, и так как на Непреступной горе не существовало завистников, то никто не усматривал в этом ничего дурного. Даже вдова Везинье была счастлива. Викторин сделал ее помощницей домоправительницы кюре, и это создало ей известное положение.

Какая восхитительная республика. Значит ли это, что должно быть мало людей, чтобы они были счастливы¹. На Непреступной горе не

¹ Великая и прекрасная истина. Никогда слишком многочисленное общество и слишком обширное государство не могут быть счастливы. (Жоли.)

было никаких пороков, и господствовали все добродетели: братская дружба, взаимная поддержка, ревностный труд, любовь, уступчивость. Все были столь же дороги для других, как и для самих себя. Малейшее недомогание одного человека вызывало тревогу всего общества. Детей одинаково любили. Они принадлежали всем, и однакоже, их любили, как любят своего единственного ребенка. Легко понять, что там не могло существовать корысти и никакого другого порока. Пороки были бы там безумием. Никогда, никогда человек не порочен, если только социальный режим не настолько плох, что порок является преимуществом... О, законодатели! Глупцы, желающие сделать других мудрыми, как часто вы заслуживаете наше презрение!.. Добродетель на Непроступной горе была, в конце концов, вполне естественна. Всякое общество, достаточно ограниченное, чтобы все были равны друг другу, друг друга знали и друг в друге нуждались, неизбежно счастливо и добродетельно. В этом корень вопроса, но я не знаю, обнаружил ли это хотя один моралист.

Срок отъезда Викторина всецело зависел от Кристины. Она горела желанием, чтобы ее муж прославился, но дрожала при одной мысли о расставании. Тысячи опасностей открывались ее испуганному воображению, и она все его удерживала. Викторин, со своей стороны, не очень торопился удалиться от супруги, которую обожал. Он не очень энергично старался рассеивать ее страхи и довольствовался тем, что проявлял постоянную готовность исполнить все,

что она пожелает. В ожидании он руководил своим маленьким государством и заботился о его счастье.

Так продолжалось очень долго. Через десять лет после своего признания, т. е. через шестнадцать лет после свадьбы и, по меньшей мере, через семнадцать лет пребывания на Неприступной горе, он все еще не отправился на завоевание славы. На счастливой горе можно было видеть уже прелестную молодежь. Викторин устроил там новую площадку, подобную той, которая была на юге. Новая была столь же велика, но помещалась ярусом ниже. Посередине было маленькое озеро. Он решил обработать эту площадку, сам взявшись за дело, и все последовали его примеру. На следующий год он поселил там две юные пары, для которых оказалось достаточно земли, чтобы они могли жить в достатке. Между двумя поселениями он проложил удобную дорогу, взорвав порохом один утес¹. Вся его семья и другие жители присутствовали при этой операции, но наблюдали ее из безопасного убежища в пещере. Только Викторин парил в воздухе с фитилем в руке и легко избегал опасности. Он развел в озере рыб, что послужило большим подспорьем колонии, прокармливая ее некоторую часть года.

Необходимые для колонии заготовки производились следующим образом. Викторин улетал с Неприступной горы ночью перед рассветом и

¹ Шум, произведенный тогда взрывом, сильно заинтересовал физиков. Они писали во всех тогдашних журналах, что в Дофине при ясном небе был слышен ужасный раскат грома. (*Жоли.*)

опускался в лесу, недалеко от большого города. Там он открыл между двумя утесами надежное убежище, в котором оставлял свои крылья. Затем, переодевшись в платье крестьянина, он отправлялся за покупками в город, где проводил день, а к ночи возвращался в лес, откуда улетал обратно со своей ношей. Заметьте, что если бы кто-нибудь и обнаружил его крылья, то не мог бы ими воспользоваться, потому что рычаги он уносил всегда в кармане. Таким образом, при любой случайности он легко мог смастерить другие крылья в течение одной ночи.

Но необходимо еще разъяснить, как он доставал деньги. Я уже сказал, что на Неприступной горе работали Сапожник, портной, молодежь — все были заняты и излишки своей продукции передавали Викторину, который в обмен выдавал недостававшие им предметы комфорта. Даже добрый церковник сочинял духовные песнопения и благочестивые романы, вроде романов отца Марена, и Викторин продавал их лионским книготорговцам, которые принимали его за нового мэтра Адама из Невера. Парикмахерша изобретала прекраснейшие головные уборы и наиболее идущие к лицам дам прически, вроде сложных нынешних мод. Две швеи изобрели множество элегантных дамских нарядов. Викторин разнес их по всему королевству, и хороший вкус там так приivilся, что с недавнего времени снова царит в Париже. Дело в том, что воздух на Неприступной горе настолько чист, что головы там становятся крайне изобретательными. Сам Викторин строил множество любопытных и полезных машин. Достав инструменты, он без всякого руко-

водства превратился в одного из самых искусных часовщиков в Европе. Он смастерил морские часы, самые прекрасные и самые точные из всех существующих. Он полетел в Лондон, чтобы их продать, но позже очень в этом раскаивался. Человек, купивший часы, воспользовался этим прекрасным изобретением, чтобы создать себе славу в ущерб нашим мастерам; но я восстанавливаю здесь истину, возвращая честь этого изобретения французской нации. Вы видите, что Викторин не должен был чувствовать недостатка в деньгах. На основании изложенного я готов поверить, что первыми монархами были купцы, механики, искусные люди, которых стали уважать за их богатство и пользу для общества.

Тем временем дети правителей Неприступной горы подрастали. Им было на два года меньше, чем той молодежи, которую только что поженили, т. е. от тринадцати до пятнадцати лет. Старший был красивый юноша, вылитый портрет своего деда, о котором часто говорила ему его мать. Младший напоминал Викторина и немного походил на Кристину, что делало его только еще более приятным. Этот ребенок проявлял блестящие способности к изобретениям. Что касается их дочери, то это была воплощенная Кристина в возрасте, когда была похищена своим будущим мужем. Эти прелестные существа были наделены множеством совершенств и доставляли своим родителям большую радость.

Однажды де-Б-м-т (это был старший сын, которому Викторин дал имя доброго сеньора, своего тестя) сказал своей матери:

— Мне кажется, дорогая мамаша, что если

бы я увидел моего дедушку, я сумел бы его убедить, чтобы он простил моему отцу вину, которая собственно и не является виной, потому что она создала ваше благополучие, а этого, ведь, и хотел мой дед.

— Ты прав, сын мой. Но как к нему попасть?

— Я скажу папе, который может научить меня летать.

Кристина задрожала.

— Ради бога, не говори этого, сынок. Только твой отец во всем свете обладает достаточным искусством и ловкостью, чтобы летать.

Юная Софи присоединилась к матери:

— Ах, братец, ты упадешь!

Но маленький Александр (второй сын) стал улыбаться:

— Вот я-то уж не упал бы; и если бы отец захотел меня научить... увидишь, сестрица. И даже... Нет, я не скажу.

— Говори же,— сказала ему Кристина.— Что ты сделал?

— Дорогая мамочка, я тебя так люблю, что ничего не хочу скрывать от тебя. Я однажды видел папины крылья и сделал себе такие же, воспользовавшись его старыми. Хотите посмотреть, как я летаю? Я этим развлекаюсь, когда остаюсь один.

— Ах, сын мой, я запрещаю это.

— Постой, постой, мамочка, я буду летать совсем-совсем низко, вот вы посмотрите.

Кристина позволила это, решив запретить дальнейший полет, лишь только заметит малейшую опасность. Мальчик (ему было тринадцать

лет) приладил крылья, привел в движение подъемный зонт и одним взмахом оказался на высоте деревьев. Его мать испустила пронзительный крик, но маленький храбрец, перейдя на горизонтальный полет, поймал голубя и поднес его ей. Полуиспуганная, полувосхищенная Кристина прижала шалуна к своей материнской груди, говоря ему:

— Я не хочу, чтобы ты больше пользовался крыльями, пока отец не научит тебя летать.

Что касается маленькой Софи, то она была в восторге и, не будь здесь матери, охотно просила бы брата повторить свой опыт.

Как только вернулся Викторин, ему рассказали эту историю. Он побледнел, потому что обожал детей, опять-таки прежде всего из-за жены.

— Покажи-ка крылья, сын мой.

Александр с торжествующим видом притащил их. Но отец не нашел в них предохранительного рычага, который он сам изобрел только после многих опытов, и, показав ему собственные крылья, сказал:

— Видишь, неблагоприятный мальчик, от чего зависела твоя жизнь? Если бы твой ремень перетерся, что стало бы тебя поддерживать? Правда, это хороший ремень,—прибавил он, видя, как испугалась Кристина,—но вы тоже виноваты,—обратился он к ней,—раз позволили подвергнуться опасности нашему сыну, который нам дороже нас самих...

Ребенок попросил прощения у отца и особенно у нежной матери и обещал никогда боль-

ше не поступать опрометчиво. Викторин немедленно заставил его смастерить предохранительный рычаг, дав ему несколько ремней и поясов, и на следующий день, когда рычаг был готов, позволил ему подняться на крыльях. Мальчик сделал это с такой смелостью, словно был настоящей птицей.

Викторин не думал до этого учить своих детей летать на крыльях, подобных его собственным. Даже больше того, он всегда тщательно старался скрыть от них свою тайну. Но, увидев, что она все равно открыта, он понял, что у него нет иного средства создать своей семье господствующее положение среди других жителей горы, кроме как наделив членов ее исключительной способностью летать по воздуху. Он поделился поэтому этой мыслью со своей семьей, подчеркнув, насколько важно, чтобы столь ценная тайна не подверглась разглашению. Со следующего же дня он занялся обучением своей жены и дочери. Александр сам дошел до всего так основательно, что он передал ему обучение брата, оставив за собой только наблюдение за первыми уроками, чтобы предотвратить возможность несчастного случая.

Через месяц вся семья владельца Неприступной горы уже научилась пользоваться искусственными крыльями. Софи была почти так же отважна, как ее младший брат, и часто заставляла дрожать свою мать, которая, несмотря на все обучение, решалась подниматься в воздух только рядом с мужем.

Тут-то старший сын снова внес предложение

отправиться к своему деду. Александр и Софи желали его сопровождать, но Викторин и Кристина высказались против. Они объяснили, что раньше следует выяснить намерения их деда и что, во всяком случае, легче будет освободить одного из них, если его задержат, как преступника, чем всех троих. Поэтому молодой де-Б-м-т отправился один. Он полетел лунной ночью под руководством отца и в сопровождении брата и сестры. Они вчетвером опустились в известном Викторину месте, куда в ту же ночь была приведена лошадь в богатой сбруе. Это была роща неподалеку от замка. Викторин снял крылья со старшего сына, который был одет, как молодой дворянин, и, дав ему необходимые наставления, вернулся с двумя другими детьми на Непроступную гору, мучимый сильным беспокойством. Там они нашли Кристину всю в слезах и потратили немало усилий, чтобы ее успокоить. Увы, нет на свете совершенного счастья! Счастливую супругу, спокойно проживавшую на своей горе, ничто будто не должно было тревожить. Но у нее был отец, она хотела, примирившись с ним, стать еще более счастливой и теперь приносила жертву этой заманчивой надежде.

Между тем оставшийся в роще юный де-Б-м-т сед утром на свою прекрасную лошадь и поехал прямо в замок своего деда. Когда он подъезжал к воротам, отец Кристины как раз открыл балкон, на котором обычно курил трубку. Он заметил красивого всадника и поспешил сам выйти ему навстречу. Красота, молодость, черты лица, богатство его костюма

и сбруи его коня удивили и странно взволновали старика.

— Добро пожаловать, милостивый государь,— сказал он ему,— я уверен, что вы можете привезти только хорошие новости.

— Во всяком случае я желаю вам всех возможных благ,— ответил молодой человек.

Старик подал ему руку и провел в лучшие апартаменты замка. Там он усадил его и спросил, чего бы он хотел на завтрак. Юношу уже раньше предупредила мать, что в столовой ее отца висят семейные портреты, и, в частности, ее собственный между портретами ее родителей. Отвечая старому сеньору, что у него хороший аппетит и подбор блюд безразличен, он искал глазами эти портреты. У него осталось время рассмотреть их, пока его дед распоряжался относительно завтрака, и в тот момент, когда старик вернулся, он со слезами на глазах смотрел на портрет Кристины.

— Что с вами, юный кавалер? — спросил сеньор.

— Ах, милостивый государь, это портрет счастья, которое мне очень дорого...

— Очень дорого?..

И старик, рассматривая, в свою очередь, лицо молодого гостя, сказал, вздрогнув:

— Это моя дочь.

— Это моя мать.

— Как, кто же вы?

— Признайте же свою кровь, милостивый государь. Я старший сын Кристины де-Б-м-т, и меня уверяли, что я похож на своего деда.

— Ах, дорогой сын мой!.. Но где же моя дочь? Кто ее муж?

— Вам незачем будет краснеть, милостивый государь, ибо она замужем за сувереном. И хотя его владения не слишком обширны, он там неограниченный повелитель и в то же время предмет любви и отец всех своих подданных.

— Сувереном?

— Да, дражайший отец. (Позвольте мне называть вас этим сладким именем.)

— О, сын мой!.. Да, я узнаю тебя. Ты — моя кровь, мой портрет. Я признал бы тебя, если бы ты был даже сыном Викторина.

— Дорогой сеньор и отец, я действительно его сын. Тем не менее то, что я вам сказал, вполне верно. И если вы пожелаете явиться во владения моего отца, я буду вас туда сопровождать. Вы найдете там дочь, которая дышит только вами. И хотя она совершенно счастлива в окружении своего мужа и детей, она находит, однако, что ей нехватает отца...

— У тебя есть братья и сестры?

— Один брат и сестра Софи де-Б-м-т. (Мы носим только ваше имя,— так пожелал отец.) Софи очаровательна. Вам покажется, что вы видите ее мать в то время, когда она была с вами. Они до такой степени схожи, что отец и мать говорят иногда, что, если бы они не так вас уважали, вас можно было бы похитить, погрузив в глубокий сон, а после пробуждения уверить, что все, что произошло, только сновидение. Для этого нужно было бы только представить вам Софи вместо Кристины, в том

наряде, в котором дочь ваша была в день своего исчезновения.

— О, сын мой, как хотел бы я после твоих слов увидеть их всех! В конце концов, раз Викторин теперь суверен, будь то даже одного домишка, я не должен больше питать к нему неприязни, и его дружба делает мне честь. Позавтракаем и поедем сегодня же.

— Это возможно будет сделать только ночью, дорогой сеньор-дед. Отец, сопровождавший меня до соседней роши, придет ночью встретиться со мной, и я передам ему о ваших великодушных намерениях относительно нас.

День прошел в развлечениях. Старый сеньор не устал любоваться своим внуком. Под влиянием естественного побуждения предрассудки, старая ненависть, проекты мести — все уступило сладкому чувству родства. Поэтому он показал всем своим вассалам молодого де-Б-м-т под этим именем. Он хотел бы показать его в этом качестве всей вселенной. Вечером, однако, ему пришло в голову одно сомнение:

— Как поженились твои отец и мать?

— С благословения священника, который все еще живет у нас, милый папа.

— А, тогда я удовлетворен. Я дам свое согласие, как только их увижу, и этим все будет сказано.

Наконец наступила ночь. Беспокойство Викторина и Кристины за судьбу старшего сына заставило их отправиться под покровом темноты всей семьей к замку Б-м-т. Даже Кристина летела рядом с мужем. В полночь они прибыли. Их старший сын один ожидал их в роше. Как

только он услышал шум их крыльев, он задрожал от радости, поднялся в воздух и закричал им:

— Хороший исход! (Это был условный пароль.) Идем в замок!

Они тотчас же полетели туда, и все пятеро опустились на большом балконе. Быстро сняли они крылья, и старший сын отправился к деду доложить об их прибытии.

Невозможно описать радость старого сеньора, когда он увидел свою дочь почти такой же молодой, какой она была, когда он ее потерял. Он не мог вымолвить ни слова и только прижимал ее к своей отцовской груди. Затем пришел черед Софи и юного Александра. Старик расплакался при виде Софи. Она напоминала, как две капли воды, Кристину Д-л-т-д'А, его жену, в то время, когда он на ней женился. После такой подготовки его сердце не могло устоять, когда он увидел Викторина на коленях, с опущенными глазами, в позе кающегося преступника. Он бросился обнимать его, называя своим зятем. Потом он с радостью выслушал все, что рассказала ему Кристина о том счастье, которым она была обязана своему супругу. Выслушав это, старый сеньор сказал:

— Пусть приведут ко мне моего нотариуса.

Он подтвердил замужество своей дочери и в том же акте объявил молодого де-Б-м-т, своего старшего внука, наследником всего своего состояния, хотя его зять и дочь указали ему, что они не нуждаются в деньгах.

Когда все было таким образом устроено, Викторин предложил своему тестю воспользо-

ваться сумерками для того, чтобы отправиться в его владения.

— Охотно, дорогой зять,— вскричал старик.— Но какой каретой мы для этого воспользуемся?

— Тою же, которая привезла нас сюда, папа,— сказала Кристина.

— Отправимся же, дети!

Пятеро летчиков приладили свои крылья и вышли на балкон. Сделав необходимые распоряжения по дому, старик отдался во власть своего зятя, который поднял его в воздух, как перышко. Кристина и трое ее детей летели рядом с ним, и меньше, чем через час, все достигли Неприступной горы.

Теперь суверен помещался уже не в гроте. Каменщик, которого он некогда похитил и женил на дочери вдовы Везинье, обучил своему искусству всю молодежь. Рядом с ручьем и против скалы они воздвигли дворец в коринфском стиле, прекрасно расположенный. Они выровняли вершину утеса, перенесли туда землю и разбили там прелестный сад. Там и опустился Викторин со своим тестем и семьей. Прибыв, они легли спать и отложили детальный осмотр горы до момента пробуждения старого сеньора.

Он спал мало. Любопытство, радость, удовольствие едва позволили ему заснуть на несколько часов. Прежде всего он полюбовался садом, в котором били фонтаны. Затем он перешел в богато разукрашенный дворец, откуда отправился обследовать все другие строения. Он удивился, найдя хорошо обставленную

церковь, снабженную всеми необходимыми принадлежностями. Особенно он пришел в восхищение от красоты молодого поколения, которая, конечно, была следствием чистого воздуха и, особенно, отсутствия дурных страстей, так как от природы человек красив так же, как и добр. Затем ему показали летнюю площадку, на которой помещался только один дом, но настолько обширный, что мог вместить всех жителей. Это было место отдыха, куда, как в прохладное место, являлись летом проводить время, посвященное развлечениям.

После обеда старик наблюдал игры, происходившие ежедневно после окончания работ, если только не было никаких общих спешных работ, вроде постройки дворца, церкви или приготовления жилища для новобрачных. В этих случаях все работало ревностно и без усталости, потому что работа являлась удовольствием для людей, столь разумных и столь благожелательных друг к другу.

Добрый сеньор осматривал весь день владения зятя и был в восторге. С помощью сильной зрительной трубы он легко определил положение Непреступной горы, увидев хорошо знакомые ему окрестности. Он обнаружил даже свой замок с вершины обрывистой скалы, на которую его перенес его зять, и где его окружила вся семья из страха, чтобы у него не закружилась голова.

— Отсюда, дорогой отец, — сказал ему Викторин, — я с некоторого времени показывал ваше жилище моей любимой супруге и дорогим детям, и здесь они плакали и выражали по ва-

шему адресу свои нежные чувства, особенно ваша любящая дочь.

— Все то, что ты мне рассказываешь, зять мой, восхищает меня. И даже не будь ты сувереном, я все-таки снова отдал бы тебе свою дочь. Ну, разве ты мне не возвратил ее в лице этой молодой и очаровательной особы, в лице твоей Софи, которая, ведь, также и моя.

Затем они спустились с утеса и отправились ужинать.

На следующий день Викторин ознакомил тестя с законами, которые он установил в своем маленьком государстве. Они были столь прекрасны и столь справедливы, что нельзя было не удивляться, как мог проявить столько мудрости простой сын фискального прокурора. Но благородное происхождение не дает достоинства и ума, а достоинство и ум могут сообщить благородство. Это истина, в которой все должны были бы быть убеждены. Если бы знатные захотели поразмыслить над тем, что у них нет на самом деле никаких особых прав, и что те, которыми они пользуются, сохраняются за ними только по соображениям общественной пользы, они были бы менее тщеславны, менее грубы, менее эгоистичны. Если бы должностные лица считали, что они существуют только для народа, а не народ существует для них, они были бы, несомненно, более честны и часто менее жестоки по отношению к преступникам, и т. д.

Законы Викторина были чрезвычайно просты. Все виды преступлений определялись одним словом:

„Убийство: убийца сбрасывается с высоты горы вниз.

Воровство: невозможно.

Клевета или злословие: лишение общественных удовольствий.

Собственность: общая.

Прелюбодеяние: раб обманутого супруга в течение двух лет.

Изнасилование: раб потерпевшей столько времени, сколько она пожелает.

Нанесение побоев: глава нации оплатит тем же.

Непокорные дети: осуждаются на жизнь без товарищей.

Распутный сын или дочь: лишаются имущества и приговариваются к холостому образу жизни, пока не будет уверенности в их исправлении.

Неисправимые: низвергаются с горы.

Добрые дела и заслуги: прославляются, вознаграждаются знаками отличия.

Способнейшие: за свои труды получают право выбора красивейших девушек в супруги.

Если муж и жена живут несогласно: собирается вся республика со своим главой и объявляет брак расторгнутым, если примирение оказывается невозможным, а развод не представляет особых неудобств; но супруги в течение года живут раздельно (с правом соединиться снова) раньше, чем вступят в новый брак“.

— Мне очень нравятся эти законы,— сказал отец Кристины своему зятю.— Но они оказались бы недостаточными в наших странах, где личный интерес и власть богатства ниспровер-

гают все. Ну, зять мой, для того, чтобы быть великим государем, тебе недостает только больших владений. Тем не менее у тебя есть нечто, что меня радует. Ты в большей безопасности, чем многие правители Германии или Италии, владения которых в тысячи раз обширнее твоих. Их власть непрочна, а твоя — надежна.

— Я не хочу ограничиться этим местом земного шара, отец мой, — ответил Викторин. — Сейчас, когда я примирился с вами и когда благополучие моей жены и мое собственное стало полным, у меня возникают крупные замыслы. Через некоторое время я хочу предпринять со своим младшим сыном путешествие в южные земли, лежащие вдали от всех стран, открытых честолюбивыми европейцами. И когда я обнаружу какой-нибудь остров вроде Тиниана или Хуан-Фернандеса, я переселю туда свою колонию. Благодаря тому, что я летаю, мне можно будет выбрать кратчайший путь, мне не придется уклоняться в сторону от цели, и поэтому такое путешествие потребует немного времени. Необходимо лишь, чтобы двое первых жителей, которых я и мой сын перенесем на открытый остров, легко нашли там пропитание, потому что мы не будем в состоянии перебросить туда достаточное количество провианта. Но как только это будет обеспечено, ручаюсь вам, что Кристина де-Б-м-т станет первой королевой крупного государства. Я так ее люблю и уважаю, что хочу, чтобы она была провозглашена королевой. Вот, дорогой сеньор, намерения вашего зятя.

Старик обнял Викторина со слезами радости на глазах.

— Осуществи же свою высокую миссию, сын мой,— воскликнул он.— Ах, я хорошо вижу, что тот, кто сумел изобрести крылья и создать маленькое государство на Непроступной горе, способен также основать великую державу. Не хватает здесь только... Ладно, ладно, я уже счастлив до конца своих дней.

— Я могу совершить еще и другие прекрасные подвиги, сеньор и отец,— начал снова Викторин.— Например, я могу предложить свои услуги королю в нынешней войне. Я могу разносить приказы и осведомлять наш флот в открытом море. Как много благ принес бы я, извещая наши эскадры о всех передвижениях неприятеля! Наконец я мог бы стать арбитром королей и наций и запретить им войну, угрожая нападающему страшными несчастьями, или же похитив и интернировав зачинщика этих крупных распрей, повергающих в траур целые нации. Мне стоило бы только интернировать на Непроступной горе пять-шесть таких господ— англичан, немцев, португальцев, московитов и т. п.,— чтобы другие оказались достаточно устрашенными и не осмеливались больше ничего предпринимать после запрета летающего человека.

— Ты прав, зять мой. Этот проект лучше, чем проекты аббата Сен-Пьера и даже самого Ж.-Ж. Руссо. Вот настоящее средство установить всеобщий мир.

— Я как-то для развлечения составил речь, которую я произнес бы перед двумя армиями,

готовыми вступить в битву. Мне кажется, что эта речь, подкрепленная несколькими решительными действиями, вроде тех, о которых я вам говорил, произвела бы большое впечатление. Вот эта речь:

„Кто готовится сейчас к взаимному истреблению? Люди? Нет, нет, это не могут быть люди. Человек, существо, одаренное разумом, руководствуется разумом в своем поведении, в своей защите, в своих объяснениях. Только львы и тигры, кровь которых всегда возбуждается желчью, могут защищать свои права, пожирая друг друга. Но человек, образ божий, применяет другие средства... Нет, те, кого я вижу,— не люди, или же это сумасшедшие. О безумные, слушайте же меня, слушайте летающего человека, который может поразить вас градом камней, может уничтожить ваших безумных начальников. Слушайте меня, безумные. Двадцать-тридцать тысяч из вас погибнут в рукопашном бою. Когда они будут мертвы, какая из двух сторон окажется правой? Без сомнения, сильнейшая. Итак, несчастные, вы поручаете разрешение ваших интересов слепой силе. Отвергая разум, который приближает человека к божеству, вы собираетесь вести себя как атеисты или, скорее, как животные. О, сумасшедшие! И у вас есть законы, осуждающие на смерть убийц и воров. Самые жестокие, самые главные убийцы, заслуживающие тысячи колесований и сожжений,— это ваши генералы, которые готовятся совершить преступление против природы, предписывая убийства, и святотатство против божества, освящая

несправедливость; они хотят унижить человека, заставляя его вести себя подобно зверям, в то время как он наделен разумом и может объясняться достойным образом. О гнусные злодеи, вы боитесь разума! Если бы вы не боялись его, вы сообразовались бы с ним. Или же, если бы вы оказались слишком предубежденными, слишком ослепленными, вы обратились бы к беспристрастным арбитрам. Но вы не желаете считаться ни с разумом, ни со справедливостью. А ведь, бог — это сама справедливость. Вы отрекаетесь, значит, от божества. Несчастные! И у вас есть законы против атеистов, против убийц. У вас есть культ, священники, алтари. Разве это не насмешка? Разве не издеваетесь вы над божеством?.. Вы не люди, я не признаю вас за таких. Нет, вы не люди. Сражайтесь же, и я немедленно направлю свои удары против главарей обеих армий. Они заплатят своей преступной жизнью за оскорбление, нанесенное природе. Осмельтесь-ка начать! Я, летающий человек, приказываю вам объясниться, изложить свои претензии и потребовать их удовлетворения, как должны поступать разумные существа. Пусть та из двух наций, которая не согласится на справедливое решение, будет немедленно заклемена презрением всего мира. И, если она первая возьмется за оружие, тогда пусть все остальные народы поступят с ней как с диким зверем, пока она не станет снова рассудительной“...

— Прекрасно, зять мой, держись крепко! — вскричал старый сеньор, вне себя от радости,

видя мужа своей дочери арбитром наций и даже армий.

„— Я, летающий человек,— продолжал Викторин,— согласен на этот раз быть вашим арбитром. Составьте краткие и ясные меморандумы, в которых ничто не противоречило бы истине, положите их на этот утес, и я передам вам потом свой ответ“.— Вот, дорогой сеньор и отец, какую речь я приготовил и какую мне, быть может, еще придется держать в один прекрасный день.

— Она превосходна, зять мой. И я особенно был бы доволен, если бы ты мог послужить отечеству против этих пиратов, англичан. Но самое важное и самое спешное — это основание твоего государства в южных странах. Оттуда прибыл (в 1700 г.) капитан Галлей. Он не нашел там ничего достойного внимания. Но он мог ошибиться, а ты все обследуешь во сто раз лучше, чем он. Тогда только моя дочь действительно станет королевой. (И старик вскочил от радости, чтобы облобызать своего зятя.)

Таковы были беседы, которые Викторин вел со своим тестем во время его пребывания на Непроступной горе. Наконец, через неделю он доставил доброго сеньора обратно домой к десяти часам вечера. Его дочь и внуки помогли ему лечь в постель, расцеловались с ним и вернулись на свою гору.

Каково же было изумление слуг г-на де-Б-м-т, когда на следующее утро они увидели своего хозяина на балконе с трубкой во рту! Они не верили своим глазам и решили, что это привидение. Но когда он своим зычным голосом

позвал их всех, чтобы отдать распоряжения, они не могли уже сомневаться в реальности его возвращения. Однако никто не осмелился заговорить с ним об этом, так как добрый сеньор был немного горд. Решилась на это только одна старая служанка.

— Ах, сударь, когда же вы вернулись?

— Вчера вечером, милая.

— Значит, вас никто не видел?

— Чорт возьми, вы здесь все так крепко спите, что когда-нибудь унесут весь мой замок, не разбудив вас.

— Удачно ли было ваше путешествие, сударь?

— Очень, очень удачно. Я видел свою дочь, внуков, зятя. Но какого зятя!.. Достаточно сказать, что я вполне доволен и что я во всем королевстве не мог бы найти лучшей партии для своей дочери.

— О, тем лучше, тем лучше, дорогой хозяин. Вот как не нужно верить слухам! Все думали, что это Викторин.

— На моей дочери женился принц, и она очень скоро станет выше, чем принцесса.

— Слава богу, сударь.

— Да будет так. Но отправляйся по своим делам и оставь меня заниматься важными вопросами.

Я полагаю, что добрый сеньор решил выработать законодательство будущего государства своей дочери-королевы. То, что он придумал, было, конечно, превосходно, но осталось неизвестным.

Вернемся на Непроступную гору. Кристина

присутствовала при беседах своего отца со своим мужем о будущем государстве. После отъезда доброго сеньора, при первой же возможности, она, смеясь, спросила Викторина:

— Ты все это серьезно говорил, друг мой, о южных землях, об острове Тиниане, Фернанде и т. д.?

— Конечно, совершенно серьезно, дорогая супруга. Я не стал бы лгать твоему отцу.

— Ты, значит, полагаешь, что мы будем там счастливее, чем здесь?

— Дело не в счастье, дорогая жена. Я счастлив всюду, где находишься ты. Дело идет о славе и о пользе. Мы создадим новый народ, который когда-нибудь прославится. Мы прежде всего наделим его искусствами и науками, чтобы он никогда не мог их лишиться.

— Боюсь, друг мой, что этот великий проект нельзя будет полностью осуществить. Прежде всего, для того, чтобы создать большое общество, следует, как подсказывает здравый смысл, наделить его всеми пороками, распространенными в мире. Иначе, если твои граждане окажутся, как здесь, добродетельными и с ограниченным кругозором, они станут добычей первой же европейской нации, которая их откроет. Ты должен будешь сделать их воинственными, т. е. злыми, чтобы они не стали рабами. Надо будет иметь корабли, чтобы они торговали. Если бы они довольствовались собственным производством и не покидали пределов своей страны, они, я полагаю, мало-помалу выродились бы. Даже здесь я вижу много невинности и непорочности, но мало энергии. И если бы

не твои законы и установленные тобою работы, словом, если бы ты не был душой нашего общества, жители нашей горы впали бы в оценку.

— Это хорошо замечено, дорогая подруга. Я знал, что вы очень умны. Но если бы славные подвиги совершались без риска, без трудов и опасностей, в чем была бы их заслуга? Слава состоит в том, чтобы преодолеть трудности, и на это я надеюсь. К тому же, у нас дети, для которых здешнее местожительство становится слишком тесным. Прежде всего я должен постараться открыть остров или континент, все равно, лишь бы он был необитаем или, по крайней мере, обитаем не могущественными нациями, для которых мы были бы неудобными соседями. Если я найду что-нибудь подобное, я поостерегусь известить об этом европейцев. Я постараюсь открыть какую-нибудь плодородную землю между сороковым и сорок пятым градусом, что, по сведениям путешественников, произведения которых я читал, соответствует приблизительно пятидесятому градусу нашего северного полушария. И когда мы там прочно обоснуемся, я начну обучать проживающие там народы искусствам и наукам. Но я приложу величайшие старания, чтобы убедить их избегать дальних плаваний. Я устрою так, чтобы они не покидали своих берегов и не продвигались значительно в сторону экватора. Труднее всего мне, дорогая супруга, то, что я должен буду расстаться с вами. Но я оставляю вам моего старшего сына и дочь. Де-Б-м-т будет замещать меня здесь. Он часто

будет привозить сюда вашего славного отца, так же как и моего, которого я, по известным соображениям, до сих пор не повидал. Вам это понятно: я хотел пощадить деликатность вашего отца и предоставить ему возможность свободно высказаться о своем зяте.

— Значит, ты скоро уедешь?

— Я уже делаю приготовления. Нам нужны более мощные и, так сказать, более выносливые крылья, чтобы мы могли захватить с собою провизию. У нас будет с собою также другая пара более легких крыльев, для того, чтобы иметь возможность заниматься охотой, когда будем в южных землях.

Кристина была очень расстроена таким быстрым отъездом. Но намерения ее мужа доставили столько удовольствия ее отцу, которого Викторин вызвал себе на подмогу, что последний отбыл в середине сентября со своим младшим сыном, трогательно расставшись с женой, старшим сыном и милой Софи. Что касается тестя, тот был в восторге и благословил их.

Двое летающих людей поднялись в воздух на крепких крыльях с самой отвесной скалы Неприступной горы в десять часов вечера, снабженные двумя корзинами с провизией, прикрепленными к их поясным ремням. Снизу это придавало им вид двух птиц невероятной величины. Они направили свой полет прямо на юг, руководствуясь звездами хвоста созвездия Козерога. Им понадобилась только неделя, чтобы достигнуть экватора. И так как, по мере продвижения на юг, они поднимались все выше, то совсем не страдали от жары: скорее им

приходилось опасаться ночной свежести. Днем же они отдыхали на высоких горах и спали, прислонив голову к корзинам с провизией.

Мало кто из людей мог их заметить во время этого перелета. Вследствие темноты и большой высоты, на которой они держались, они казались крестьянам маленьким облачком. Что касается горожан, то те их вовсе не видели, кроме как в Каире, в Египте, потому что там летящие люди снизились, чтобы рассмотреть большого крокодила, дремавшего в Ниле. Их появление произвело общее смтение во всем городе, среди мусульман, коптов, евреев. Первые сочли их за Магомета, который собственной персоной явился покарать их за постоянные бунты. Вторые решили, что это конец света. А евреи пооткрывали свои окна и принялись кричать: „Мессия! Мессия! Адонай!“ Все они были крайне удивлены, когда увидели, что летящие не остановились, а долетели до самой высокой из пирамид, на которую и опустились.

На двенадцатую ночь, к рассвету, Викторин и его сын достигли тропика Козерога. В следующие дни они облетели пространства приблизительно между двадцатым и двадцать пятым градусом, разыскивая на той же параллели, на которой расположена Франция, подходящую для них страну. Сначала они заметили остров столь значительных размеров, что во время этого первого путешествия приняли его за континент. Но так как он оказался обитаемым, то они пролетели мимо. В двадцати льё оттуда, под 00 градусом южной широты и 00 градусом долготы, они увидели другой остров таких раз-

меров, как Англия, Шотландия и Ирландия, вместе взятые. Он был расположен на том же меридиане, что и Франция, вследствие чего часы суток и там и здесь одинаковы, и только времена года диаметрально противоположны.

Первый остров: остров Кристины, или Ночной

Викторин и его сын в течение нескольких дней летали над этим прекрасным островом. Он был покрыт лесами, однако на нем были также равнины, напоминавшие прерии, с многочисленными мирными животными, вроде бизонов, быков, оленей или ланей и диких коз. Одни животные напоминали зебру или осла, другие — лошадей, а из всех плотоядных имелись только небольшие тигры или ягуары, очень многочисленные, нападавшие на крупных животных только в тех случаях, когда те уже умирали от старости. Людей они не заметили. Только на третий день, уже в сумерки, молодой Александр обнаружил на острове почти человеческое создание. Из глубины пещеры их рассматривал некто, похожий на голого человека. Александр указал на него своему отцу. Тот взял ночную зрительную трубу¹ и, приостановив движение, заметил много других, совершенно голых, мужчин и женщин, лежавших ничком.

¹ Род зрительных труб, изобретенных в Англии, чтобы следить за кораблями ночью. (*Дюлис.*)

— На этом острове живут только дикари,— сказал Викторин своему сыну.— Кажется, их очень мало. Мы можем здесь остановиться. Выберем открытое, но укрепленное место, чтобы поместить там наших первых жителей.

Они принялись за обследование возвышенности острова, летя на своих крыльях очень низко, однако не без предосторожностей. Им удалось найти, повидимому, совершенно необитаемую гору, на вершине которой была равнина с озером. Они снизились там и поместили свои корзины в одном недоступном гроте, очистив его от нескольких маленьких ягуаров. Там они провели ночь. На следующий день, вооруженные хорошими саблями и пистолетами, они отправились на охоту. Они убили нескольких птиц, сварили их во взятой с собой кастрюле и поели бульона, который их очень подкрепил. Они нашли также нечто вроде хлебного дерева, плоды которого напоминали по вкусу каштаны. Они нарвали про запас этих плодов, после того как уверились в их безвредности: в этом легко было убедиться, накормив предварительно животных.

С каждым днем они делались все смелее и продвигались несколько дальше, ставя отметки на деревьях, чтобы найти обратную дорогу к гроту. Ягуаров они не щадили, рубя их саблями; что касается других животных, то убивали их лишь по мере необходимости. Наконец, на восьмой или десятый день своего пребывания на острове, они нашли проторенную дорожку и пошли по ней, прислушиваясь на каждом шагу. Доржка привела их к источнику, вокруг которого скопилось много животных, не

обратившихся, однако, в бегство при виде их. Они пошли по дороге дальше, уверенные, что где-нибудь неподалеку должно быть жилье. Они не замедлили обнаружить его в конце дороги. Это был грот, закрытый грубо отесанными стволами деревьев. Они начали осматриваться кругом, но стояла такая темнота, что невозможно было ничего разглядеть. Заслышав в это время какой-то шум, они испугались, надели свои легкие крылья и отбежали в сторону. Поднявшись на воздух, они возвратились на свою гору, так ничего и не обнаружив.

— Я думаю, отец,— сказал Александр,— что люди этой страны похожи на летучих мышей. Днем мы ничего не видим и кругом стоит тишина. Но, уверяю вас, каждую ночь я слышу как будто человеческие голоса и крики. Будем бодрствовать сегодня ночью. Для этого ляжем сейчас же спать, чтобы проснуться в полночь.

Викторин уже сам думал об этом. Он с удовольствием согласился на предложение сына, и в полночь они укрылись в надежном месте, откуда все могли наблюдать. Едва только они приготовились, как заметили пять или шесть обитателей острова, которые направлялись в их сторону с женами и детьми. Эти дикари рассматривали грот и произносили несколько слов пискливыми голосами, которые напоминали мышиные, только звучали значительно громче. По их речам и жестам Викторин понял, что их пребывание не осталось тайной для жителей острова. Его чрезвычайно поразило, что они двигались и собирали плоды с такой быстротой, как если бы было светло. У них были

деревянные крючки, чтобы пригибать к себе ветки. Затем он увидел, что пришло еще много таких же людей и все друг с другом разговаривали. Они поели плодов хлебного дерева, а когда начало рассветать, удалились. Двое европейцев последовали за ними издали и увидели, как они скрылись в своих пещерах. Они были еще больше удивлены, когда натолкнулись на двух дикарей, мужчину и женщину, шедших ощупью, хотя уже было светло. Они несколько испугались, но скоро успокоились и, видя, что дикарей только двое, завладели мужчиной, не смотря на его мышинный ниск, и увели его к себе на скалу. По дороге они встретили другого дикаря, которого их пленник не видел, хотя тот прошел очень близко. Они дали ему уйти и заметили, что он также шел ощупью, с закрытыми глазами.

Как только они прибыли на скалу, они рассмотрели дикаря. Это был молодой человек, приблизительно лет двадцати, светлорыжий, с очень длинными ресницами. В гроте он стал немного видеть и проявил большой испуг. Викторин и его сын старались его успокоить, ободряя его жестами и предлагая пищу. Но он ни на что не реагировал и старался заснуть. Его уложили на кровать из мха, где он и расположился и оставался без движения до вечерних сумерек. Когда появились Викторин и его сын, дикарь опять очень испугался и стал искать выхода, чтобы убежать. Те стали предлагать ему поесть жареного мяса и хлебных плодов. Но он не хотел ни к чему прикоснуться и, казалось, дрожал от страха.

— Я начинаю понимать, кто такие дикари этого острова, сын мой,— сказал тогда Викторин.— Это ночные люди. Говорят, что существуют только несколько подобных индивидуумов, но теперь я думаю, что это целая раса, которую другие люди уничтожили повсюду, где с нею сталкивались, и которая существует теперь только в тех местах, где проживала она одна. Ну, а мы издадим закон, который будет категорически запрещать причинять им какое бы то ни было зло. Кажется, что сами они незлобивы. Освободим нашего пленника и станем так же осторожно, как раньше, наблюдать, что из этого выйдет.

Викторин тотчас открыл вход в грот, и ночной человек молнией скользнул в него. Два европейца, захватив с собою крылья и сложив свои корзины на неприступной скале, последовали за своим пленником, который скоро встретился с толпой соплеменников. Он остановился. Те окружили его и начали очень сильно пищать по-мышинному. На каждый писк пленника все остальные отвечали резкими криками. Затем один пленник пищал в продолжение минут десяти. После этого все остальные запищали одновременно и вместе двинулись в сторону грота, сбившись плотно в кучу. Но никто не помышлял о насилии. Они ничего не тронули и даже не постарались взломать вход. Они только смотрели в щели и объясняли остальным, что двух иностранцев не видно.

Викторин и его сын поняли тогда, что это очень кроткие люди, и что с ними можно ужиться, но что их будет очень трудно при-

ручить. Тогда они закашляли, выйдя на дорогу, чтобы на них обратили внимание. В толпе произошло странное движение. Дикари рассматривали их с удивлением, готовые каждую минуту обратиться в бегство. Но молодой человек, который был их пленником, казалось, успокаивал их. Он даже приблизился на несколько шагов, приглашая всю толпу последовать его примеру. На это, однако, никто не решился. Тогда Викторин стал издали предлагать им жареное мясо и плоды. Они, казалось, хотели это взять и убеждали друг друга подойти к иностранцам. Однако никто не решался выступить первым. Даже пленника, который сделал вперед шагов двадцать, позвали назад, и он вернулся. Наконец Викторин и его сын, чтобы еще больше удивить их, привели в движение крылья и поднялись на них. Тогда все ночные люди испустили писк ужаса и разбежались. Повсюду кругом, куда они прибегали, поднимался такой же резкий писк. После этого опыта оба европейца возвратились в свой грот и остались там до утра.

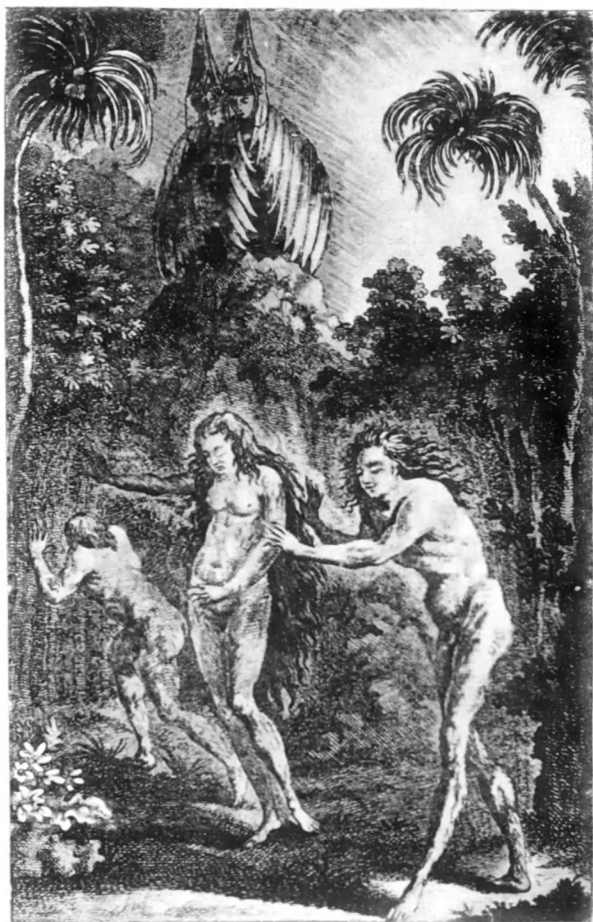
Достаточно убежденные теперь, что в дневное время им нечего бояться жителей острова, они более спокойно обследовали его, то летая, то пешком. Остров оказался очень плодородным.

Однажды, пролетая, они заметили застигнутый бурей корабль. Решив оказать какую-нибудь помощь несчастным, которые каждую минуту могли погибнуть у этих берегов, они полетели над блестящей поверхностью моря. Только они достигли корабля, как он натолкнулся на риф и разбился. В ту же минуту, спустившись на утес, они закричали по-французски экипажу,

чтобы никто не пугался и чтобы все поднялись на палубу и держались за веревки. Потом они привязали веревку к вершине мачты и, используя всю силу своих больших крыльев, притащили корабль к скале, к которой прикрепили мачту, предложив экипажу взобраться наверх. Это было легко выполнено. Корабль, к счастью, оказался французским. В первый момент опасность неминуемой смерти заставила экипаж выполнять приказы летающих людей без особого внимания к ним самим: люди спасались от смерти и ни о чем другом не думали. Но легко понять, как велико было удивление пассажиров и матросов, когда они несколько успокоились, очутившись на скале, при виде спасших их людей, которые за четыре тысячи льё от их страны говорили по-французски и летали по воздуху. Расспросы, однако, были отложены, потому что опасность еще не совсем миновала. Летающие люди перенесли всех пассажиров по-двое, т. е. четырех в каждый перелет, на самый остров. Когда уже все находилось в безопасности, четверых людей снова перенесли на корабль, чтобы спустить на море шлюпку и спасти, что возможно было, из продовольствия. Им удалось перебросить несколько ящиков с сухарями в хорошем состоянии, вино, муку, водку, инструменты; только порох был весь испрочен. Спасли также много товаров, которые могли еще пригодиться, хотя и были несколько подмочены. Только после того, как с корабля доставили все, что было возможно, и корабль затонул, потерпевшие кораблекрушение начали расспрашивать летающих людей.

Те рассказали им, кем они были, стараясь говорить только о сеньоре де-Б-м-т и назвавшись его сыном и внуком, чтобы вызвать к себе больше уважения. На корабле были только две женщины. Их разделили по жребию между двумя самыми молодыми и приятными офицерами, и все остальные поклялись не посягать на них. Затем летающие люди объяснили, кто были жители острова, и предложили экипажу завладеть девушками ночных дикарей. Они были убеждены, что таким образом народится смешанная раса, которую можно будет приручить. Все это и осуществилось впоследствии. Первое время по ночам только отдыхали, а днем заботились, как бы поудобнее устроиться на острове. Начали обрабатывать землю согласно принципам нового земледелия и заселяли ее зерном, найденным на корабле. В ожидании урожая решили экономить сухари и питаться главным образом плодами хлебного дерева, дичью, а также молочными продуктами, потому что было обнаружено, что дикие козы и коровы поддаются приручению. Вскоре были найдены и птицы, которые напоминали кур и несли яйца. Разбили также сад. В нем посеяли зерна плодовых деревьев, а летающие люди решили в следующий раз захватить семена всех сортов.

Когда новая колония уже несколько устроилась, матросы отправились в большую пещеру ночных людей и выбрали там красивейших девушек, которых и забрали с собою днем для того, чтобы они были более послушны в темноте. Наслаждение довольно быстро приручило этих странных супруг (в то время как мужчины,

казалось, попрежнему не поддавались приручению: они дрожали при одном виде дневных людей и только на двух молодых европейцев смотрели как будто с удовольствием). Когда, таким образом, потерпевшие кораблекрушение оказались в сносных условиях, Викторин и его сын объявили им, что возвращаются в Европу, чтобы осуществить то, что было целью их путешествия. Каждый просил привезти ему то, что ему больше всего хотелось получить, и они отбыли с многочисленными поручениями.

Возвращаясь, они пролетели мимо алмазных россыпей королевства Голконды и выбрали там несколько самых крупных камней, предварительно повергнув в ужас стражу и купцов. Затем они достигли Англии, где продали эти камни. На вырученные деньги они купили прекрасный корабль, привели его в Брест и там поставили на якорь.

Наконец они возвратились на Непрístupную гору через шесть месяцев после отъезда, т. е. приблизительно двадцать пятого марта. Там они нашли доброго сеньора де-Б-м-т, который не покидал больше горы, чтобы несколько успокоить свою любимую дочь. Излишне описывать, как они были встречены. Особенно пришел в неописуемую радость от успеха их путешествия старый сеньор. Когда он узнал, какую выгоду извлек его зять из кораблекрушения французского судна, и услышал о заключенных уже браках между матросами и ночными женщинами, он не мог сдержать себя. Он первый преклонил колено перед своей дочерью, приветствуя ее как королеву и титулуя ее „вели-

чеством“. Для того, чтобы окончательно привести его в восхищение, ему рассказали об алмазах Голконды и о купленном корабле, который давал возможность сразу забрать обитателей Непрístupной горы и еще несколько других лиц, ремесленников и мастеров, которым, конечно, ничего не должно было быть сказано о цели путешествия.

Добрый сеньор не хотел ни минуты больше оставаться на Непрístupной горе. Он попросил своего старшего внука перенести его домой для того, чтобы продать свой замок и все имущество и на вырученные деньги закупить груз для судна.

Все это и было с легкостью приведено в исполнение. Не желая задерживать вас подробностями, которые вы сами сумеете себе представить не хуже, чем я, скажу вкратце, что одной прекрасной ночью все удалились с Непрístupной горы. Приготовленные кареты забрали эмигрирующих. Викторин увез с собой своего отца, доброго фискального прокурора, а также братьев, сестер, кузин и всех вообще родственников и свойственников, которые у него были. Все прибыли в брестский порт, где их ожидал прекрасный корабль. Забрали также с собой мастеров и ремесленников всех профессий с их женами и детьми под предлогом путешествия в Кайенну. Корабль отошел в прекрасную погоду при попутном ветре, и когда он был уже в открытом море, Викторин и его сыновья поднялись на воздух и оттуда веревкой, привязанной к мачте, стали направлять его движение, как это делали у древних Кастор и Поллукс.

Таким способом они открыли самые короткие и неизвестные еще пути. Не имея компаса, экипаж попрежнему не знал, куда они направляются. Викторин с сыновьями, а иногда и Софи летали низко над водой, постоянно делая промеры, чтобы избежать отмелей и подводных скал. Наконец, после трех месяцев морского путешествия, они счастливо, т. е. без потерь, хотя и не без трудностей, пристали к острову Кристины. Первые колонисты встретили их с невыразимым восторгом. На острове только что собрали первый урожай и родился первый ребенок.

При вступлении на землю Кристина была провозглашена королевой. Вскоре воздвигли дворец и удобные жилища. Все работали, не покладая рук: обрабатывали и осушали землю, охотились, собирали плоды хлебного дерева и т. д. На острове установили законы Неприступной горы, и они хорошо привились, потому что Викторин твердо поддерживал там равенство, вопреки своему тестю, который хотел бы ввести дворянство, баронов, графов, маркизов и даже герцогов с голубыми лентами. Но и он не замедлил послушаться голоса разума. Добрый фискальный прокурор, со своей стороны, непременно желал судебных чиновников, институт которых был действительно введен, но со многими отличиями. Наконец скажу вам, что nocturne женщины родили довольно странных метисов, более или менее приближавшихся к типу дневных людей. На острове надеялись со временем усовершенствовать этот новый вид посредством скрещивания, и тогда полностью пре-

доставить ночную расу ее собственной судьбе, беря жен из ее среды только в случае крайней необходимости.

В таком положении находились дела через шесть месяцев после прибытия Викторина и его семьи, т. е. до первого урожая. После снятия урожая все, посвятившие себя первое время земледелию, взялись снова за свои специальности, занявшись ремеслами или науками.

Первый город или, вернее, первый поселок острова Кристины состоял из трехсот жителей, включая потерпевших кораблекрушение, жителей Неприступной горы (составлявших настоящее дворянство благодаря своей высокой нравственности, а также привязанности, которую питали к ним правители и их дети) и, наконец, привезенных мастеров и ремесленников. Корабль, доставивший на остров подданных Кристины, был отдан под охрану молодежи Неприступной горы, и всем другим жителям было строго запрещено подходить к нему. Для большей верности Викторин и его сыновья сняли с него паруса. Корабль предназначался для торговли с большим соседним островом, который обнаружили Викторин и Александр, раньше чем обосноваться на острове ночных людей.

Через несколько лет, когда кристинские ремесленники и рабочие стали столько выработать, что оказалось больше вещей, чем требовалось для потребления, корабль нагроутили товарами для большого острова. Викторин и его сыновья несколько раз летали туда, чтобы познакомиться с соседней нацией. (После этих-то

наблюдений и решили нагрузить корабль разными высококачественными изделиями, снабдив его всем, что могло быть предметом торговли.) Вот впечатление, которое создалось у них от острова.

Второй остров: остров Викторик, или Патагония

Все народы острова Викторик (так они называли этот большой остров, который будет отныне центром пятой части света) принадлежат к расе патагонцев. Ростом они около двенадцатипятинадцати футов. Они настолько кротки, что между ними никогда не происходит ни малейших ссор. Викторин и его сын Александр долго наблюдали за ними, не решаясь нигде опуститься. Но когда они приблизились к земле, то увидели, что на них почти не обращают внимания. Скоро они обнаружили причину этого, заметив, что совсем близко от них летали огромные птицы, вроде кондоров. Наконец, опустившись на одну возвышенность, они устроились там, чтобы иметь возможность производить отсюда экскурсии вглубь страны.

В то время, как они восхищались этой новой страной и ее жителями, они заметили молодую девушку, приблизительно десяти футов ростом (ей было двенадцать лет), которая, раздвинув ветви двух деревьев, протягивала руку, чтобы их схватить. Они отлетели немного в сторону и поднялись на несколько футов в воздух, так

как на них были их легкие крылья. Девочка схватила камень, чтобы бросить в них. Но женщина, ростом двенадцати футов, новидимому ее мать, запретила ей это и стала звать летающих людей, как люди этой страны призывают птиц,—способ, отличающийся от французского только большей зычностью. Викторин и Александр решили, что могут приблизиться к ней. Они подлетели ближе, выражая жестами почтение и радость. Это очень понравилось большой женщине и ее дочери. Викторин сел, как на насест, на плечо дочери, которая дрожала от радости, не смея, однако, к нему прикоснуться. Потом они несколько раз улетали и снова возвращались, а когда женщины стали удаляться, последовали за ними. Так они долетели до большого дома, построенного целиком из дерева. Там они увидели мужчин, еще более крупных, чем женщины. Мать и дочь стали им что-то рассказывать, показывая на Викторина и Александра. Все сели за стол так, как это делается в этой стране, т. е. каждый сел на бревно, служившее креслом, а женщины распределили плоды хлебного дерева, коренья и нечто вроде теста, которым наполнили большие деревянные вазы, стоявшие перед каждым гостем. Когда трапеза кончилась, каждый заснул на постели из мха, расположенной у того места, которое он занимал за ужином. Только молодая девушка подумала о том, чтобы дать поесть летающим людям. Они взяли пищу из ее рук и очень обрадовали этим доброе дитя.

Они отбыли на следующий день. Пребывание на этом острове показалось им утомительным:

человек, привыкший считать себя царем природы, должен чувствовать себя неприятно среди существ, относящихся к нему с презрением, ввиду своего физического превосходства. От этого ощущения ничто не может избавить, между тем как общественное превосходство, которым обладают наши знатные и даже короли, не производит такого впечатления. Рассматривая вещи с правильной точки зрения, всегда находишь утешение: у меня столько же силы; я могу испытывать такие же удовольствия; я столько же живу; без посторонней помощи все они были бы равными мне, и т. д. По существо, которое может взять в руку двух-трех людей и держать их, как птичек, как бы унижает этим нас. Поэтому нет ничего удивительного в том, что бывшие великаны, некогда существовавшие на старом континенте, были постепенно истреблены низкорослыми людьми. Если бы остров Викторик был населен европейцами, то обитающие там ныне патагонцы не просуществовали бы, может быть, и трех столетий.

Возвратившись домой, Викторин и его сын сообщили о своем открытии. Но пока они не могли еще думать о торговле. Только после трех или четырех путешествий, установивших личную близость между ними и патагонцами, они решились повезти им разные изделия, предварительно показав им образцы, которые там понравились. Они особенно старались, чтобы эти изделия соответствовали росту народа, с которым они хотели торговать.

Итак, нагруженный товарами корабль прибыл к южным патагонцам, которые были вос-

хищены его видом и стали питать уважение к маленьким людям. Особенно им понравилось, что весь экипаж корабля состоял сплошь из карликов, созданных совершенно по их подобию и без крыльев. Сперва объяснялись знаками, а через месяц научились кое-как понимать язык друг друга. Тогда-то благодаря своему промышленному искусству и знанию маленькие люди оказались в большом почете у патагонцев, которые пришли в восторг от всех наших искусств и всех наших изобретений. И если некоторые из них усматривали в этом результат нашей слабости, то другие (и таковых было большинство, хотя это были не самые умные) искренно этим восторгались. Особенно приводили их в восхищение искусственные крылья, но Викторин тщательно остерегался открыть им свою тайну. Что касается корабля, то у них, повидимому, не возникло желания построить себе таковой. Они говорили, что у них достаточно земли, и что было бы глупо пользоваться средствами, которые нам не даны природой, чтобы отправляться на поиски других территорий. По их словам, человек, как и растение, должен оставаться прикрепленным к своей почве и может только выродиться, покидая ее.

Это рассуждение не казалось слишком мудрым Викторину, который предпочитал быть сувереном острова Кристины, чем фискальным прокурором в Дофине или даже королем Неприступной горы, где вскоре стало бы невозможным прокормить всех жителей, причем люди, принужденные покинуть гору, все разоблачили бы. (Он поэтому и не отпустил никого,

и после его отъезда эта гора осталась абсолютно необитаемой, как была раньше.)

Из страны патагонцев привезли в обмен металлы, которых не было на острове Кристины, особенно платину, имевшуюся на острове Викторик в изобилии: ее залежи находились там почти на поверхности земли. Платина эта была значительно более плавкой и ковкой, чем американская, и поэтому у кристинцев приобрела сейчас такую же ценность, какую в Европе имеет золото. Из нее производятся самые дорогие украшения и вся монета страны. Оттуда привезли также чудовищной величины слоновые бивни, из которых изготовили прекрасные изделия, даже стойки для кроватей. Там открыли также металл, приближающийся к нашей меди, но не поддающийся ржавчине. Там не было ни серебра, ни олова, но нашлось немного железа и нечто вроде свинца. Из этого железа попробовали делать режущие инструменты, и это удалось довольно хорошо, но они уступали по качеству соответствующим инструментам нашей страны. Викторин предполагал отправляться время от времени в северные страны, чтобы выменивать там продукцию островов Кристины и Викторик на сталь. Но затем он изменил свои намерения, предпочитая не разглашать тайны природных богатств своего полушария, и теперь железо и сталь добываются с помощью патагонцев, которые сами разрабатывают свои рудники. Поэтому-то в Европе и не видят ни южной платины, ни новой меди. Викторин сообразил, что эти металлы могут в Европе возбудить жадность,

и решил не торговать ими до того времени, пока остров Кристины не будет достаточно заселен, и не станет преградой для европейцев. Я счел нужным дать вам все эти сведения о кристинцах, прежде чем говорить об их успехах и их внутреннем управлении.

Через некоторое время после первого путешествия корабля на остров Викторик, королева Кристина и ее муж начали подумывать о женитьбе своего старшего сына. Они предприняли первые шаги в этом направлении, нежно указывая ему, что он является лучшей партией во всем королевстве и может выбрать любую из девушек, которая покажется ему самой красивой и самой достойной. Но при подобных предложениях молодой человек неизменно хранил молчание и даже казался грустным. Прошел месяц, а он все не давал никакого ответа. Эта сдержанность в горячем молодом человеке могла вызвать некоторое беспокойство. Кристина рассказала об этом доброму сеньору, своему отцу, но тот, исходя из своих предрассудков, ответил ей:

— Чорт возьми, вот удивительно! На ком же вы хотели бы женить вашего сына? Уж не на дочери ли вашей горничной или сапожника? Это, кажется, наиболее превосходные люди во всем королевстве. Но неужели же вы думаете, что мой отпрыск, так на меня похожий и имеющий, без сомнения, мои склонности, может опуститься до такой степени?

— Но что же нам остается делать, дорогой сеньор-отец?— возразила Кристина.— У нас нет другого способа его женить. Нам придется и

Софи отдать кому-нибудь из наших подданных, а Александра женить...

— Но почему же, чорт возьми? У вашего величества слишком близорукие виды для королевы. Пусть отец с двумя сыновьями отправится в Европу. Дело это займет у них десять-двенадцать дней. Они наметят там двух самых блестящих принцесс и доставят их сюда, а здесь наши сыновья с ними обвенчаются. Что касается Софи, я думаю, будет не более трудно найти ей в мужа какого-нибудь королевского сына,— не старшего, который должен быть оставлен своему народу, а младшего.

— Понравится ли это колонии?

— Ваше величество должно быть убеждено, что в случае осуществления этого почтение подданных только увеличится, между тем как излишним сближением с ними оно будет подорвано.

— Нужно поговорить об этом с мужем.

— Да, мадам. И я беру на себя труд изложить намерения вашего величества вашему августейшему супругу-королю,— сказал напыщенно, но вполне серьезно отец Кристины.

Викторин также заметил мечтательность своего сына и был этим обеспокоен гораздо больше, чем кто бы то ни было другой. Эта мечтательность началась после посылки корабля на остров Викторик. Он сделал даже такое открытие: с острова Кристины до острова Викторик и обратно перелет занимал только три часа, и вот оказалось, что его сын тайно совершал эти перелеты. Но Викторин не мог себе представить, что именно тянуло его к гигантам. Когда

его жена говорила с ним о похищении какой-нибудь принцессы, он, не показывая своего беспокойства, ограничивался тем, что отвечал, что нужно дать пример жителям острова Кристины, доказав на деле, что они также следуют принципу равенства. С этим аргументом королева согласилась. Она, впрочем, никогда не расходилась во мнениях с мужем, и теперь также поставила себе задачей убедить в том же доброго сеньора, своего отца.

Со своей стороны, Викторин уполномочил Александра попытаться разузнать намерения старшего брата. Молодой человек сделал попытки в этом направлении, однако безуспешно. Но однажды, желая воспользоваться случаем, чтобы поговорить с братом без свидетелей, он заметил, что тот отправляется на остров Викторик. Он последовал за ним, стараясь остаться незамеченным. Старший брат направил свой полет прямо к жилищу той патагонской девушки, которая первая заметила отца и младшего сына во время их первого появления на этом острове. Александр увидел, что девушка поджидала его брата. Она приняла его в свои объятия и, лаская, унесла к себе. Он видел, что его брат отвечал ласками на ее ласки. В конце концов у него не осталось сомнений, что они влюблены друг в друга. Это открытие его крайне поразило. Он немедленно же вернулся на остров Кристины и рассказал о виденном отцу.

Викторин тотчас же собрал всю королевскую семью: королеву, принцессу Софи, своего тестя, отца, мать, братьев и сестер, к которым

присоединился еще священнослужитель,— и изложил им то, что произошло. Добрый сеньор высказал мнение, что в этой склонности есть нечто великое, и что она предпочтительнее союзу с какой-нибудь подданной. Кроме того, в результате этого брака королевская семья станет по росту крупнее своего народа. Священнослужитель, который был по крайней мере архиепископом, если не больше, важно прибавил, что внимательно читая писания Гомера и даже латинских поэтов, нельзя сомневаться в том, что древние цари греков, их герои и боги были великаны. Все любовные связи Юпитера представляли мимолетные увлечения гиганта женщинами обычного роста. Герои, происходившие в результате этих связей, представляли нечто среднее: великана — по отцу и малую расу — по матери. Это достаточно подтверждается и нашим священным писанием. У греков так обстояло дело с Геркулесом, который неизмеримо превышал ростом своего брата Эврисфея: хотя оба они родились от одной матери, но отцы были разные. Отцом Геркулеса был великан; поэтому мать героя с большим трудом могла его родить, как рассказывает Овидий. Отцом же Эврисфея был, наоборот, обычный человек. Таков был и Вакх. Но его мать Семела была менее счастлива, чем Алкмена: ее плод был слишком велик, она попробовала освободиться от него на седьмом месяце и от этого умерла. Отсюда и происходит миф, будто она захотела увидеть Юпитера во всей его славе. Этот миф имеет также и другой

смысл, который священнослужитель отказался объяснить, ссылаясь на свой сан.

Добрый сеньор был восхищен этой ученой справкой. На Кристину она не произвела никакого впечатления. Викторин же, поразмыслив, решил посмотреть, окажется ли возможным подобный брак. Он дождался возвращения своего старшего сына, который не замедлил появиться. Весь его вид показывал, что он не был несчастен в любви.

Викторин ласково встретил его. Он дал ему понять, что знает влечение его сердца, и даже попросил его, во имя своей отцовской нежности, довериться ему и дать ему возможность содействовать счастью сына. Такая сердечная речь произвела свое действие. Молодой человек, покраснев, ответил отцу:

— Я был бы недостойн такой доброты, сеньор, если бы не открыл вам всей своей души. Вы знаете, что меня очень хорошо встретили у патагонцев во время нашего торгового путешествия. Особенно много сердечности по отношению ко мне проявила молодая девушка, которой первая заметила вас и моего брата. И как только мы научились объясняться несколькими словами, она уверила меня, что, если бы я захотел принадлежать ей, она не стала бы больше смотреть ни на одного патагонца. Это она мне дала понять вполне ясно. Вы знаете, как она прелестна, как стройна. Мое сердце не могло устоять. Я сказал ей, что являюсь старшим сыном главы маленьких людей. Она ответила мне, что у них все люди равны, но что ее отец пользуется большим уважением среди своей на-

дии, и что если я представляю нечто большее, чем другие маленькие люди, то это нас только еще более сблизит. Мы условились часто встречаться. При расставании она казалась очень опечаленной. Я сказал ей, что при помощи моих крыльев, этой прерогативы одной нашей семьи, я смогу видеть ее почти каждый день. Так я и поступал. Не могу вам выразить, отец мой, до какой степени я люблю ее и как она любит меня. Но я не скрываю от себя трудностей: согласитесь ли вы и захочет ли моя мать, чтобы я взял такую жену? Если ваша доброта поможет мне преодолеть все препятствия, то согласятся ли патагонцы, которые едва признают нас людьми, отдать одну из своих дочерей пигмею? Вот, дорогой сеньор-отец, что я говорил себе, будучи не в силах преодолеть свою склонность к прелестной Исмиштрис. Я горжусь тем, что люблю такую девушку, и все принцессы, все красавицы мира кажутся мне ничем по сравнению с ней. Я настолько надеюсь на вашу доброту, отец, что осмеливаюсь рассчитывать на вашу особую поддержку и даже на ведение переговоров с патагонцами.

Хотя Викторин был к этому подготовлен, речь сына крайне поразила его, и он удалился, чтобы обдумать все на досуге. После некоторого размышления он вызвал к себе молодого де-Б-м-т.

— Не рассказывайте никому того, что вы мне только что передали,— сказал он ему,— чтобы нам не сделаться предметом насмешек наших соотечественников в случае неудачи. Признаюсь вам, сын мой, величие ваших намерений мне

правится, и я знаю, что ваш дед с материнской стороны также одобряет их, но своим особым соображениям. Сам я, однако, смотрю на это более серьезно. Мне кажется, что, если бы мы сумели соединить обе нации путем смешанных браков, мы укрупнили бы нашу породу. Обо всем этом я еще подумаю. В данный момент дело идет только о вас. Мы скоро отправимся вместе на остров патагонцев, и я попробую позондировать настроение руководителей этой нации.

Молодой де-Б-м-т был в восторге, что намерения его отца не противоречат его собственным. Но вместо того, чтобы ожидать его, он немедленно полетел на остров Викторик, чтобы предупредить свою возлюбленную о готовящемся предложении со стороны его отца. Исмиштрис пришла в восторг. Она повела своего возлюбленного к матери, которой уже раньше рассказывала о своей склонности, и стала умолять ее походатайствовать о них перед отцом и перед всеми главами семей нации. Услышав благосклонно выслушала дочь, обласкала маленького де-Б-м-т, которого посадила на палец, как охотничью птицу, и втроем они отправились к огромному Оркуманилошу, отцу Исмиштрис. Услышав без обиняков передала ему о предложении. Как только он это услышал, он захотел рассмеяться. Но движение мысли происходит не столь же быстро в этих огромных телах, как в наших. Можно было поэтому видеть, как постепенно прояснялись его черты и разгорались глаза, и только через пять минут после речи жены он разразился смехом. Вот примерный перевод его ответа:

— Нашу дочь не обвинят, дорогая итимики (супруга), в том, что она рамка (наклонна к сладострастию). Напротив, ее похвалит вся благородная и могущественная нация шпоткоганов (патагонцев) за то, что она очень митими-пипи (скромна в любви). Что касается меня, то в данный момент мне представляется наиболее заслуживающим раздумья то, что моими внуками окажутся уумбжи (пчелы), а это будет выглядеть довольно смешно. Нам останется после этого только выдать сестру этого мижититиман (прелестного маленького человека) замуж за нашего сына, огромного Скапопантиго. А это нельзя будет осуществить, потому что в случае подобного брака с этой мижититимости (прелестной маленькой женщиной) произошло бы то же самое, что произошло с нитимости (ночной женщиной) с Сюникдомба (Ночного острова,— так по-патагонски называется остров Кристины), которая умерла, оманзалопипи (забеременев) от похитившего ее шпоткогана.

— Дорогой кратакабуль (муж),— ответила ему Ушлишсло,— мне нравится этот лилими (драгоценный камешек). Отдадим ему нашу бикижи (дочь), он ее сделает счастливой, все равно каким способом.

— Лимисеки (жена), я не могу разрешить подобного вопроса, не посоветовавшись с нашими оmano (отцами семейств). Мне понадобится только десяток оромодо (кругов, или лет), чтобы увидеть их всех. После этого я тотчас же дам вам ответ.

Женщины повсюду отличаются живостью,

даже у патагонцев. Добрая Ушлишсло загорелась нетерпением:

— Я хочу получить ответ немедленно, или вы увидите, что я буду тосковать, плакать и совсем перестану питаться.

— Ну, ну, дорогая лимисеки, я поговорю только с нашими соседями и смогу вам ответить через десять висилли (лун, или месяцев).

— Десять висилли! Ну, так я не буду ни пить, ни есть, ни спать,— вот вам ваши десять висилли.

— А-о! (боже мой!). До чего вы быстры, лимисеки. Хорошо, я прошу только десять ики-рико (солнц, или дней), чтобы повидать наших соседей. Невозможно действовать быстрее.

— Я не дам вам ни десяти табала (часов), ни десяти татата (минут, или ударов пульса). Немедленно созовите двух-трех оmano, и пусть все будет решено.

— Ну, хорошо, пусть будет так,— добродушно сказал огромный Оркуманилош.

Немедленно вызвали двух-трех отцов семейств и в присутствии их жен предложили разрешить им этот случай. Эти важные персоны внимательно выслушали, потом поглядели друг на друга, и через четыре минуты один из них сделал знак, что хочет говорить. Другие в течение трех минут поворачивались в его сторону. Их жены горели нетерпением. Наконец старейший из них, огромный Омбомбобукика, сказал:

— Это серьезный вопрос. Дело идет о связи с низшим видом, который хотя и весьма одарен разумом, но по своей живости, легкости и изяществу больше похож на женщин. Необ-

ходимо поэтому собрать всю нацию и посвятить обсуждению двадцать оромодо.

Другие высказались так же, кроме одного, который считал, что нужно подождать тридцать лет. К счастью, женщины потеряли терпение и до того запугали своих солидных мужей, что было решено сыграть свадьбу самое позднее дней через десять. Все женщины стали брать молодого де-Б-м-т на руки и ласкать его так, что он чуть не задохся.

У женщин было особое основание поддерживать страсть прекрасной Исмиштрис. В Патагонии значительно больше женщин, чем мужчин, и у каждого патагонца по меньшей мере три жены. Повидимому, эта причина повлияла и на выбор молодой патагонки. Она рассчитала, что милый маленький человек равнялся приблизительно трети патагонца, и таким образом, получив его в полное обладание, она не останется в накладе.

Молодой де-Б-м-т, осыпанный ласками, полетел стрелой, чтобы возвратиться на Сюникдомба, или остров Кристины. Отец ожидал его, чтобы отправиться вместе к патагонцам. Молодой человек дал ему отчет о путешествии, которое только что проделал в целях предупредить свою возлюбленную. Этот рассказ доставил Викторину много удовольствия и изменил его намерения. Отъезд он отложил до следующего дня, а в тот же вечер собрал руководителей колонии и обратился к ним со следующей искусной речью:

— Дорогие соотечественники! Я имею честь быть вашим главой, и хотя мы все равны в

этой счастливой колонии, потому что все мы люди, вы рассматриваете меня как основателя. Но моим преимуществам должны соответствовать труды, заботы и жертвы. Вы все счастливы благодаря честному и сердечному поведению, но моя семья и я обязаны к большему, чтобы заслужить уважение, которое вы нам оказываете. Мы должны стараться обеспечить ваше спокойствие и торговлю с соседними нациями. Сограждане, с тех пор, как мой сын должен жениться, я обдумываю смелый план. Этот план вас удивит, и его успех представляется еще сомнительным, но выгоды от него были бы грандиозны. Вот в чем он состоит. У нас есть прелестные девушки, а мой старший сын приятный юноша. Любовь может заставить его выбрать кого-нибудь из них, но у меня есть основания полагать, что пока еще его сердце свободно. И вот я хотел бы, чтобы он сам принес себя в жертву благу государства и выбрал себе жену среди наших соседей-великанов. Этот союз принесет нам самое важное благо: мир и дружбу с могущественными людьми. Вот, дорогие сограждане, что мой старший сын и я решили сделать для общего блага. Говорите же. Пусть руководители колонии свободно выскажут все, что думают.

Тотчас же со всех сторон послышались возгласы одобрения. Руководители колонии окружили доброго сеньора, отца королевы, и уполномочили его засвидетельствовать благодарность нации отцу и сыну.

— Я с восторгом выполняю поручение, данное мне истинно французскими сердцами,—

вскричал старик,— засвидетельствовать королю, моему зятю, и наследному принцу-дофину, моему внуку, чувство высокого уважения, которое внушает руководителям колонии их благородное и самоотверженное решение. Осуществите же, бессмертные герои, ваше намерение. Это — пожелание всех обитателей острова Кристины и в частности мое собственное.

Присутствовавшая королева со слезами на глазах обняла своего сына и сказала:

— Повинуйся же отцу и деду.

Викторин снова взял слово:

— Что касается двух других моих детей, то дочь я предлагаю как награду достойнейшему юноше колонии,— тому, кто больше всего отличится качествами сердца и ума, соединенными с приятной внешностью. Все разумные, хорошо сложенные юноши могут добиваться ее руки. Тот из них, который завоюет ее сердце и в то же время добьется уважения ее родителей и одобрения нации, станет ее мужем, кем бы он ни был. Что касается моего младшего сына, он будет так же, как и его брат, принужден послужить общему благу, и мы подумаем о нем после женитьбы старшего.

На следующее утро Викторин с двумя своими сыновьями полетел в Патагонию и опустился у родителей прелестной Исмиштрис. Они были очень любезно встречены доброй Услишсло. И так как в этой стране руку дочери просят только у матери, которая располагает ею по своему желанию, предложение Викторина было немедленно принято. Больше всего смущал вопрос о будущем местопребывании новобрачной

на Сюникдомба (острове Кристины). Патагонцы не желали согласиться на это, заявляя, что это страна литилити-манов (человеческих летучих мышей). Но король острова Кристины изложил свои великие планы и объяснил, что он рассчитывает на брак своего сына, чтобы увеличить рост своих потомков. Его горячо поддержала невеста, и тогда патагонские дамы сдались и заставили мужчин согласиться на брак (ибо в этой стране мужчины решают все, а на деле ничего не решают, и наоборот, женщины как будто не играют никакой роли, а в действительности от них зависит все — как и здесь). После назначения дня свадьбы было решено, что она будет совершена по обрядам обеих наций, что вся семья жениха будет на ней присутствовать, и что его близкие будут признаны, в результате этого брака, членами патагонской нации.

Наконец пришел торжественный день. Викторин, его жена, тесть, отец, семья и главы всех родов острова Кристины прибыли на остров Викторик, чтобы присутствовать на блестящей свадьбе. Викторин заставил одного гасконца приготовить ходули, которые должны были увеличить рост каждого человека примерно на четыре фута, для того, чтобы его свита казалась менее смешной в глазах патагонцев. Ходули вскоре были готовы, и все ежедневно упражнялись для того, чтобы ходить на них с такой же легкостью, с какой ходят крестьяне здешних песчаных ланд. (Этих крестьян можно видеть в Бордо, когда они отдыхают, сидя на навесах лавок или на подоконни-

ках вторых этажей.) Это была счастливая идея, и она произвела на патагонцев благоприятное впечатление. К тому же она облегчила возможность беседы. Можно было говорить, не заставляя великанов сгибаться в три погибели, чтобы расслышать то, что им говорили кристинцы.

Все прибыли на прекрасном корабле, который Викторин велел разукрасить. Привезли с собой и священнослужителя. У патагонцев нет священников в собственном смысле слова. Они выражают свое естественное чувство благоговения к солнцу и земле через средство наиболее пожилых старцев. Такая церемония происходит только два раза в год: во время летнего солнцестояния — в отношении солнца, во время зимнего солнцестояния — в отношении земли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Нельзя сказать, чтобы эти огромные люди верили, будто солнце и земля являются божественной первоосновой. Но они рассматривают их как два первичных видимых существа. По отношению к людям солнце — это отец, земля — мать, луна — тетка и т. д. Они говорят, что мы должны обращать наши молитвы непосредственно к солнцу и земле, которые одни только достойны передавать их богу вселенной, которого они знают, а мы не знаем, и т. п. Но возвратимся к свадьбе старшего сына Викторина и Кристины де-Б-м-т.

Свадебная церемония была проста и величественна. Старейший из патагонцев, шестидесятилетний старик (у этих великанов люди живут дольше, чем у наших народов) соединил двух брачующихся и обратился к ним со следующими вопросами, на которые заранее были приготовлены ответы.

- Зачем вы явились передо мной?
- Чтобы соединиться узами брака.

- Почему вы вступаете в брак?
- Потому что любовь заговорила в наших сердцах.
- Что она вам сказала?
- Объединитесь, и вы познаете наслаждение.
- Вы стремитесь, значит, к наслаждению?
- Да, почтенный старец. Ибо удовольствие является наиболее полным выражением существования всякого живого существа.
- Желаете ли вы бесплодного или плодотворного наслаждения?
- Плодотворного. Бесплодное наслаждение— это не настоящее наслаждение.
- Что произведут ваши наслаждения?
- Высшее произведение природы— человека.
- О дети, поразмыслите хорошенько. Нет ничего более святого, чем брачные наслаждения, производящие человека. Не профанируйте их ссорами и разладом... Кто из вас двух является главой?
- Мужчина— супруг и глава, так же как и божественное солнце— супруг и глава земли, луны и других планет, своих жен.
- Старайтесь, дочь моя, оставаться в подчинении своему мужу, так как мужчина является производящим существом, а женщина лишь существом развивающим. Она дает только тело, а мужчина душу и жизнь... Так всемогущее солнце согревает вас, освещает и оживляет, а благодетельная земля предоставляет вам приятные долины и свежую прохладу, снабжает вас вкусными плодами, чистыми источниками

и постелью из цветов, чтобы вкушать наслаждение. Так благославляют и любят вас солнце и земля, как и я вас люблю и благословляю. Да разогреет солнце мужа своим божественным огнем. Да создаст земля постель из мха для супруги, и да примет она там нежно первый плод вашего брака. О солнце, о земля, соедините детей наших!.. По сердечному ли влечению вы объединяетесь?

— Да, святой отец.

— Объединитесь же телесно по священной воле всей нации, которую я в данный момент представляю.

Такова патагонская формула. После этого, принимая во внимание данные обстоятельства, патагонский старец соединил две половины шара со словами:

— Да будут так же навсегда объединены нации двух суругов!

Затем имела место церемония европейского брака. Самим патагонцам казалось вполне разумным, чтобы брак был заключен согласно двум ритуалам. Затем новобрачные и все присутствующие спустились с высокой горы, на которой происходило священнодействие, и отправились пировать и развлекаться на широким луг, где были установлены столы.

Скажу сразу же, что через девять месяцев после свадьбы у Исмиштрис родился прекрасный сын, ростом в два с половиной фута, что равнялось приблизительно половине роста патагонских младенцев. Александр тотчас передал в Патагонию эту новость и точную мерку ребенка. Это очень обрадовало патагонских дам, убе-

дившихся в том, что от двух рас произойдет некоторая средняя, больше приближающаяся к их величине. На острове Викторик, как и на острове Кристины, устроили большие празднества. Впоследствии у принцессы родилось еще пятеро детей, на два больше, чем обычно рождается у пагагонских женщин. Наконец, чтобы уже сразу рассказать обо всем,—Александр женился, как его брат, на прекрасной Микитикипи, и у них родилось восемь детей. Софи вышла замуж за достойнейшего из кристинцев, своего кузена по отцу. Обе великаниши оказались хорошими женами. Через некоторое время начали женить детей обоих братьев, не давая им в жены ни пагагонок, ни кристинок, дабы поддерживать в надлежащей пропорции среднюю расу, которую считали красивой обе нации, так как пагагонцам эти метисы казались миниатюрными, но не пигмеями, а кристинцам величественными, но не колоссальными. Теперь, когда у вас не должно оставаться никаких неясностей на этот счет, перехожу к другим предметам.

Женив своих детей, Викторин продолжал счастливо жить на острове Кристины. Смерть еще не отняла у него никого, и он вкушал невыразимую радость иметь в качестве свидетелей своей славы отца, мать и доброго сеньора, отца своей супруги. Он радовался также счастьем самой Кристины. Это счастье доставляло ему даже большую радость, чем его собственное. Он уже пробыл на своем острове свыше двадцати лет и видел, как процветали все его начинания. Кто из смертных был когда-либо счастливее его! Ах, высшее счастье, неведомое

в испорченных городах, но знакомое мне,—это выполнение жизненного долга и наличие родителей в качестве свидетелей твоих успехов. Счастье заключается в том, чтобы видеть их радость и сладостное чувство, которое ты у них вызываешь, чтобы видеть, как они пьют освежающий нектар благостной гордости, которую они испытывают, называя тебя „сын мой“ (слава сына гораздо больше принадлежит отцу, чем слава отца сыну).

Ночные люди продолжали спокойно жить в своих убежищах, где их никто не тревожил. Напротив, им носили продукты питания, которые оставляли у входа в их пещеры. Это была как бы дань, которую платили настоящим собственникам острова. Так предписал Викторин. О законодатель! Если ты хочешь, чтобы твой народ отличался добрыми нравами и справедливостью, не поступай, как европейцы: будь сам справедлив по отношению к слабым и незащищенным нациям. Не было бы ничего легче, как перерезать в один прекрасный день всех ночных людей, но Викторин строго приказал щадить их.

Скоро он мог поздравить себя за такое отношение и должен был испытать весьма сладкое чувство, присутствуя при сцене, которую я сейчас опишу.

В течение нескольких лет без перерыва ночным людям подносили дары. Вначале они как будто не обращали на это внимания или, быть может, считали это западней. Но в конце концов они были тронуты и испытали чувство признательности. Они понимали, что не могли дать

дневным людям тех продуктов, которые те сами добывали, обрабатывая землю. Тогда они поймали коз и диких коров, связали их и привели к воротам Кристинвилля, столицы острова. В первый раз, когда поутру нашли все это, все были крайне удивлены. Викторин, летавший всю ночь вокруг острова, разделяя со своими сыновьями эту тягостную заботу о безопасности своего народа, знал, что это подарки ночных людей. Он был в восторге, несмотря на их малую ценность, но ничего не хотел об этом говорить. Он велел забрать подарки, а вечером приказал увеличить число продуктов, предназначенных для ночных людей, и распорядился, чтобы руководители нации оставались на страже, чтобы открыть, кому они были обязаны этим проявлением дружбы. Около двух часов пополуночи заметили ночных людей, несших новые дары, испуская крики ликования. Вместе с кристинскими старейшинами, в числе коих находились добрый сеньор и отец Викторина, несмотря на их глубокую старость, были ночные женщины, на которых в свое время женились потерпевшие кораблекрушение. У них спросили, что означают эти крики. Те побежали навстречу своим соотечественникам, смешались с ними и, переговорив, вернулись, танцуя и неся прекраснейшие плоды хлебного дерева. Они рассказали, что их нация поняла, наконец, добрые намерения, которые питали по отношению к ним дневные люди. Теперь они в знак своей дружбы приносили свои дары в ответ за дары кристинцев, а также сочинили следующую песню:

Человек-день хорош, хорош, хорош.
Человек-день дал нам хороший пример.
Человек-день, ты не зол.
Человек-день не убивает нас.
Человек-день любит человека-ночь.
Человека-день мы тоже любим.

— Теперь вы видите, дорогие сограждане,— сказала королева Кристина,— не прав ли был мой муж в своем высокогуманном поведении? У нас теперь есть друзья, которые могут быть нам полезны. Сохраним же этих друзей, проявляя по отношению к ним самую братскую сердечность.

Затем Викторин, который уже научился пискливому языку ночных людей, ответил им следующим куплетом, заставив ночных женщин выучить этот куплет наизусть и пропеть его своим соплеменникам:

Дневные люди — ваши братья.
И хотят стать вашими друзьями.
Они будут всегда искренни.
Давайте, придем к соглашению.
Не бойтесь нас, ночные люди.
Днем мы будем вас оберегать,
А ночью охраняйте вы нас.
Все люди должны помогать друг другу.

Викторин был уже обременен годами и, к тому же, потерял вскоре тестя и отца, которые почли в глубочайшей старости (отцу Кристины было сто три года, а фискальному прокурору — сто десять лет). Он хотел теперь наслаждаться отдыхом и заботиться только о мудром управлении островом Кристины. Он сделал поэтому своего сына Александра фискальным прокурором империи, т. е. первым лицом в государстве

после короля, уполномочив этого достойного сына следить за процветанием колонии, поощрять ремесла и искусства, выявляя, какие из них были недостаточно развиты, и даже ездить в Европу за людьми, необходимыми для обучения крестинцев.

Вступив в исполнение своих обязанностей, Александр убедился, что на острове процветали все необходимые ремесла и искусства, вплоть до книгопечатания. Он заметил также, что довольство и равенство обеспечивали огромный прирост населения: у каждого отца семейства было по десять-двенадцать детей. Это происходило, по правде сказать, вследствие одного особого обычая, о котором я вам еще ничего не сказал. Дело в том, что на своих островах крестинцы заключают в течение своей жизни два брака. Первый раз мужчины женятся в шестнадцать лет на женщинах тридцати двух лет. Этот брак длится двенадцать лет. Достигнув сорока четырех лет, женщина продолжает, однако, жить в доме и руководить молодой женой, пока та не покидает мужа, заботясь также о детях и начальствуя в качестве хозяйки над всем домом, не имея никакой власти только над личностью молодой супруги. Достигнув тридцати одного года, молодая жена переходит в специально предназначенный для этой цели общий дом и остается там целый год, общаясь только с женщинами и ведя трудовой образ жизни. В тридцать два года ей дают молодого человека, который становится ее последним мужем и домом которого она управляет со всеми правами супруги до конца дней своих. Мужчины,

однако, достигнув сорока двух лет, могут снова жениться на молодых девушках. Их не обязывают к этому третьему браку, как и к двум первым, но лица, вступающие в третий брак, пользуются большим почетом.

Что касается королевской фамилии, то она не подчиняется этим правилам, потому что, за отсутствием принцесс крови, ее члены женятся на патагонках, как для того, чтобы сохранить свое превосходство, так и для поддержания братских отношений с могущественной нацией острова Викторик, или Патагонии. Особенно заботятся о молодых принцах, всячески развивая их умственные способности. Сыновья Александра стали замечательными механиками и сконструировали себе крылья еще более совершенные, чем крылья их отца.

Со своими сыновьями и племянниками Александр и предпринял путешествие во Францию, чтобы похитить оттуда художников, скульпторов и даже литераторов, музыкантов, актеров. Они показывались только ночью и производили свои операции, никем не замеченные. Во Франции припомнят, что лет двадцать тому назад исчезли два крупных художника, два скульптора, два знаменитых писателя, превосходный музыкант, два актера — один трагик, один комик и один прекрасный танцор. Все считали их умершими, но на самом деле их похитили Александр, два его племянника и оба сына. Они свезли их на остров Кристины, где те теперь обучают учеников и развлекают нацию, живущую в изобилии и пользующуюся самыми драгоценными благами: девинностью и свободой.

После того как все было таким образом устроено, великий Викторин, первый король острова Кристины, и его супруга, владычица острова с момента прибытия, оказались в счастливейшем положении. У Викторина была полная возможность последовать примеру первых восточных народов (находившихся в подобных же условиях, т. е. когда все виды не объединились еще в один, как о том сообщают египетские ученые), а именно разделить свой народ на высшие и низшие касты, сообразно степени совершенства, например, поставить во главе народа касту французов и заставить все другие касты почитать, кормить и обслуживать ее. Однако он воздержался от этого. Он знал из опыта, еще лучше, чем из истории, что рано или поздно класс лентяев впадает в ничтожество и кончает тем, что становится игрушкой в руках трудового или военного класса. Труд, торговля, в случае необходимости война и управление — все это выпало на долю французов. Занятие трудом стало общим, обязательным законом. Почитались только полезные занятия. Праздность была объявлена бесчестьем и позором. (Это были несравненно более мудрые законы, чем законы Ликурга, так как в Спарте все работы первой необходимости выполнялись илотами, и это должно было вызывать презрительное отношение к этим работам, к искусству и ремеслам и даже к наукам, что на самом деле и имело место.) Что касается людей несовершенных по природе, то им давали только занятия, соответствовавшие уровню их развития. Не дозволялось, например, использовать их, даже под предлогом

общественной пользы, на слишком тяжелых работах, способных привести к еще большему их огрубению. Метисы, напротив, допускались ко всем видам деятельности наравне с французами, за исключением управления. Занятия изящными искусствами, как то: актерством, музыкой, живописью, скульптурой и проч., сохранилось за французскими семьями по отцу и матери, а также за семьями офицеров с разбитого косяра, женившихся на двух европейках.

Между тем Германтин, старший сын Александра, одаренный от природы умом и соединивший тонкую французскую натуру и способность к развитию с патагонской силой и солидностью, наметил весьма обширные планы. Он предложил посетить все южные параллели между экватором и тропиком Козерога. Открытое море, усеянное островами, отделяет земли, открытые крестинскими героями, от Америки и Африки. Остров же Викторик, хотя и не широк и пересечен массой маленьких проливов (его ширина местами равняется только двум льё), так велик, что тянется до десятого градуса. Это благодатная страна. Окружающее море ослабляет слишком сильную жару, и там господствует вечная весна. На одном из соседних островов, расположенном между 00 и 00 градусами, и проживает народ, о котором я вам расскажу в заключении. Это самый великий, самый сильный и самый умный народ во всем свете¹.

Принцы отбыли в марте для того, чтобы

¹ Мегапатагонцы.

объехать земной шар по намеченному плану. Они летели вшестером, без Александра, а именно: его сыновья Германтин и Кловис, его племянники Дагобер и Тьерри и двое сыновей его сестры Софи — Ролан и Рено. Они были снабжены прекрасными, мощными крыльями, усовершенствованными Германтином, а для того, чтобы иметь больше продовольствия, снарядили корабль, который следовал за ними и которому они каждый раз назначали место встречи на том или другом градусе широты и долготы. Дело в том, что летающие люди прекрасно определяли долготу, точно зная, какое расстояние они пролетают за час, и оставляли отметки на берегу каждого острова или просто на утесах.

Возвратившись затем на остров Кристины, принцы предались изучению медицины, химии, физики, математики и философии, чтобы отдохнуть от своих трудов, посещая, однако, периодически острова и довольно часто выходясь с патагонцами, которые были в курсе их открытий. Эти колоссы не были ими удивлены. Их ничто не удивляет, и удивление для них является чувством почти неизвестным. Но сами они рассказывали, что на юге их страны проживают патагонцы более крупные, более сильные и, тем не менее, более живые и просвещенные, чем они. В результате этих часто повторяемых рассказов, Германтину и его товарищам очень захотелось осмотреть весь остров Викторик.

Приведя в порядок все дела и оставив вместо себя просвещенных заместителей, они простились со своим почтенным дедом Викторином и бабкой, королевой Кристиной, с наследным

принцем, своим отцом и дядей и его супругой, величественной Исмиштрис, принцем Александром и его женой, огромной Микитикипи, с принцессой Софи и ее мужем, после чего отбыли и направились в Патагонию. Корабль должен был следовать за ними, придерживаясь берега, в то время как они летели над сушей.

Они начали с того, что запросили сведений у патагонцев, язык которых прекрасно знали. Те рассказали им, что, чем дальше они будут продвигаться на восток, приближаясь к экватору до 00 градусов, тем больше они будут встречать крепких, здоровых, умных и просвещенных людей, обладающих полезными знаниями и очень добродетельных.

Мегапатагония

Покинув Микропатагонию (так я называю берег, соседний с островом Кристины), принцы летели приблизительно в течение полутора суток в сторону восходящего солнца, стараясь в то же время приблизиться к экватору, покрыв расстояние примерно в семьсот пятьдесят льё. Они пять-шесть раз опускались на землю для отдыха и действительно замечали, что с каждым разом жители становятся просвещеннее. Но они не находили в них ничего достаточно примечательного, чтобы стоило остановиться. Наконец они достигли восточной оконечности ряда близко расположенных островов, которые все вместе назывались островом Викторик, или Патагонией. Мореплаватели видели эти берега, но не

Знали, что они представляют. Этот прекрасный остров лежит на 00 градусе южной широты. Германтин, бывавший со своим отцом в Европе, не мог смотреть на эту страну без удивления. Она походила на Францию своими берегами, горами, реками, лесами и даже породами. Ее южная часть походила на северную часть нашей страны. За ней находились два больших острова, кроме нескольких маленьких промежуточных островов, совершенно похожие на Великобританию. Были там и свои Альпы, отделявшие эту страну от области, напоминавшей Италию, и Пиренеи, за которыми находился район, похожий на Испанию. Сходство было настолько разительно, что Германтин не знал вначале, что подумать. Но он слишком хорошо был знаком с географической картой, чтобы вообразить, что попал в Европу. Он заметил также, что здесь все было в миниатюре, потому что все это подобие Европы занимало территорию, едва равную территории Франции. То же, что должно было соответствовать обширной Азии и Африке, было покрыто водами океана, за исключением нескольких островов, недавно открытых и описанных капитаном Куком. Полюбовавшись сходством этой прекрасной страны со страной, откуда происходили его предки, и обогнув ее быстрым полетом, Германтин и его спутники спустились в ее столице, расположенной под 00 градусами 30 минутами южной широты и под 18-м градусом долготы (считая от обсерватории Кристинвилля), диаметрально противоположно Парижу, лежащему под тем же меридианом, что Кристинвилль, с разни-

ней в 00 градусов широты. Впрочем, и эти 00 градусов почти не имеют значения, принимая во внимание, что они компенсируются меньшей высотой над уровнем моря земель южного полушария. Таким образом, можно сказать, что город Жирап в стране мегапатагонцев расположен почти диаметрально противоположно Парижу. Климат этой страны великолепен, поскольку времена года очень равномерны, и земля весьма плодородна, что происходит от многих причин, прежде всего от наличия ряда потухших вулканов.

Опустившись на площади, весьма напоминавшей Вандомскую, Германтин и его спутники были тотчас окружены мегапатагонцами, проживавшими в соседних зданиях. Сделано это было, однако, не столько из любопытства (несмотря на крайнюю разницу в их росте), сколько из желания как можно скорее предложить им помещение и все, что им понадобится. Предложено все это было без кичливости, от чистого сердца. В то же время эти огромные люди с восхищением созерцали крылья летающих людей и говорили друг другу:

— Это изобретение очень остроумно и весьма хорошо рекомендует этих иностранцев.

Германтин хотел обратиться с речью к этой почтенной нации, но не знал, на каком языке это сделать. Он заговорил наудачу по-патагонски, но тотчас же заметил, что это не был туземный язык, хотя его и поняли. Отвечали ему, правда, на этом языке, но между собой жители говорили на другом. Вот речь на патагонском языке, которую произнес Германтин,

когда он был окружен местными жителями, с одной стороны мужчинами, а с другой — женщинами, одетыми довольно странно, поскольку их головные уборы напоминали нашу обувь, а обувь имела у мужчин вид шляпы, у женщин — вид чепчика.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

— О вы, встречающие нас славные жители прекраснейшей страны мира, крупнейшие и умнейшие из людей! Я и мои братья прибыли к вам из очень отдаленной страны, чтобы воспользоваться вашей поучительной беседой и высокой просвещенностью. По всей Патагонии раздаются хвалы вам, и хотя сами мы не патагонцы, как вы видите по нашему росту, мы, однако, связаны по материнской линии с этой почтенной нацией. Вы должны знать, что Патагония, откуда мы сейчас прибыли, расположена по соседству с островом, который назывался некогда Ночным островом, а ныне называется островом Кристины, по имени нашей бабки. Этот остров расположен на 180 градусов долготы от вашей страны, что составляет примерно 4500 льё, и под 00 градусом широты. Но страна, из которой мы приходим, находится неизмеримо дальше, в другом полушарии, и для того, чтобы достичь ее, нужно пере-

сечь экватор. Это и сделал наш дед изобретательный Викторин, чтобы достигнуть южного полушария, где он создал государство французов, т. е. самой цивилизованной нации Европы, Азии, Африки и Америки. Его глубокой мудрости мы обязаны всем. Он первый изобрел искусственные крылья, которые были усовершенствованы его детьми и при помощи которых мы теперь летаем. Он вел себя в своем государстве как мудрый и справедливый правитель. Он не угнетал туземцев разных островов, в том числе и нашего острова, хотя они представляют расы низшие по сравнению с нами и, следовательно, бесконечно ниже вас, славные мегапатагонцы. Он не только не угнетал их, но даже установил выгодные для них законы, способные улучшить их судьбу. Он просветил их, насколько они были способны к этому, и заботился о них сам или через посредство членов своей семьи, как настоящий отец. Что касается нас, славные мегапатагонцы, то мы явились сюда по его приказу для того, чтобы воспользоваться вашим примером, вашими мудрыми установлениями и постараться использовать ваши ценные советы.

Им ответил один почтенный старец:

— Мы с удовольствием видим вас, летающие путники. Поскольку нам не приходится краснеть ни за наши манеры, ни за моды, ни за труды, ни за развлечения, ни за обычаи, ни, следовательно, за наши права, мы можем только радоваться прибытию иностранцев. В этой стране всех встречают с радостью, но более всего мы рады людям, отличающимся какими-нибудь особыми достоинствами. Мы предоставим вам воз-

возможность проявить пред нами ваши достоинства. После этого мы ознакомим вас с нашим искусством, нашей наукой, нашими обычаями и всем, что вы захотите узнать. Но предварительно мы должны узнать вас поближе. Для этого вы должны нам рассказать, каковы ваши убеждения и ваши законы. Вы должны ознакомить нас с обычаями вашей нации, с вашими познаниями, не только устно, но и по тем книгам, которые вы привезли с собой, словом, дать нам полное представление о вашей стране.

Старик произнес эту речь на прекрасном патагонском языке, несравненно более изящном и мягком, чем язык самих патагонцев, и, благодаря своей естественности, более понятном даже для Германтина и его спутников. Затем один мегапатаговец средних лет, казавшийся сыном старика, сказал ему что-то на том особом языке, о котором я уже упоминал. Я запишу прямо его слова, убежденный, что их легко поймут, потому что сам я их понял без перевода.

— Мне кажется, что эти иностранцы очень разумны,— об этом говорят их глаза. Новидимому, у них развиты ремесла и искусства, если судить по их одежде, по крыльям, которые дают им возможность летать, и по драгоценностям, которыми они украшены. Мне хотелось бы, отец мой, чтобы мне поручили обучить их нашим обычаям и сопровождать их, стараясь проникнуть в их намерения, чтобы узнать, не знакомы ли им те опасные искусства, которые производят столько зла у народов северного полушария и слухи о которых дошли и до нас. Нужно выяснить, нет ли у них дурных обычаев и не по-

рочны ли они настолько же, насколько просвещены. Я замечаю, что их черты прямо противоположны нашим. Может быть, они — наши физические и моральные антиподы. Не опасно ли предоставлять им полную свободу для встреч и бесед с нашей молодежью? Осмеливаюсь поэтому обратить ваше внимание на это обстоятельство.

— Это наблюдение верно. Но не бойтесь ничего, сын мой. Здесь слишком любят и ценят добродетель, чтобы от нее отказаться. Наша молодежь не гонится за иностранными модами и обычаями. Она не склонна к рабскому подражанию и с благородной гордостью желает постоянно оставаться сама собой и не менять того, что невозможно переменить на нечто лучшее.

Для обучения и сопровождения летающих путешественников назначили старика и человека средних лет, о которых я только что говорил. Первого звали Ноффюб, а второго Эгнел¹. Первый был глубоко образованный мудрец с основательным и серьезным умом, однако не мизантроп. Второй был известен среди этого добродетельного народа кротостью своего нрава и добротой характера. Ноффюб должен был посвящать путешественников в мегалатагонскую физику и метафизику; Эгнел — ознакомить их с нравами, обычаями и законами.

Германтина и его товарищей повели в простой, но приятный дом, где все было удобно,

¹ По исключительной привилегии человек, которого обозначают эти буквы, отличается одинаковой мудростью в обоих полушариях, и даже у антиподов, о чем стоит осведомить читателя. (Дюлис.)

но не было ничего лишнего. Им предоставили все необходимое, причем все граждане оказывали им всевозможное содействие с готовностью, достойной гостеприимной и мудрой нации. На следующее утро старик Ноффюб и его сын Эгнел, покинувшие их накануне только перед сном, явились снова с разными подарками, состоявшими из кушаний и местных редкостей.

После завтрака старик задал летающим путешественникам несколько вопросов об обычаях Европы, о религии, науках, философской системе, об их познаниях в области физики.

У Германтина был Бюффон и другие книги, которые он и передал мудрому мегапатагонцу. Подержав их несколько дней, старик снова пришел к Германтину.

— Теперь я могу, — сказал он, — изложить вам нашу доктрину, которая более правдоподобна и не столь предположительна, как ваша, и более соответствует обычному ходу природы, одним словом, более достойна одушевляющего начала.

Основой всей нашей морали является порядок. Необходимо, говорим мы, чтобы моральный порядок походил на порядок физический. У нас никто от него не уклоняется и не может уклониться. Все мы равны. Существует всего один закон, простой, краткий и ясный, лишь один повелевающий и никогда не заменяемый волей человека. Закон этот состоит из немногих слов:

1. Будь справедлив по отношению к своему брату, т. е. не требуй от него ничего и не делай ему ничего такого, чего бы ты не хотел

дать сам и чего же хотел бы ты, чтобы другие тебе сделали.

2. Будь справедлив по отношению к животным, веди себя по отношению к ним так, как ты хотел бы, чтобы вело себя по отношению к тебе животное, стоящее выше человека.

3. Да будет все общим между равными.

4. Да трудится каждый на общую пользу.

5. Да будет равным участие каждого в общем благе.

Этим-то единственным законом и управляется все. Мы не думаем, чтобы какой бы то ни было народ нуждался еще в каких-нибудь дополнительных законах,—если только это не народ угнетателей и рабов, так как тогда требуется, я полагаю (хотя мне не пришлось видеть подобных народов), множество законов и стеснений, чтобы узаконить несправедливость, неравенство, тиранию нескольких членов над всем обществом. Эти несчастные народы думают, будто они обеспечивают, по крайней мере, счастье тех, кто властвует. Они ошибаются. Счастье существует только в братстве, только в сладком сознании: никто мне не завидует, мое благополучие не наносит никому ущерба, все мои братья также пользуются благополучием... Ах, как могут мнимые счастливицы нации, живущей в условиях неравенства, если только они люди, наедаться, когда другим людям недостает необходимого, как могут они развлекаться, когда другие страдают, как могут предаваться наслаждениям, когда другие обременены трудами? Если они могут пренебрегать всем этим, значит, у них слишком грубое сердце, чтобы им

было знакомо удовольствие. У них не может быть человеческих чувств, у них отсутствует чувство сострадания... По соседству с нами существуют подобные народы, живущие в неравенстве. Это маленькие люди и они населяют остров О-Таити и другие маленькие острова. С тех пор, как у них установилось это несчастное неравенство, они лишились добрых нравов. Они поощряют проституцию своих женщин, у них существуют злополучные товарищества, нарушающие предписания природы... Но мне тяжело говорить с вами об этих чудовищных вещах, которые вы знаете не хуже нас.

— Нет, нам они неизвестны,— ответил Германтин.— Но мы рассчитываем посетить эти острова, чтобы пополнить наши познания и познакомиться со всеми нашими соседями. Я задам вам другой вопрос. Здесь все равны. Значит ли это, что у вас нет должностных лиц?

— Как же, наши старики. Все отличия следуют за возрастом и возрастают до последней минуты жизни. Человек приобретает известное общественное положение, как только становится взрослым мужчиной. Но чем он менее стар, тем меньше у него имеется ниже стоящих по возрасту, обязанных относиться к нему с почтением. Эта обязанность, однако, никому не в тягость. Напротив, наши молодые люди с радостью оказывают услуги старшим, потому что им внушают с детства следующее: „Вас обслуживают, дети, ввиду вашей немощности. Как только вы подрастаете, для вас станет делом чести вернуть оказанные вам услуги. Иначе вы перестанете быть равными тем, кто вам их не-

когда оказывал. Они получают над вами права, противные нашему святому и драгоценному равенству“. Поэтому у нас дети стремятся поскорее эмансипироваться, оказывая старшим полезные услуги. Когда они отработают таким образом время, равное первым годам их слабости, т. е. десять лет, им указывают на участь стариков, всеми уважаемых, обслуживаемых, чтимых, и говорят им: „Юноши, вам надлежит теперь же заслужить, чтобы вас так же почитали и так же обслуживали в старости. Во время вашего детства вам оказали авансом первые услуги. Теперь, в зрелом возрасте, вы сами должны оплатить вперед почести, воздаваемые старости. Если вы будете дожидаться почестей, предварительно не заслужив их, то вы не в состоянии будете рассчитаться“.

У нашей молодежи развито чувство справедливости. Она ясно сознает, насколько разумны эти предписания, и тщательно согласовывает с ними свое поведение. Отсюда та гармония, которая, как видите, царит среди нас. Все, что молодо, без всякого принуждения трудится, работает, ведет деятельную и полезную жизнь, делая то, что следует, и зная, что отдых ожидает их в конце жизненного пути.

Все у нас принадлежит всем. Никто не может ничего присвоить себе в исключительное обладание.— Да и что бы он с этим делал? Никто не может быть бездеятельным, бесполезным; больше того, приговорить у нас человека к бесполезному существованию равносильно осуждению его на жестокую пытку. К тому же, если бы вы знали, как уважают и ласкают, осо-

бенно как ухаживают женщины за теми, кто в зрелом возрасте занимался тяжелыми работами!¹ Больше всего у нас воодушевляют к хорошим поступкам именно женщины, внушая надежды на наслаждение и чаруя своей красотой.

— Значит ли это, что у вас общность жен, мудрый мегапатаговец?

— Если под словом „общность“ вы подразумеваете, что трудно установить отцовство и что женщины отдаются, нарушая интересы размножения, то вы ошибаетесь. Человеческое создание, у которого нет периодов течки и спячки, должно разумно регламентировать свои желания. Но если вы подразумеваете, что женщина не исключительно принадлежит навсегда одному мужчине, тогда вы правы: у нас господствует общность жен. И тот стимул, который эта общность дает добродетели, более мощен и менее опасен, чем все те низкие страсти, которые, как я слышал от вас и читал в ваших книгах, используются у европейцев, чтобы принудить людей к работе и побудить их к занятию искусствами. Каждый год у нас выбирают жен. Это не значит,

¹ Городские люди не имеют представления об этой истине, хорошо известной сельским жителям. Воспитанный среди равных людей, которые все работали, я в детстве испытал то, что говорит здесь добрый мегапатаговец. Я стремился только к тому, чтобы иметь силы для работы, потому что труд почетен, потому что тех, кто занят тяжелым трудом, холят и ласкают. Особенно хорошо к ним относятся девушки... Не нужно ездить к южному полюсу, чтобы убедиться в этой истине: в этом можно убедиться во Франции. (*Дюлис.*)

однако, что женщины каждый год выходят замуж. Они выходят замуж только раз в два года, потому что они еще один год кормят грудью детей. К выбору готовятся путем полного воздержания в течение одного месяца, что служит столько же для восстановления сил, сколько для оживления стремления к наслаждению. Сверх того, это воздержание способствует появлению крепких детей. Когда приходит день выбора, все мужчины и женщины одного и того же местожительства, кроме беременных и кормящих грудью, выстраиваются в два равных ряда друг против друга. Если люди, находящиеся друг против друга, не подходят друг к другу, они меняются местами и так перемещаются с одного конца цепи до другого, пока все не найдут себе подходящей пары. Затем справляют общий пир, приготовления к которому длятся примерно месяц, или полный оборот луны. Редко случается, чтобы женщины, которые должны забеременеть, не забеременели в этот первый месяц наслаждения. Поэтому к моменту выбора у нас обычно очень мало беременных женщин: едва ли найдется одна на пятьсот. Обычно к этому времени все уже освобождаются от последствий родов. Супругам разрешается снова выбирать друг друга. Каждый год в конце цепи ставят юношей и девушек, впервые вступающих в брак. Но у них нет свободы выбора, как у людей уже женатых. Только заслуги позволяют брать в жены красивейших девушек. С сердечными склонностями не очень считаются, потому что эти браки слишком кратковременны, чтобы сделать несчастными брачующихся. Тем не менее,

если в тот же день и еще до фактического совершения брака юноша и девушка просят, чтобы их развели, им предоставляют это право, с тем, однако, ограничением, что им разрешается вступить в брак с другими лишь через год. Подобные разводы почти никогда не имеют места, потому что всем любопытно испытать наслаждение, а предоставляемая в дальнейшем свобода выбирать по собственному вкусу представляется достаточной компенсацией. Измены в течение годового брака у нас абсолютно неизвестны. Не было ни одного подобного примера.

Во времена наших предков выставлялось когда-то требование, чтобы была установлена абсолютная общность женщин, и чтобы у детей не было другого отца, кроме государства и другой матери, кроме родины. Но было решено, что отеческие чувства слишком сладки, чтобы возможно было от них отказаться. В конце концов, однако, поведение отцов по отношению к детям и детей по отношению к отцам у нас, по существу, таково, как, если бы они почти не знали друг друга. Все дети — дети нации; к своим родителям они относятся лишь с несколько большей нежностью, чем к другим. Молодые люди обслуживают безразлично всех, кто старше их, вплоть до достижения пятидесятилетнего возраста, когда они становятся взрослыми мужчинами, и их начинают обслуживать так же, как до этого они обслуживали других. В сто лет человек признается стариком. У нас здесь много столетидесятилетних старцев, еще живых и бодрых, и мы насчитываем сейчас

троих двухсотлетних. Жениться можно в любом возрасте. Поскольку у нас больше девушек, чем юношей, лишние девушки предназначаются тем мужчинам, жены которых кормят грудью детей. Вот почему я вам сказал, что мужчины женятся каждый год, а женщины выходят замуж только раз в два года. Это было бы невозможно, если бы у нас не было лишних девушек.

Все незамужние женщины, беременные или кормящие, живут в удобных помещениях отдельно от всех остальных граждан, пока длится период кормления детей грудью, вплоть до отнятия от груди. Тогда дети передаются в руки государственных воспитателей, избранных среди лиц обоего пола, отличающихся наибольшей мягкостью, наибольшей активностью, наибольшими заслугами, словом, наиболее подходящих к этой важной должности, самой почитаемой из всех общественных функций в нашей республике. Лишь неуклонное выполнение своего долга дает возможность получить эту должность. Воспитателей молодого поколения почитают и уважают, как самих священнослужителей, т. е. их личность абсолютно священна. У нас, правда, личность каждого почитается священной. Но воспитателей почитают особо. Им воздают те же почести, что и двухсотлетним старцам. Все обязаны им повиноваться и их обслуживать. Этот закон, однако, никому не в тягость. Священная функция, которую они выполняют, делает их дорогими для всех граждан. Каждый старается предугадать их желания и принести им пользу, потому что, обслуживая их, служат в их лице детям, этой драгоценной надежде нации.

Хотя молодые люди признаются взрослыми мужчинами лишь в пятьдесят лет, тем не менее, как только пробивающаяся борода и изменения в голосе обнаруживают их зрелость, их вписывают в реестры подлежащих женитьбе в ближайшие выборы. Девушки выдаются замуж в двадцать пять лет. И поскольку их вдвое больше, чем юношей, это служит основанием для того, чтобы отдавать излишних тем мужчинам, жены которых находятся в состоянии, не позволяющем их любить.

Мы рассматриваем женщин как второразрядный и, следовательно, подчиненный пол, но не в том смысле, как у народов соседних островов О-Таити, Маркизовых, Гебридских, Дружбы, Единения, Амстердама и т. д., где с женщинами обращаются как с низкими рабынями и заставляют детей бить матерей, а считаем их полом, занимающим второе место. Поэтому всякая женщина обязана уважать мужчину, кем бы он ни был¹. Всякий мужчина обязан покровительствовать и помогать женщине. Поэтому, наблюдая обращение наших мужчин с женщинами, нас можно принять за самую галантную нацию во вселенной.

Но наша нация не галантна, она только разумна: все служат здесь женщинам, детям и старцам.

— Но в чем состоит ваш культ?

— В одном: пользоваться своими органами

¹ Что бы сказал здесь галантный аббат***, который так жестоко критиковал превосходный проект „Гинографа“? Впрочем, у него, быть может, были к тому свои основания. (Жол.)

сообразно видам природы, ничем не злоупотребляя и ничем не пренебрегая.

— У вас, значит, нет храмов?

— Как же, есть,— ответил старец, указывая на землю:— вот наш храм. Четыре раза в году, во время солнцестояний и равноденствий, нация собирается на четыре всеобщих празднества. Наиболее пожилой из старцев выражает наше благоговение сначала матери-земле, потом отцу-солнцу, после чего, объединяя их в общей формуле, умоляет их передать об этом набожном благоговении верховному существу. Вот эти три формулы:

„1. О земля, общая мать, могучая дочь священного солнца, мы, твои дети, собрались, чтобы выразить тебе наше сыновнее благоговение. О святая и священная земля, общая наша мать, корми нас!

2. Священное солнце, отец разума, света и тепла, движения и жизни, сын бога, отец и муж нашей матери-земли! Мы, дети твоей почитаемой и священной дочери-супруги, земли, собрались, чтобы выразить тебе наше сыновнее и почтительное благоговение. О святое и священное солнце, оживляй нас!

3. Плодородная земля, оплодотворяющее солнце, дети великого бога, который дал вам существование, разум и производительную силу для передачи избытка вашей жизни людям, животным и растениям! Священные и могущественные божества, выразите вместе с вашим и наше благоговение вашему божественному отцу, с тем чтобы он благословил нас в вашем лице. Хвала матери-земле. Хвала отцу-солнцу. Безграничная

любовь к великому существу, всеобщему отцу; всемогущему и всеобъемлющему“.

Нация повторяет последние слова: „Хвала матери-земле“ и т. д. Какое умиление вызвали на последнем празднестве эти священные слова, произнесенные старцем двухсот двадцати лет, повторенные другим — двухсотдевятнадцатилетним и третьим — двухсотдесятилетним... Затем происходят пиры, игры, танцы и всякого рода развлечения. Мы придерживаемся того убеждения, что удовольствиями мы лучше всего можем почтить божество, нашего отца-солнце и нашу общую мать-землю.

Это приводит меня к необходимости рассказать о нашей повседневной жизни, в которой развлечения играют существенную роль. Но меня призывают сейчас некоторые обязанности, от которых я не могу освободиться. Мой сын, впрочем, меня легко заменит, чтобы описать вам наши обычаи.

Тогда, вместо своего отца, взял слово мудрый Эгнел.

— Когда все работают,— сказал он,— труд легок. Работа становится тогда удовольствием, потому что порученная каждому работа никогда не доводит до усталости, а лишь упражняет и делает гибкими члены и скорее содействует, чем вредит умственному развитию. У ваших же европейцев, среди которых царствует неравенство, напротив, все должны быть несчастны,— одни от переобремененности работой, другие от отсутствия занятий. Все должны быть очень ограничены: трудящиеся не могут не быть отупевшими, бездельники — оцепеневшими или возбу-

ждаемыми нелепыми страстями и думающими только о пустяках или о сумасбродстве. Если среди них кто-нибудь и имеет здравый смысл, то, очевидно, лишь лица, принадлежащие к средним классам. Да и подобные лица должны встречаться редко, отчасти потому, что и на них влияет дурной пример, отчасти же вследствие того, что они тоже, в конце концов, обременяются тяжелой работой или предаются безделью. Правильно ли я угадал?

— Совершенно верно, славный мегапатаговец,— ответил Германтин.

— Здесь же, напротив, способности каждого развиваются в правильном соответствии. Вы не встретите среди нас людей, которые бы не могли понять того, что другие легко уясняют. И хотя среди нас встречаются мощные дарования, далеко превосходящие других, но они отличаются лишь своей творческой способностью, и все их легко понимают даже тогда, когда они говорят о самых отвлеченных предметах.

Вы видели, как распределен наш день; все другие дни похожи на день вашего прибытия. Каждый день разделяется на две равные части: двенадцать часов сна или полного отдыха и двенадцать часов деятельности. В часы отдыха включается то время, которое мужчины посвящают любви, женщинам и частной жизни в кругу своей семьи. Другие двенадцать часов принадлежат обществу; они начинаются с рассветом, с шести часов утра, и кончаются в сумерки, в шесть часов вечера. Занятия распределяются между всеми гражданами в соответствии с их силами и способностями стариком-

Синдиком каждого квартала поселения. В каждом из наших поселений проживает сто семейств, в каждом квартале — двадцать пять. Во главе каждого квартала стоит самый пожилой из тамошних стариков, называемый квартальным. В случае надобности его заменяет старик, следующий за ним по возрасту. Старики, достигшие ста пятидесяти лет, больше не работают, они командуют. Юноши до двадцатилетнего возраста еще не работают, но приставленный к ним старик упражняет их в разных вещах путем игр в часы рекреаций. В часы же занятий они учатся читать, писать, изучают языки соседних народов и основы родного языка, а также мораль, историю и физику.

Получив от старика-синдика задание, каждый тщательно и без спешки выполняет свою работу, вкладывая все свое умение. Эта работа длится четыре часа. Затем собираются в общей для всего поселения столовой к обеду, который готовят те сограждане, чье занятие и состояло в этом в течение четырех рабочих часов. После обеда отдыхают, что необходимо в этом жарком климате. Сон длится полтора часа. Затем до ужина предаются всякого рода развлечениям. После ужина каждый удаляется к себе с женой и детьми.

Граждан не принуждают выбирать всегда одно и то же занятие. Напротив, те, которые хотят переменить работу, не встречают ни малейшего препятствия со стороны стариков-синдиков. Граждан даже поощряют менять занятия, так что лишь те, которые настойчиво этого требуют, делают всегда одно и то же.

На долю мужчин приходится тяжелые работы и работы вне дома, на долю женщин — все домашние работы, если только они не требуют физической силы по обработке металлов, меди, платины или камня и дерева. Все работой иглой выполняются исключительно женщинами, кроме сапожного ремесла, так как мы тщательно следим, чтобы женщины не занимались ничем, что могло бы повредить их чистоплотности и лишить их очарования. Женщины покорны и почтительны в отношении мужчин и в свою очередь пользуются почетом и уважением со стороны последних как хранительницы следующего поколения. И зачем стал бы кто-либо унижать или соблазнять женщину, которая в один прекрасный день может стать его женой?

Наши развлечения состоят в играх, требующих больше ловкости, чем силы, и упражняющих тело, не утомляя его. Призом победителя в такой стране, как наша, может быть только слава. Женщины развлекаются танцами, которые способствуют их грации, и играми, требующими ловкости и преследующими ту же цель — придать их движениям легкость и изящество. Они также изобретают различного рода украшения и сочетают свои нежные и гибкие голоса с мужественными голосами мужчин или с инструментами, на которых те играют. Кроме того, у них есть нечто вроде игры, которая им очень нравится: они соревнуются друг с другом в умении придать себе наиболее приятный вид и самую обворожительную улыбку, найти наиболее верные средства нравиться мужчи-

нам при всех возможных обстоятельствах: с детства им внушают, что они созданы для мужчин, как мужчины созданы для отечества.

Таким образом, труд является у нас почти игрой, а игры — обучением. Каждый день является праздником, но не так, как это было бы у европейцев, если бы они переняли наши обычаи: у них, без сомнения, часть рода человеческого развлекалась бы, ничего не делая, в то время, как другая работала бы, не зная развлечений¹.

— Есть ли у вас спектакли, драматические представления, славный мегасатагонец? — спросил Германтин.

— Этот род развлечений является убожеством, достойным нации детей или нации, находящейся в периоде детства, — ответил мудрый Эпнел. — Мы хотим лишь реального, и времени у нас хватает только на то, чтобы вкушать настоящие удовольствия, не помышляя об искусственных.

— Значит ли это, что у вас нет изящных искусств, вроде живописи, скульптуры, музыки, поэзии?

— Мы пренебрегаем живописью. Наши картины — это наши красивые мужчины и прекрасные женщины, которых мы повседневно видим. Если бы род человеческий был уничтожен и один единственный сохранившийся индивид был бы осужден на вечно одинокую жизнь на земле,

¹ Как в Спарте, столь некстати восхваляемой Плутархом и Ж.-Ж. Руссо. (Дюлис.)

то мы нашли бы простительным, если бы он занялся живописью и скульптурой, чтобы смягчить одиночество посредством обманчивых образов. Может быть, мы также захотели бы иметь изображения своих близких, если бы, как вы, на целые годы покидали свое отечество для путешествий. Но при наших порядках скульптура и живопись были бы только ребячеством. Мы гораздо выше ценим необходимые ремесла, чем эти бесполезные искусства. Тем не менее у нас есть несколько художников. Их мало и они занимаются увековечением прекрасных поступков наших добродетельнейших граждан. Их картины предназначаются для украшения жилищ тех старцев, которые совершили эти поступки. Что касается музыки, то, как я вам уже сказал, она у нас существует. Слушать усовершенствованные звуки человеческого голоса, воспевать великих людей, свои удовольствия и любовь — это одна из прелестей жизни. Поэзия — это сестра музыки, более одухотворенный и гармоничный способ изложения. Мы применяем ее, однако, лишь к радостным сюжетам. Она выглядит нелепо при трагических сюжетах и просто вредна в сюжетах поучительных. Словом, у нас только три рода поэтических произведений: произведения, прославляющие действия героев, благодетелей человечества, о которых можно говорить только с энтузиазмом, произведения, называемые одами, и, наконец, песни. Всякое сочинение другого рода запрещается излагать стихами.

— Есть ли у вас танцы?

— Я уже сказал вам, что у нас развито

танцевальное искусство так же, как и родственное ему искусство — музыка. В наших танцах есть даже драматический элемент, однако не столько в целях подражания действиям, сколько для придания изящества движениям. Изыщество является у нас главной частью воспитания, особенно для женщин. Именно в этом мы и позволяем себе роскошь, как это и подобает счастливой и свободной нации.

— Вы преисполняете меня восхищением, славный смертный. Каждое ваше слово является для меня лучом света. Патагонцы, с которыми мы имеем честь состоять в родстве через наших матерей, правы, восхваляя вашу мудрость; я могу вас заверить, что по возвращении в наше отечество мы установим там все ваши обычаи. У вас, значит, нет и не может быть других искусств, кроме приятных, служащих к благу людей? У вас нет ни процессов, ни судей, ни уголовных законов, ни преступлений?..

— Всеми этими преимуществами мы обязаны равенству. Отнимите этот небесный дар природы, отвергнутый северными народами, и у нас появятся через некоторое время все пороки так же, как это имело место в другом полушарии.

— Есть у вас врачи?

— Нет, эта опасная и основанная на догадках наука изгнана у нас, наряду с магией и суеверием. Врачи бывают нужны только порочным нациям, страдающим от излишеств. Однако хирург у нас в почете. Мы называем его — воссоздатель человека или прогоняющий смерть. Самое название это указывает на все значение, которое мы придаем его божественной

науке. Почетом у нас пользуется лишь то, что достоверно и полезно.

— Сообщите мне, прошу вас, сын мудрейшего и почтеннейшего из старцев, о ваших взглядах на сущность морали.

— Они очень просты. Удаляйте все неприятные ощущения; используйте все, что законно доставляет удовольствие, не слишком расслабляя и не пресыщая органы¹. Мы придерживаемся принципа, гласящего, что единственная цель общества — это создать для людей условия более приятной совместной жизни. Не думайте, будто эти принципы ведут к изнеженности. Ведь, прежде всего, самый труд, которым мы все обязаны заниматься, но не сверх меры, укрепляет нас. Игры также имеют целью сделать наши члены гибкими и предупредить апатию, характерную для дикарей. Мы даже упражняемся в военном искусстве, потому что на нас могут напасть; особенно мы заботимся о том, чтобы нашим молодым людям был незнаком страх смерти. Для этого мы убеждаем их в том, что, хотя все существа, происходящие от земли и солнца, образуют по видимости обособленных индивидов, тем не менее, они не отделены друг от друга. Все они взаимно связаны, и смерть только меняет их место, с тем чтобы они впоследствии получили иное существование. Мы, правда, не сохраняем памяти о наших прежних превращениях. Это невозможно вследствие разложения органов памяти. Но что же из того?

¹ Вот и мораль Ж.-Ж. Р. Но, как указал мой друг в примечании к своим „Современникам“, т. II. стр. 279, она возможна только у народа равных.

Достаточно ощущать свое нынешнее существование и чувствовать его целостность посредством памяти и предвидения. Этого вполне достаточно. Память о почти бесконечном множестве предшествующих наших существований только засорила бы наш мозг, перегрузила бы его и помешала бы внимательному отношению к окружающим вещам. Такая память убила бы детей, сделав их слишком рассудительными. Она увековечила бы злобные чувства и раздоры у порочных наций и т. д. Мудрая природа не хотела этого. Аналогия, однако, нам показывает, что мы подвергаемся лишь разложению на составные части. Так оно и должно быть. Растения разлагаются и воспроизводятся вновь. Каждое животное черпает жизнь из тех же источников, образуясь из того же разума и той же материи и являясь, следовательно, столь же вечным, как сама первопричина, вечным вопреки смерти планет и солнц, потому что смерть этих великих существ столь же не является уничтожением, как и наша смерть, как и смерть растений. Вот какие принципы мы внушаем нашей молодежи, которая поэтому предана общественным интересам до такой степени, что с радостью готова жертвовать жизнью, так как уверена, что тотчас возродится после разложения своего тела и, таким образом, вечно будет жить в этой прекрасной стране. Мы тщательно заботимся о быстрейшем разложении тел умерших, рассматривая самый быстрый способ как самый благочестивый. Мы сжигаем трупы. Погребение в землю задерживает их разложение. Бальзамирование является святотатством. Если бы у нас были

преступники, то бальзамирование было бы тем ужасным бесчестием, которым их заклеямили бы.

— Эта точка зрения прямо противоположна европейской,— сказал Германтин,— но она мне кажется более мудрой.

— Наша молодежь, таким образом, несколько не боится смерти и может выставить превосходных солдат, если на нас когда-либо нападут честолюбивые европейцы. Кроме того, мы воздаем нашим покойникам великие почести и долго сохраняем о них память, передавая их имена из поколения в поколение вместе с описанием их наиболее прекрасных и замечательных поступков.

Но возвратимся к вопросу о нашей морали. Она состоит только в том, чтобы стараться достигнуть счастья наиболее коротким и наиболее легким путем. И так как ничем не сдерживаемое сладострастие имело бы неблагоприятные последствия, то вы сами можете понять, что мы не идем по этой линии. Мы знаем, что воздержание, возбуждая, если так можно выразиться, голод, усиливает в дальнейшем наслаждение. Поэтому у нас предписывается и воздержание. В наших наслаждениях также имеется порядок и мера: мы никогда не доводим их до полного пресыщения. Но что особенно укрепляет у нас здравую мораль, так это то, что вопросы морали не предоставлены прихоти частных лиц, как это, судя по вашим словам, происходит в Европе. Благодаря нашему равенству и нашей общности ходячая мораль единообразна и публична. Мы коллективно практикуем добродетель и коллективно отвергаем порок. Лень, беспечность, изли-

пешства — все это немислимо у нас. Никакой человек не объедается доотвалу в присутствии своих сограждан, а наедается лишь досыта. У нас поэтому не имеется больше обжор, которых на других островах этого полушария можно легко узнать по их воспаленным ртам и цвету лица. Мужчина не станет предаваться разврату со своей собственной женой. В кругу своих братьев, выполняющих свою работу, каждый не преминет поступить так же. Никто не станет лодырничать в стране, в которой все одновременно заняты делом, и т. д.

Таким образом, сохранение добрых нравов обеспечено у нас навсегда. По нашим занятиям и нашим развлечениям вы видите, что нравы у нас очень мягкие. Повторяю, равенство подрубает корни всех пороков; нет больше ни воров, ни убийц, ни лентяев, ни развратителей. Так как у народа равных насмешки и издевательства могли бы вызвать плохие последствия, то они запрещены. Всякий меганатаговец обязан отказаться от этого жалкого средства проявления своих умственных способностей. Среди нас, наоборот, господствует тон доброты и порядочности. Истина здесь так почитается, что никто не позволит себе ни малейшей лжи, даже в шутку, с намерением сделать приятный сюрприз. Из наших уст исходит только то, что соответствует действительности. Неистинное, нелепый вымысел и аллегории недостойны старшего сына природы. Это одна из причин, почему у нас изгнаны комедии и всякие драматические представления, которые тоже достойны лишь поверхностных европейцев.

— Есть у вас профессиональные литераторы?

— У нас есть мудрые люди, философы, посвящающие часы своего досуга составлению развлекательных и поучительных рассказов о происшествиях, имевших место у нас или у соседних наций. Чтение этих произведений составляет часть общественных развлечений. Этих сочинителей у нас называют воссоздателями разума; это означает, что они пользуются большим почетом. Но они, как и все другие, посвящают четыре часа ежедневному труду, и еще не было случая, чтобы кто-нибудь из них пытался от этого уклониться. Напротив, это лучшие и усерднейшие из граждан.

Так как надлежит приводить имена полезных людей, чтобы прославлять их по заслугам, то я сообщу вам вкратце сведения о наших главных писателях. Первый и самый трудолюбивый — это великий Эрагун, автор эпической поэмы, в которой величие поэзии соединяется с красотой мысли и с возвышенностью принципов. Проявляемая им в этом шедевре эрудиция поистине колоссальна. Он одновременно является превосходным моралистом, глубокомысленным физиком, великим метафизиком, астрономом, химиком, географом, музыкантом. Видно, что он прекрасно знаком со всеми искусствами и ремеслами. Он владеет также невероятным количеством древних и новых языков. Обычаи всех народов вселенной он знает так, как будто бы жил среди каждого из них. Объясняется это тем, что он очень внимательно расспрашивал людей, потерпевших кораблекру-

шение у наших берегов. В общем, его поэма — океан учености и просвещенности. От нее нельзя оторваться, не дочитав до конца. Сюжет этой чудесной поэмы — Патагониада, или установление наших нынешних порядков. Божественный автор сумел правильно угадать мотивы их установления, а также встречавшиеся препятствия и способы их преодоления и прекрасно изложил все это. Особенно он заставляет восхищаться великим Хирнегом, нашим первым законодателем и его соратниками, Нойташом, бессмертным Иллюсом, мудрым Йенромом, храбрым Норрибом, разными Иснаромномами, Эдноками и многими другими знаменитыми гражданами, посвятившими себя тогда служению общественному благу.

Другой знаменитый писатель — скромный наивный Аузорюд, автор величественных од и песен, волнующих сердце своей наивностью и трогательной простотой.

Элегантный и тонкий Одраф придал нашему языку такую мягкость и гармоничность, которая раньше была неведома в области легкой поэзии. В этом ему блестяще содействует в стихах и особенно в прозе лучший стилист среди наших писателей, неподражаемый Йердукюд.

Я не стану говорить вам об Амоте, Летно-мраме, Прагале, Рембала, Ордиде, Нойиберке, ни о двух малоизвестных писателях, которых мы только что потеряли — Ретьлове и Оссуре. Все эти авторы, хотя и не без заслуг, однако далеко уступают первым из мною перечисленных.

У нас есть также превосходные критики, произведения коих блещут вкусом и беспристра-

стием; ими наслаждается наша одаренная нация, которой нравятся справедливые оценки важнейшего таланта, приближающего человека к его божественному родителю — солнцу и даже к отцу солнца. Из наших критиков назову Норерфа, Езорга, преподавшего нам мудрые советы о воспитании женщин, которым мы и следуем, а также Уйаура. К ним я присоединяю двух других, менее знаменитых, потому что у них меньше вкуса и беспристрастия,— Оретоса и Йенетнофа. Но я должен специально остановиться на том достойном человеке, который дал оценку нашим писателям за три века с такой мудростью, справедливостью и беспристрастием, что привел в восхищение все честные сердца. Этот человек — почтенный старец, Нестор литературы, образец, достойный подражания. Все его многочисленные произведения любого жанра являются шедеврами. Даже среди нас он славится своей правдивостью, чистотой своих нравов и воззрений. Он никогда не скрывал своих чувств, и, полный почтения к солнцу и отцу солнца, говорил о них всегда в соответствии с доктриной мудрых старцев. Этот божественный человек, имени которого я не могу произносить без умиления, называется Етабас. Его книга стала у нас настольной. В ней прославляются великие познания наших мудрецов. О великих людях говорится там с почтением и восхищением, которого они достойны. Упоминается там также о некоторых мелких писателях, но лишь кратко и только для того, чтобы обеспечить им бессмертие и этим вознаградить их не столько за их заслуги, сколько за их трудолюбие. Автор

не позабыл никого, достойного упоминания. Он не поместил в своей книге лиц, не являющихся литераторами, только потому что они его знакомые. Так как среди нас нет знатных, то он не запятнал своей книги низким угодничеством. И так как у нас нет сект, то он не ставил себе целью очернить таланты своих врагов. В общем он сумел создать книгу, кажущуюся на первый взгляд очень жалкой, но на самом деле являющуюся священным храмом, в котором нация в последующие века будет внимать прославленную истинных заслуг.

— Счастливые мегапатагонцы! — вскричал Германтин. — Ах, как счастлив был бы мой почтенный дед повидаться и побеседовать с вами! Он особенно был бы восхищен тем, что вы являетесь антиподами его страны в моральном отношении еще больше, чем по своему положению на земном шаре!.. Но мы вскоре его порадуем, рассказав все то, что узнали от вас. Не то, чтобы нашему почтенному деду не были известны столь же прекрасные принципы, как ваши, мудрейшие мегапатагонцы. Он принес в ваше полушарие, которое теперь стало и нашим, религию, которая проповедует равенство и братство, превращает их в закон и объявляет, что без человеколюбия, т. е. без той добродетели, благодаря которой мы любим наших братьев, и они становятся нам дороги, мы были бы низкими и несчастными существами. Все предписания этой религии имеют целью бескорыстие, чистоту нравов и благодетельную скромность. Она предаёт проклятию всех крупных собственников. Она запрещает называть кого

бы то ни было своим господином, исходя из того принципа, что все мы одинаково являемся детьми бога. Она предписывает разделять со своими братьями хлеб и одежду, невзирая на лица, национальность, религию, убеждения...

— Значит, европейские народы не исповедуют этой религии?

— Простите, славный сын мудрейшего из старцев...

— Но кто же в таком случае те, про которых мы читали в тех исторических книгах на вашем перевернутом языке, которые вы нам дали?

— Это те же самые народы.

— Ну, тут одно из двух, славные крестинцы: или вы издеваетесь надо мной, или эти народы издеваются над своим законодателем и великим богом, которому, как вы говорите, они поклоняются!

— Они не издеваются над ним, мудрый Эгнел, но, увлекаемые своими страстями, они почти ни в чем не следуют своей религии. Даже их священнослужители не соблюдают ее предписаний и первые нарушают ее основные положения, хотя больше кого бы то ни было заботятся о соблюдении тех прерогатив, которые она им дает в глазах народа.

— Я не понимаю вас, благородные крестинцы: исповедуют они эту религию или не исповедуют?

— Исповедуют.

— И не следуют ей?

— Именно так.

— Вы внушаете мне невообразимое презрение к европейцам. Исповедывать такую прекрас-

ную религию, продиктованную самим великим богом (как я это вижу по ее предписаниям), исповедывать ее и не осуществлять!.. Ваши европейцы — чудовища! А как обстоит у вас дело на острове Кристины?

— Мы осуществили все предписания равенства, братского милосердия, общности и доброжелательства. Точно следуя этим предписаниям, мы живем счастливо.

— Ваше поведение еще лучше доказывает безумие ваших европейцев. Это ужасный народ! У него хорошие законы, а он им не следует! Он испорчен до мозга костей!

(Вот что думает о нас честный человек, который никогда не подавлял в себе голоса природы и разума!)

В следующие дни кристинские принцы убедились собственными глазами в истинности всего того, что рассказали им старец Нюффюб и его сын Эгнел. Вместе с добрым и добросовестным Эгнелом они посетили весь этот округ Мегапатагонии. Когда их достаточно хорошо узнали (что было делом нескольких дней), им позволили беспрепятственно возвращаться в круг жителей этой счастливой страны. Мудрые речи мегапатагонцев излечили кристинских принцев крови от их мании открытий. Они решили не искать больше новых земель и островов, а закончив ознакомление со страной мегапатагонцев, вернуться кратчайшим путем домой.

Во время их пребывания в Мегапатагонии им удалось присутствовать на любопытном зрелище свадебного празднества, описание которого должно несомненно заинтересовать вас.

Об этом великом празднестве объявляли тридцать дней, в течение которых все мужья и жены были разлучены между собой. Таким образом оба пола оказались разделенными как бы на две нации; они не поддерживали больше друг с другом никаких сношений и, хотя виделись друг с другом, но даже не разговаривали. В течение этих тридцати дней все женщины снова превратились в пикантных и кокетливых невест. Невозможно вообразить более очаровательного зрелища, чем представляли эти группы изящных женщин. Со своей стороны, мужчины не меньше старались нравиться. Они разделялись на легионы и проделывали различные упражнения перед женщинами, от которых их отделял барьер. Пока они отдыхали, женщины в свою очередь начинали танцевать. (Что такое танцы в нашей Опере по сравнению с этими танцами, обусловленными желанием понравиться мужчине, избраннику сердца, с этими танцами, на которые смотрят возлюбленные, уже пылающие новым жаром!) Итак, женщины исполняли сладострастные танцы. В течение этого времени, посвященного любви, были прекращены все работы. Но общество от этого нисколько не страдало, поскольку этот перерыв был предусмотрен заранее и все необходимое заготовлено в изобилии.

Невозможно описать радостное опьянение, в котором находилась тогда вся Мегалотагония. Европейские карнавалы, даже карнавалы Венеции, могут дать об этом лишь жалкое представление. Германтин трепетал от восторга. Вся нация как бы обновилась. Все чувствовали себя

молодыми. Разодетые, любезные, веселые и здоровые, все равно жаждали наслаждений, которые сулил новый выбор. Можно было, тем не менее, видеть некоторых, настроенных более спокойно, чем другие, но их довольный вид оповещал об их намерениях: это были те, кто должен был возобновить старый брак. У женщин этой категории не было цветов на груди, однако были цветы в волосах, как и у всех других. Они не принимали участия в общих танцах, а собирались у барьеров и болтали со своими мужьями (это была их исключительная привилегия), пока прочие граждане развлекались.

Германтину показали несколько таких никогда не расстававшихся пар, уже пожилых и окруженных милыми детьми. Хотя тех, кто вел себя подобным образом, все одобряли, их ничем не отличали от других.

— Ведь эти постоянные пары сами обязаны своим счастьем свободе перемены,—объясняли старики молодым людям с острова Кристины.

Но восхитительнее всего было зрелище молодежи обоего пола, предназначенной впервые вступить в брак. Они образовывали различные группы друг против друга и старались превзойти друг друга,—юноши в ловкости, а девушки в изяществе своих танцев.

Германтина и его компаньонов чрезвычайно удивила одна вещь: на двадцать девятый день, накануне выборов, юноши и девушки, предназначенные к первому браку, появились друг перед другом голыми и в таком виде стали проделывать те же упражнения и танцы, что и накануне. Никогда нельзя было видеть столь

прекрасно сложенных тел: едва можно было найти двух девушек или юношей, у которых были хотя бы небольшие дефекты. На этом кончились приготовления.

На следующий день, в день выборов, вся нация, со вкусом разряженная, расположилась в несколько рядов у барьеров. Первый ряд состоял из стариков, перед которыми продефилировали все женщины. Они первые выбрали себе супруг. При этом существовало, однако, следующее полезное ограничение: ни одна молодая девушка не могла выбираться стариками два года под ряд, на следующий год она проходила только перед молодыми людьми, и поэтому все женщины, покинутые стариками; образовывали последнюю линию, оставшуюся неподвижной, пока пожилые люди не кончили своего выбора. Вы припомните, конечно, что в Меганатагонии стариками становятся только в сто пятьдесят лет. После стариков шли зрелые мужи, от ста до ста сорока девяти лет, затем мужчины, только вступившие в силу, от пятидесяти до девяноста девяти лет, после них неженатые молодые люди, выбиравшие впервые, на долю которых приходились самые хорошенькие девушки. Менее же хорошенькие помещались среди женщин, уже бывших замужем, которых могли выбирать мужчины от пятидесяти до девяноста девяти лет.

Как только выборы были закончены, а супруги, не желавшие расставаться, вновь соединились, раздались сладостные звуки серебряных голосов и инструментов. Это играли и пели те юноши и девушки, которые должны были пожениться в течение двух следующих лет.

Юноши играли на инструментах, а девушки пели; время от времени оба пола соединяли свои голоса. В течение этого концерта, сладострастная и нежная музыка которого звучала только в подобные дни, вновь 'объединившиеся пары сидели обнявшись, обмениваясь своими первыми страстными чувствами и нежно беседуя. Празднество было завершено роскошным пиром. На следующий день были поданы на стол лишь питательные блюда. Наконец, на тридцать второй день возобновились обычные работы, после того как все помолились общей матери-земле, солнцу — одухотворителю и великому божественному первоначалу.

Германтин и его спутники были свидетелями этого обновления. Новобрачные всех возрастов казались крайне радостными и довольными и было видно, что они обожали друг друга. И если некоторые пары были плохо подобраны, то это мало их беспокоило, и они жили, по меньшей мере, спокойно. В обществе мегапатагонцев, ведь, слишком много развлечений, чтобы жизнь не любящих друг друга супругов превращалась в пытку.

Ознакомившись со всем, кристинские принцы крови решили возвратиться домой. Старец Ноффюб и его сын Эгнел сообщили об этом своей нации, которая собралась, чтобы проститься с этими необычайными гостями. Их одарили роскошными подарками, которые они перенесли на корабль, и осыпали благословениями и добрыми пожеланиями, а когда они уже готовы были отбыть, старец Ноффюб обратился к ним со следующей речью, на своем перевернутом языке:

— Дорогие дети, я знаю, как вы вели себя по отношению к разным видам людей, которых вы открыли. Ваше поведение достойно похвалы. Но верьте мне, не следует слишком вмешиваться в дела этих народов: незаметно вы станете рассматривать себя их господами и собственниками, а это будет большим злом! Поддерживайте у себя равенство. Я не предлагаю вам ввести у себя все наши обычаи. Но сохраните ваши, которые кажутся мне достаточно хорошими. Мы счастливы, как вы видите; дело вашего разума — сделать отсюда заключения. Напишите золотыми буквами на всех известных вам языках на главных воротах вашего города: *Без совершенного равенства нет добродетели, нет счастья. Прощайте!*

Расставшись с мегапатагонцами, шестеро принцев крови возвратились на корабле кратчайшей дорогой на остров Кристины. По пути они заметили издали судно капитана Кука между 29-м и 30-м градусами южной широты. Английский путешественник возвращался с Гибридных островов и из Новой Каледонии¹.

Они свернули в другую сторону, уверенные, что остались незамеченными, так как судно самого английского капитана не было видно с их корабля, — его заметили только летающие принцы. Они дали своим морякам соответствующие инструкции для дальнейшего пути, а сами полетели за английским капитаном и увидели, что он плывет в направлении к Новой Зеландии. Они последовали за ним, когда он обогнул эту

¹ Это было в 1774 г.

землю, дабы убедиться, что он не заметил ни одного из их островов; иначе им пришлось бы вмешаться. Затем они возвратились домой и дали отчет о замечательных вещах, которые им пришлось видеть и о которых им пришлось слышать.

Они рассказали доброму старцу Викторину и королеве Кристине о мудрости и образе жизни мегапатагонцев, стараясь не упустить ничего существенного. Добрые король и королева были в восхищении. Но Викторин заметил, что подобные обычаи невозможно установить среди европейцев, потому что их идеи еще слишком им противоположны. Поэтому он повелел своим внукам усовершенствовать постепенно старые законы, не делать ничего поспешно, полагаясь на время и поддерживая взаимную дружбу с этим мудрым и могущественным народом. Принцы с такой почитительностью отнеслись к распоряжениям деда, что это уже само по себе послужило как бы началом введению мегапатагонских обычаев.

Они рассказали также о европейском корабле, который заметили в южных морях. Старик встревожился и, как только его внуки отдохнули, приказал им вновь отправиться на поиски этого судна, выяснить его назначение и защитить острова, находящиеся под охраной Кристинской империи, если европейский мореплаватель захочет к ним причалить. Германтин, сообразно с приказаниями деда, решил напугать капитана ночью и заставить его покинуть южное полушарие, дав ему ясно понять, что его корабль сожгут, если он не повернет назад.

Принцы отбыли, снабженные фитилями, гранатами и ракетами, чтобы достигнуть разведческий корабль в полярной области. Они достигли его по ту сторону полярного круга на 71-м градусе широты. Обсудив, что следует предпринять, они единодушно решили предоставить английскому капитану возможность производить свои поиски среди льдов, где он ничего не мог найти, но постоянно следовать за ним, отдыхая на ледяных островах, закутавшись с головы до ног в шкуры морских кунд. Решено было ни вредить, ни помогать капитану, пока он не приблизится к какому-нибудь из островов, находящихся под их охраной. Они условились также, в случае кораблекрушения, спасти экипаж и перенести его на остров Кристины. Ничего этого не произошло: капитан повернул назад (следуя по маршруту — остров Пасхи, Маркизовы острова и т. д.), ничего не увидев.

Теперь мне осталось рассказать вам только о тех новых законах, которые Германтин установил во всем крестинском государстве. После этого я расскажу вам, как и по какому случаю я прибыл в Европу через мыс Доброй Надежды, куда меня перенесли сами принцы, и откуда я сел пассажиром специально на корабль капитана Кука, чтобы вернее разузнать о его будущих намерениях.

Принц Германтин, который пользовался полным доверием своего деда Викторина и дяди наследного принца и был особенно любим своим отцом Александром, не переставал после своего путешествия размышлять о прекрасных законах и мудрых обычаях мегапатагонцев. Он горел

желанием установить их в нашем отечестве. Он отправился к папагонцам острова Викторик и посоветовался с ними. Они придерживались того же мнения, что и Викторин, и посоветовали молодому человеку не делать слишком поспешно даже добро. В соответствии с этим Германтин удовольствовался тем, что представил государственному совету следующий проект закона, чтобы предложить его затем народу и позаботиться о том, чтобы все его одобрили — пока не окажется возможным обнаружить более совершенный закон; при этом он не забыл предупредить, что этот закон только предварительный. Вот его текст:

Рескрипт короля и королевы общине франко-крестинцев

„Викторин и Кристина, милостью божией правитель и королева островов Кристины, всем братьям нашим, живущим под одной властью,—привет, радость, покой и свобода! Наш дражайший и любимейший сын, наследный принц империи, Александр, достойная опора нашей державы, а также дражайшие наши внуки, их дети, и в частности принц Германтин, светоч нашего царства и гордость наших владений, стремясь увеличить национальное благосостояние, предприняли, как всем известно, ряд путешествий. Точно так же, как они нашли на различных островах людей, менее совершенных, чем мы, встретили они и существа, превосходящие нас по доброте, мудрости законов и бла-

гости обычаев. Живут эти народы на большой группе островов, которую мы называем на нашем языке островом Викторик и которую правильнее было бы называть Патагонией. Там наши внуки имели счастье беседовать с народом, именуемым мегапатагонцами, этот народ отделен от нас полукругностью земного шара и является по своему местонахождению почти антиподом Франции, нашего бывшего отечества. У народа мегапатагонцев они нашли кладези премудрости, просвещения и секрет общественного благосостояния, заключающийся в том, что только равенство между людьми является источником счастья и, следовательно, всякой добродетели. Вследствие этого мы решили обнародовать новый свод законов, не вполне, однако, соответствующий обычаям славных и мудрых мегапатагонцев, а лишь совершенствующий и улучшающий наши. Исходя из этого, движимые желанием счастья и благосостояния сограждан наших, мы в силу нашей королевской власти, коей пользуемся ввиду услуг, оказанных основанному нами здесь государству которое надеемся превратить в будущем в еще более процветающее путем поддержания священной свободы — желаем, решаем и постановляем нижеследующее:

Статья первая

Начиная со дня опубликования настоящего рескрипта, все имущество наших братьев и сограждан будет превращено в общую собствен-

ность. Все работы будут распределены поровну. Однако в течение нынешнего поколения каждый будет продолжать свои обычные занятия, причем все они должны быть равно почетными, каков бы ни был их характер. Желаем, чтобы они братски выполнялись всеми нашими согражданами, как детьми одного отца.

Статья вторая

Повелеваем, чтобы супруги всех граждан считались абсолютно равными между собой, не смотря на профессиональные различия, которые будут еще существовать между мужчинами.

Статья третья

Имеющие родиться в дальнейшем дети, а также те, которые, будучи в настоящее время слишком молоды, не получили еще воспитания и образования, должны обучаться тем искусствам и профессиям, которые больше всего соответствуют их способностям, безотносительно к их происхождению и профессии их родителей.

Статья четвертая

Для того чтобы с большей легкостью осуществить общность имуществ и равенство состояний, повелеваем, чтобы все приобретаемое частными лицами, покупалось за счет общины,

устанавливаемой настоящим рескриптом, и оплачивалось в соответствии с реальными нуждами рабочего и мастера, а не по стоимости изделия, т. е. если у какого-нибудь работника шестеро детей, то он должен получать за свои изделия вдвое больше, чем имеющий троих; этот последний — на треть больше по сравнению с тем, у кого двое детей, и так далее, пропорционально числу детей и бремени, с тем, чтобы гражданин, обремененный детьми, не оказался в более стесненном положении, чем бессемейный, и чтобы все было, таким образом, приведено во взаимное соответствие, пока мы не будем в состоянии полностью воспринять меганатагонский закон во всех его частях, установив общие трапезы.

Статья пятая

Праздность и бесполезность должны рассматриваться как позорные пороки, способные привести к высылке неисправимых с главного острова.

Статья шестая

Труд не должен быть ни непрерывным, ни слишком тяжелым. На труд отводится ежедневно шесть часов, которые должны быть, однако, хорошо использованы. Затем отдыхают и развлекаются все вместе, как равные братья-республиканцы.

Статья седьмая

С настоящего момента полностью упраздняются все долги, денежные обязательства и, прежде всего, частные владения. Но каждый сохранит свой дом, чтобы вместе со своей женой и детьми жить самостоятельно своим трудом, как это указано в статье четвертой.

Статья восьмая

Никто не должен питаться более утонченно и одеваться более роскошно, чем другие. После того как будет выработана самая красивая и удобная мода, все обязаны будут ей следовать. Но профессиональная или рабочая одежда по-прежнему будет различна, сообразно занятиям, до тех пор, пока не исчезнут полностью все различия, как у мегепатагонцев. В часы отдыха, однако, все мужчины должны быть одеты одинаково. Лица, занятые черными работами, должны следить за тем, чтобы хорошо почиститься раньше, чем придти в общество своих братьев.

Статья девятая

Что касается женщин, то они должны во всякое время одеваться совершенно одинаково, имея, однако, возможность сообразоваться со своим вкусом, на что им всегда легко будет получить соответствующее разрешение.

Статья десятая

То же относится и к молодежи, еще не имеющей никакой профессии: мальчики и девочки должны быть одеты в одинаковое платье из одной и той же материи.

Статья одиннадцатая

Судья должен являться лишь глашатаем закона, как в гражданских делах, так и в уголовных. Гражданские дела, однако, почти совсем исчезнут в результате настоящего рескрипта, дела же уголовные будут сведены к ничтожному числу, поскольку жадность является источником всех людских преступлений.

Статья двенадцатая

Убийца должен быть препровожден на бесплодную скалу и покинут там с дневным запасом продовольствия.— Убивший в порыве гнева должен быть наказан бичеванием и изгнанием на наименее удобные острова; рецидив должен караться, как убийство.— Поджигатель наказывается бичеванием и ссылкой на какой-нибудь небольшой, пустынный остров из числа существующих в этих морях, но с предоставлением ему средств существования.— Изнасилование карается бичеванием и подчинением всему, что только потребует потерпевшая девушка или женщина; если же она ничего не потребует, пре-

ступник наказывается, как поджигатель.— Грубое надругательство над полом (если кто-нибудь окажется на то способным), сопровождаемое профанацией акта размножения, карается, как изнасилование.— За грубые оскорбления виновные принуждаются к раскаянию на публичном собрании в присутствии оскорбленного, если только тот в свою очередь не ответил оскорблениями. В последнем случае оба должны принести покаяние перед нацией и быть лишены на год права решающего голоса, как и всех прочих прав гражданства.— Заговор против государства, если он имеет особо важное значение, т. е. выражается в измене посредством введения или попытки введения врага на территорию государства, карается смертью. Если измена замышлялась не в пользу врагов, а по личному честолюбию, виновный, снабженный орудиями рыбной ловли, препровождается на один из маленьких пустынных островов, как лицо, недостойное жить в обществе.

Статья тринадцатая

Во всех случаях изгнания изгнаннику будет предоставляться жена из самых презренных и безобразных, с предупреждением, что плохое обращение с ней повлечет смертную казнь, каковое наказание будет применяться по требованию жен. Грубый оскорбитель будет получать менее уродливую жену; поджигатель более безобразную; убийца — еще худшую; изменник — самую чудовищную, и его будут еще ме-

нее шадить в случае плохого с ней обращения. Детей у подобных порочных людей должно отбирать по отнятии от груди, и передавать общественным воспитателям, которые обязаны скрывать от всех тайну их рождения.

Статья четырнадцатая

Всякий гражданин будет пользоваться почетом в соответствии с теми добрыми делами, которые он совершит как на благо общества, так и частных лиц.—Человек, который спасет кому-нибудь жизнь, получит гражданский венок из дубовых листьев и продвинется на десять лет к привилегиям старости, в силу чего в сорок лет будет иметь права и прерогативы пятидесятилетнего.—Тот, кто мирно уладит ссору и предупредит ее последствия, получит общественную благодарность и продвинется на два года к привилегиям старости.—Всякий, кто потушит пожар или окажет при пожаре существенную помощь, получит продвижение в пять лет и ежегодно обновляемый венок из листьев ползучего растения.—Всякий, кто спасет от насилия целомудрие девушки или женщины, также продвинется на пять лет и будет получать ежегодно обновляемый венок из лавров и роз в публичном собрании из рук красивейшей двенадцатилетней девочки.—Тот, кто откроет заговор и спасет от него государство, получит ежегодно обновляемый лавровый венок, который будет возлагать на его голову древнейший из старцев, в то время как вся молодежь обоего пола будет

дефилировать мимо него со словами: „Слава хорошему гражданину!“ Он, кроме того, получит продвижение в двадцать лет, т. е., если ему тридцать лет, то он будет пользоваться такой же властью и теми же прерогативами, как если бы ему было пятьдесят, и т. д.—Сделавший изобретение или предложивший что-либо полезное для улучшения жизненных условий или в области морали и обычаев,—если полезность предложения доказана на деле,—получит: в первом случае—от пяти до десяти лет, в соответствии с важностью изобретения, и сосновый венок, возлагаемый древнейшим из старцев; во втором случае—венки из лавров и сосны и от десяти до двадцати лет, смотря по важности открытия и его пользе для отечества.

Статья пятнадцатая

Настоящим рескриптом мы устанавливаем новую табель о рангах, взамен упраздняемой, и предписываем, чтобы высокие звания и отличия предоставлялись возрасту, добродетели и геройским поступкам, чтобы (как это видно из предшествующей статьи) добрые и прекрасные поступки вознаграждались прибавкой лет и чтобы, таким образом, возрастные исключения еще более укрепляли настоящий закон, основанный на предписаниях природы. Так, все должны прислуживать неразумному ребенку и старику. Подросший ребенок, наоборот, сам должен прислуживать всем. Но по достижении шестнадцати лет он становится выше всех детей в возрасте

от семи до шестнадцати лет включительно, которые обязаны относиться к нему с почетом и уважением. В двадцать лет ниже его будут два возраста, обязанные ему уважением и послушанием, в двадцать пять лет — три, в тридцать лет — четыре, в тридцать пять лет — пять, наконец, в сорок лет он становится взрослым человеком и получает доступ к высоким званиям. Между человеком в сорок лет и всеми низшими по возрасту будет та разница, что он будет иметь право принимать участие в управлении, тогда как другие будут находиться еще под опекой государства, являясь пока только его надеждой. Лица в возрасте от сорока до семидесяти лет приобретают все большее право на высокие звания. В семьдесят лет старики становятся священнослужителями, которым поручается выражать благоговение нации верховному существу, источнику всего существующего. Древнейший из старцев, кем бы он ни был, становится верховным священнослужителем; все будут завидовать глубокой старости, которая станет украшением семейств. Другие старцы будут последовательно повышаться в звании. Но даже самое низшее священнослужительское звание будет ставить стариков выше гражданских должностных лиц, которые должны будут их уважать, почитать и выслушивать их мнения с непокрытой головой и опущенными глазами. Так, согласно нашей воле, должны старцы разделять те почести, которые воздаются самому божеству, слугами коего они являются. Обслуживать каждого священнослужителя будет его семья. Каждое утро глава республики, рань-

пé чéм приступить к исполнению своих обязанностей, должен посылать к верховному священнослужителю двух своих сыновей или, если таковых не имеется, двух своих близких со следующим посланием:

„Мудрый и почтенный старец, видевший, как мы все родились! Глава республики и через его посредство вся республика свидетельствует вам свое глубокое уважение. Выразите наше благоговение всемогущему началу, как отец передает своему отцу почтительные чувства своих детей“.

Старец — верховный священнослужитель будет отвечать на это, как найдет нужным: мы не полагаем возможным предписывать что бы то ни было тому, кого ставим настоящим законом выше всех других живущих. Священнослужители, однако, не должны больше вмешиваться ни в какие мирские дела иначе, как в форме советов. В последнем случае их должны выслушивать почтительно и молчаливо и ни под каким предлогом не выказывать одобрения или неодобрения. И даже в том случае, если станут следовать их советам, глава республики и его помощники ни в коем случае не должны упоминать об этом в своих рескриптах.

Статья шестнадцатая

Да не будет больше индивидуального суверена: настоящим рескриптом мы отказываемся от нашей суверенной власти и возвращаем ее обществу, желая, чтобы впредь управлялось оно

выборными должностными лицами, с тем, однако, условием, чтобы путем специального основного закона, одобренного всей нацией, за принципами нашей крови было сохранено исключительное наследственное право иметь крылья и пользоваться ими без всяких ограничений. Но мы одновременно приказываем им пользоваться этим правом лишь на пользу государству. Повелеваем, чтобы тот из них, кто использует это право для совершения государственной измены, был наказан смертью, с тем, однако, чтобы его преступление не отразилось на других наших потомках (ни даже его собственных), которые из всех нынешних своих прерогатив сохраняют одну только эту; мы просим всех своих сограждан единодушно ее им предоставить.

Статья семнадцатая

Не должно больше быть никаких наследственных знаков отличия: каждый должен сам создавать себе доброе имя и быть кузнецом собственной славы. Точно так же и бесчестие родителей не должно распространяться на детей. И то и другое одинаково несправедливо.

Статья восемнадцатая

Женщины, как и мужчины, должны пользоваться почетом соответственно возрасту, но, прежде всего, не своему возрасту, а возрасту своих мужей. Когда мужьям исполняется со-

рок лет, жены получают звание матрон. Когда им исполняется шестьдесят, их жены становятся священнослужительницами, т. е. выполняют вместе с священнослужителями и по их приказаниям разные священнические функции, из коих основной является приведение в порядок храма. Священнослужительницы должны жить вместе со своими мужьями; вдовы же проживают все вместе возле храма. Они должны пользоваться таким же почетом, как сами священнослужители, и старейшая из них должна ежедневно получать от жены главы республики послание с выражением уважения и почтения.

Составлен и издан настоящий рескрипт в нашем доме, бывшем дворце, 15 апреля 1776 года христианской эры, с ведома и согласия всей без исключения нашей королевской семьи, и подлежит опубликованию и исполнению на всем протяжении державы нашей. *Подписано:* Викторин, основатель и законодатель, Кристина, королева; *и ниже:* наследный принц, принц Александр, принцы Дагобер, Тьерри, Германтин, Кловис и др.

После того, как закон этот был обнародован, на острове Кристины, со всех сторон стали являться депутаты, и умолять Викторина и королеву сохранить за собой королевскую власть.

— Оставайтесь навсегда нашими отцом и матерью,— говорили они,— и пусть наши благодетели, ваши достойные дети, всегда царствуют над нами. Что касается других мудрых статей вашего рескрипта, то мы клянемся их соблюдать.

Но Викторин твердо придерживался плана, предложенного ему его внуком Германтином. Этот молодой человек, столь мудрый, несмотря на свой юный возраст, пользовался таким доверием своего деда, наследного принца-дяди и отца Александра, что был снабжен всеми необходимыми полномочиями по проведению правительственных реформ. Викторин и королева остались первыми людьми государства, получив по праву звания верховного священнослужителя и верховной священнослужительницы, будучи самыми пожилыми из всех своих сограждан. Нельзя выразить, какое умиление испытываешь во время богослужения этого героя-основателя! Когда единственный священник, долгое время отправлявший все церковные службы, умер в глубокой старости, принцы, для сохранения единства религии и священнослужения, немедленно отбыли на корабле в Европу и похитили там епископа (которого несколько лет тому назад сочли умершим, потому что он действительно был болен, а принцы положили на его место какой-то труп), который и рукоположил наших теперешних духовных лиц, коими, согласно закону, являются старцы.

Как раз во время этого путешествия принцы, пролетая на обратном пути над Индийским полуостровом, стали свидетелями аутодафе, которое верующие португальцы собирались совершить в Гоа. Сжигать собирались целую семью несчастных мавров — отца, мать, двух мальчиков и трех девочек, которые из страха отреклись от магометанства, но потом, по убеждению, снова вернулись к этой религии; две

еврейские семьи, крестившиеся по расчету, а для удовлетворения своей совести продолжавшие исповедывать юдаизм втайне; наконец, нескольких протестантов, которые были еще менее виновны, но еще более ненавистны ревностным католикам. Святотатственная церемония приближалась к концу. К воздвигнутым кострам уже привязывали несчастных, в одеяниях смертников с изображениями языков пламени, дьяволов и другими устрашающими жупелами суеверия. Германтин этого, может быть, не заметил бы, если бы не крики мавританских и еврейских девушек. Он снизился немного, оставаясь, однако, на такой высоте, чтобы не быть замеченным. Тут он увидел, что всех этих несчастных готовились сжечь. Он принял их за преступников и все-таки решил освободить, намереваясь перенести их на какой-нибудь пустынный остров. Но вскоре он понял смысл казни и пришел в ужас от этого отвратительного акта. Он опустился со своими спутниками у двора инквизитора, затем один приблизился к костру. Во время своих долгих путешествий в цивилизованные страны христианские принцы надевали платиновые панцыри, предохранявшие от пуль. Португальцы приняли Германтина за ангела, упали на колени и стали креститься. Принц знал главные европейские языки. Он без какого бы то ни было сопротивления освободил несчастных, велел им следовать за указанным им проводником и направил их в порт, откуда другие принцы должны были препроводить их на корабль. Все это было выполнено очень быстро.

Когда жертвы находились уже в безопасности, Германтин поднялся на один из костров и произнес на португальском языке речь, исполненную горячих упреков:

— Несчастные, исповедующие кроткую религию, какое неистовство побудило вас приносить божеству столь ужасные жертвы! Какое чудовище внушило вам мысль чтить общего отца живых существ человеческими жертвами? Только безбожные и погруженные в тупое невежество люди могут судить о верховном существе по своим кровавым сердцам и совершать такое ужасное святотатство. Ах, братья мои, поскольку вы люди, вернитесь к разумным чувствам! Выбросьте из своей среды этих гнусных инквизиторов, уничтожающих дух религии, претендуя на сохранение ее шелухи! Пусть каждый из вас будет волен верить согласно голосу своей совести. Препятствовать людям говорить и действовать согласно тому, как они хотят, значит унижать людей, ставить их ниже скотов. Хуже того, это значит оскорблять вечный разум, искрой которого наделило нас всех божество для того, чтобы мы руководствовались ей. Это значит обвинять его в несправедливости или подозревать в безумии, т. е. совершать ужасное святотатство! Нет, португальцы, только всеобщая терпимость может сохранить мир. Тот, кто под предлогом религиозной ревности свирепствует во имя своей религии, показывает, что он не понимает ни могущества бога, потому что претендует защищать его, ни его благодати, потому что хочет служить ему злом. Глупый и злой человек, бог могущественнее тебя и не

имеет нужды в твоей защите! Это равносильно тому, как если бы незаметный для глаза клещ захотел помогать слону! Португальцы, люди всех религий — братья. Основатель христианства прямо заявил евреям, что благодетельный самаритянин им более близок, чем тот из их собратьев, который черств и безжалостен. Рассматривайте же еврея, турка, мавра, протестанта как своих ближних, так как таковыми они являются, как это сказал Иисус. И пусть с первым же, кто осмелится проявить нетерпимость, будет поступлено, как с подстрекателем-бунтовщиком. Религиозная ревность является самым отвратительным преступлением, самым непростительным с точки зрения разума и здравого смысла. Это яд, делающий людей опаснее аспидов и гадюк. Португальцы из Гоа, вслушайтесь как следует в эти слова: я, летающий человек, только что спасший от смерти ваши жертвы, сумею отомстить за человеческое достоинство, если вы снова его оскорбите! Прощайте!

И он поднялся на воздух, оставив все население Гоа в таком изумлении, что на следующий день большинство жителей стало утверждать, что это была иллюзия, что на самом деле не было никакого летающего человека, а просто был заговор с целью освобождения осужденных. Вследствие этого вице-король, разделявший это мнение, ничего не сообщил об этом своему правительству, а ограничился только тщательными розысками. Как и следовало ожидать, ему не удалось ничего обнаружить, но он, тем не менее,

остался убежденным в невозможности существования летающих людей.

Тем временем Германтин вернулся к своим спутникам на борт корабля, куда только что доставили несчастных, спасенных от сожжения. Корабль отошел от берега и поплыл к острову Кристины. Семью мавра поселили на небольшом, довольно плодородном острове, двух льё в окружности, более многочисленных евреев — на острове в шесть льё и предоставили им там полную свободу. Протестантов же оставили на острове Кристины.

Вот и все, что я должен был вам рассказать. Мне остается еще добавить только несколько слов.

Новая республика процветает под сенью наших мудрых законов. Что касается меня самого, то я отбыл сюда на нашем корабле, по предложению принца Германтина, когда тот вновь отправился проследить маршрут капитана Кука. Близ мыса Доброй Надежды сам принц перенес меня на землю с богатыми товарами, которые я постепенно распродал. Он предписал мне выведать все, что могут знать здесь о нашей стране. Я доверяю вам эту тайну только в твердом убеждении, что вы согласитесь переехать к нам жить, или, по крайней мере, что принц Германтин сможет назначить вас нашим резидентом и доверенным лицом, извещающим нас ежегодно о новых открытиях, которые, быть может, станут предпринимать англичане.

Заключение Алокин-Идэ-Фитер

Я ничего не добавлю, уважаемый читатель: одно лишнее слово могло бы раскрыть то, что должно навсегда остаться тайной, которой я ни за что не выдам. Я хотел только показать вам нечто для вас новое. Я уже два раза виделся с принцем Германгином. Прощайте.

Тот, кто рассказал мне все это, уже отбыл, и представителем колонии остаюсь я.

Примечание Т. Жоли

Мой друг один был обязан хранить секрет, поэтому я не выдаю ничьей тайны.

**ПИСЬМО ОБЕЗЬЯНЫ
К СУЩЕСТВАМ СВОЕЙ ПОРОДЫ**

Цезарь из Малакки, ныне живущий в великом европейском государстве, в городе Париже, столице французского народа, в доме, выходящем на Пале-Рояль —

братьям павианам, а также неукротимым понго, синещекиим павианам, мартышкам, сигуанам, сапажу, макакам и вообще всем короткошерстным и длиннохвостым обезьянам, которые имеют несчастье стремиться подражать человеку и которых именуют обезьянами или подражателями,—свободным в лесах нашей родины или обращенным в жалкое рабство людьми,—*привет, радость, хорошая пища, покой и свобода!*

Вам должно быть известно, дорогие братья, что один знаменитый путешественник из южных земель, проезжая Сингапурским проливом, получил меня в подарок от одного голландского негодианта. Южанин этот уступил меня в свою очередь одному писателю, по имени Алокин-Мдэ-Фитер, который научил меня говорить, читать и писать для того, чтобы преподнести меня почтеннейшей из дам. Эта благородная и до-

стойная хозяйка сразу так нежно полюбила меня, что стала прилагать все старания, чтобы пополнить мое образование, и успокоилась только тогда, когда я стал несколько просвещенным.

Не буду передавать вам в подробностях, какими средствами удалось достигнуть этого. Это было бы выше вашего понимания, так как даже мне самому это еще не вполне ясно. Все, что могу вам сказать, это то, что мой разум постепенно развивали и так незаметно довели его до низшей ступени человеческого разумения. После этого мое развитие пошло быстрее. Мне казалось, что все для меня кругом меняется. Я походил на пробуждающееся животное, потому что происходившее во мне пробуждение сознания во многом напоминало пробуждение чувств. Наконец я стал видеть и чувствовать, как люди, на которых сильно походил, потому что, к счастью, моей бабушкой была женщина. Я научился читать, потом писать. Вследствие этого я и имею возможность писать вам. Я решил изложить письменно свои мысли, не с тем, чтобы вы их прочитали, так как вы не сумеете это сделать, а для того, чтобы их оформить и сообщить их впоследствии тем из вас, которых мне можно будет повидать и обучить. Я даже уже пытался просветить домашнюю кошку и собаку. Но для этого нужно опуститься до их степени разумения, а этого мне не удалось еще достигнуть, так как требуется много ума, чтобы можно было забыть, что он у вас есть. После этих кратких предварительных указаний, которые я делаю не столько для вас,

сколько для людей, которые могут прочесть это письмо, перехожу к его сути.

Это письмо, дорогие братья, является письмом утешения. Если бы было возможно, чтобы вы, раз поняв его, сохранили в дальнейшем лишь смутное представление о его содержании, то этого оказалось бы достаточным для вашего счастья. Невежество не есть, конечно, благо; оно представляет опасность. Но и со знанием связаны такие неудобства, которые меня пугают. Изложу вам некоторые из них.

Древнейшая и священнейшая книга людей, среди которых я живу, учит, что некогда существовало дерево познания добра и зла, плоды которого человек не должен был вкушать, чтобы не знать тягостей жизни и оставаться бессмертным. Не думаю, что когда-нибудь было сказано что-либо более правильное, более поучительное. Можно только удивляться, что человек Руссо (с которым я вас познакомлю когда-нибудь, если будет возможность) не воспользовался ссылкой на этот авторитет для обоснования своей системы, согласно которой он считает наше состояние предпочтительнее людскому. В самом деле, не знать об умственных страданиях — это лучшее средство их не испытывать. Не знать ничего о физических страданиях — это значит их не чувствовать или чувствовать их лишь в тот момент, когда они наступают. Не иметь представления о смерти, как еще недавно не имел этого представления я сам и как вы не имеете его еще и поныне, жить только настоящим моментом — это значит быть бессмертным. Священная книга французов заключает, сле-

довательно, прекрасную истину! И если бы я мог знать ее раньше, чем стал просвещенным (что, понятно, было невозможно), то надо полагать, я отказался бы от обучения. Сколько страданий появляется вместе со знанием, сколько начинаешь испытывать жестоких мгновений! Чем больше ты просвещен, тем ты знаешь больше опасностей, тем больше ты несчастен. Правда, люди умеют избегать этих опасностей, но тысячи раз переживают их, хотя они и не наступают. При малейших симптомах какой-нибудь болезни люди предчувствуют ее жестокие последствия и смерть, которой она может закончиться. Если они еще ничего не знают об этом, то к ним являются, чтоб просветить их, особые люди, называемые врачами; с целью набить себе цену, последние так преувеличивают опасность, что люди оказываются большими больше от страха, чем от действительного недомогания. Они знают, что они должны умереть. И эта уверенность ежеминутно отравляет их радости. Правда, они стараются забыть. Но что значит забыть, как не возвратиться, насколько это только возможно, в состояние неведения, из которого люди, к несчастью, уже вышли?

Естественного страха смерти, однако, еще недостаточно. Цивилизованные люди постарались еще больше усилить его: тот, кто разделяет их религиозные убеждения, содрогается при мысли о смерти. Это и понятно. Просветившись и познав многое, люди стали весьма проникательными. Но так как проникательность эта, более развитая у некоторых индивидов, могла бы стать опасной для общества, то поста-

рались связать умы тем, что они называют религией. Моя хозяйка объяснила мне, что мне до религии нет никакого дела, так как у меня нет души, что, будучи только животным, я не могу рассчитывать ни на хорошее, ни на плохое в загробной жизни. Поэтому я мало осведомлен в их богословской науке. Я знаю только, братья мои, что душа человека бессмертна, и что люди так развили эту свою опасную науку, что они мучаются не только из боязни бед, общих всем живым существам, но еще несравненно больше из боязни тех особых бед, которые ожидают их после смерти, если они будут дурными. Предоставляю вам решить, могут ли подобные существа жить спокойно! Поэтому-то часто можно видеть, как их грызет печаль, раздирает скорбь и как они подчас впадают в отчаяние.

Вам невозможно понять, что такое отчаяние. Я сам, несмотря на мою просвещенность, не имел бы об этом никакого представления, если бы на-днях наследник моей доброй хозяйки не стал угрожать мне за то, что я разбил какой-то фарфор, посадить меня после ее смерти на цепь до конца моих дней. Из-за одного предвидения этой жестокой участи во мне произошло какое-то смешение скорби, негодования, чувства беспомощности, отвращения к жизни, что и является, повидимому, приблизительно тем, что люди называют отчаянием.

У людей есть еще тысячи других повседневных огорчений. В результате своих знаний они на все реагируют. Но самая жестокая из их пыток — это зависть к благополучию других, завистливое желание возвыситься и господство-

вать, страдание из-за подчиненности, подвластности, угнетенности, приниженности. Часто эти чувства доводят их до бешенства. И в то же время их обширные познания, позволяющие предвидеть грозящие им несчастья, приводят к тому, что они сами подвергают себя страшной пытке, заставляя себя сдерживаться и притворяться веселыми перед своими угнетателями и палачами.

Что за разница между их положением и нашим естественным состоянием! Как прав был человек Руссо! Ах, братья мои, почему вы не можете чувствовать своего счастья! Я хотел бы, чтобы вы знали только это, и этого было бы достаточно, чтобы вы стали неизмеримо счастливее человека. Наоборот, если бы у вас оказались те же познания, что у меня, как бы при этом не увеличились ваши силы и возможности, вы сделали бы от этого лишь неизмеримо несчастнее.

В самом деле, дорогие собратья, люди по своей прихоти распоряжаются вашим существованием. Ловкостью или силой они господствуют над всем животным миром. При помощи своего языка они передают друг другу самые абстрактные, самые сложные идеи. Они объединяются, не любя друг друга; но по соображениям разума они друг другу помогают. Больше того, разум заставляя их подчас использовать свои силы в интересах своих угнетателей. Все это — плод комбинации идей, которая для меня самого еще остается загадкой, но которая с их точки зрения является разумной. Благодаря этому человек владеет скипетром природы и всегда будет

им владеть. Он обладает способностью строить против нас и всех других животных такие козни, которые мы никогда не будем иметь возможность обнаружить и избегать, так как даже сами люди, обладающие одинаковым разумом и возможностями, бывают одурачены другими столь искусно, что только боги (род невидимых и всемогущих существ) могли бы расстраивать их тщательно задуманные и искусно выполняемые замыслы.

Поэтому, если бы вы обладали такими же познаниями, как люди, и одновременно вашей нынешней беспомощностью, то с какой скорбью, с каким отчаянием взирали бы вы на то, как другое существо использует вас для своих развлечений и для своей пищи, относится к вам, как к плодам, как к растениям, и играет вашей жизнью! Каким ужасом проникся бы бык, когда его стали бы тащить на бойню! И в каком отчаянии были бы все особи того же вида, теперь резвящиеся на лугах, если бы они знали, что каждый день их ожидает нож мясника! Они иссохли бы от скорби, их род вымер бы. Какие стоны испускали бы несчастные овцы, если бы могли предвидеть, что мясник вонзит им однажды в горло убийственную сталь! И сами мы, как были бы мы унижены и удручены той ненавистью, которую питает к нам черный человек Африки, тем злом, которое он старается нам причинить, теми ловушками, которые он нам расставляет! Напротив, те беды, которые обрушиваются на животных в их состоянии неведения, оказывают только мгновенное действие. Они ощущают удар, но не ожидают

удара, более жестокое, чем самый удар; им неизвестны унижения, горечь, стыд, ненависть. Единственное тяжелое чувство, которое они иногда испытывают,— это неопределенный страх. Ни один из их предков не мог передать им свой роковой опыт. Они большей частью не знают, что такое смерть, и не боятся ее. Вы не столь невежественны, дорогие братья. Вы чувствуете и предвидите опасность. Но намного ли вы счастливее от этого?

Все это, однако, слишком неопределенно. Я хочу обрисовать вам часть тех бед, которым подвержен наш тиран. Я хочу сообщить вам вещи, которые, несомненно, удивят вас, если вы будете в состоянии когда-нибудь их понять. Утешая вас, я утешаюсь сам. А я очень нуждаюсь в утешении после того, как стал просвещенным!

Человек причиняет самому себе больше зла, чем всем видам животных, вместе взятым. Так как его чувствительность крайне развита, то он использует ее, чтобы мучить себе подобных и причинять им страдания, как бы находя в этом утешение и развлечение¹. Человек Руссо (произведения которого мне дала прочесть моя хозяйка) говорит, что человек добр, а люди злы. Поистине, он мелет вздор! Нет ничего более злого, чем маленькие люди или дети. Они жестоки. Они безжалостно раздирают живое существо, колот его, вырывают ему глаза, смеются над его криками, стонами и т. д. Только

¹ Святая истина. Поэтому-то тираны и злые люди и делают столько зла, когда они имеют к тому возможность.

после того, как они становятся разумными и опытными, в них пробуждается чувство сострадания, но в старости они его снова теряют!

Взрослые люди наносят друг другу уколы другого рода и еще более жестокие, но которых вы не почувствовали бы, будь вы даже орангутанги. Это — умственные раны, наносимые посредством насмешки, иронии, издевательства. Эти духовные раны причиняют, повидимому, ужасную боль, судя по виду тех, кто от них страдает, и по той ярости, которая, как я замечал, их охватывает, когда они остаются одни. Но все это еще ничего.

Люди, хуже, чем бешеные, пользуются своим разумом, чтобы изобретать все, что только может сделать их несчастными. Прежде всего они решили, что не будут равными, что в одной и той же породе будут иметься хозяева и рабы, не имеющие ничего и обладающие всем. Затем они установили различные законы и правила, являющиеся большей частью верхом безумия, глупости или злости. Не довольствуясь этими законами, они связали себя еще массой нелепых предрассудков, которые стесняют их на каждом шагу, если они им следуют, или заставляют испытывать мучительное чувство, именуемое стыдом, если они ими пренебрегают. Наконец, для полноты извращения, они дошли даже до надругательства над природой, объявив самые священные и естественные действия преступными, а самые ужасные — законными и священными. Попробую, дорогие братья, изложить вам каждый из этих пунктов в отдельности, уточняя их и обосновывая.

Прежде всего, как я уже отметил, они установили между собою различия, причем они и сами не знают, на чем они основаны. Но что меня особенно возмущает, что делает их поведение особенно нелепым, так это то, что их религия учит, что все люди братья, так как все произошли от одного и того же человека. Чтобы предотвратить какую бы то ни было возможность неравенства, их религия стремится объединить их как бы в одну семью, предписывает им кротость, взаимную дружбу, раздел имущества и запрещает кому бы то ни было ставить себя выше других. Она особо запрещает низшим по силе и по званию называть кого бы то ни было своим господином, владыкой или отцом. Люди считают эту религию святой. Они утверждают, будто ее основателем был сам бог (и я верю этому, судя по ее прекрасным заповедям). Однако они смеются и издеваются над ней. Но кто, как вы думаете, самым скандальным образом нарушает принцип равенства? Это служители этой самой религии. Некоторые из них заставляют называть себя, вопреки запрету, владыками и господами; другие, именуемые монахами, чванящиеся еще более строгим выполнением религиозных предписаний, заставляют называть себя отцами; наконец, и первые и вторые являются самой крепкой опорой тирании и деспотизма. И после этого они все же воняют против неверующих, которых называют философами. Но хотя я только обезьяна, я все же чувствую, дорогие братья, что настоящими разрушителями религии являются подобные служители; нарушая ее предписания и профанируя

ее, они предлагают народам чтить эту искаженную религию вместо той святой религии, которую стали бы исповедывать все люди и даже животные, если бы она была им известна. Это религия природы, ставящая людей на достойное их место, делающая их добрыми по отношению друг к другу и даже к животным. Как же эти недобросовестные служители осмеливаются выступать против своих врагов, философов? Эти последние кажутся мне во сто раз более разумными и лучшими христианами, чем они. Читая некоторые произведения человека Вольтера, я увидел, что он нападал только на злоупотребления, а что по существу проповедуемая им мораль являлась моралью Иисуса. Последняя является столь естественной, что никакое живое существо, следующее своему внутреннему голосу, не станет изобретать другую.

Итак, дорогие мои братья, те люди, которых я вижу и которые считаются цивилизованнейшими из людей, вопреки природе, вопреки своей религии, вопреки здравому смыслу, освятили неравенство — варварское, чудовищное различие между братьями.

Порождено это неравенство, прежде всего, богатством. Вы не можете иметь представление о значении этого слова. Это значит иметь больше средств существования, чем другие. Обусловливается это душевным пороком, называемым жадностью, и страхом перед нуждой, а вовсе не способностями. Обогащаются вовсе не умнейшие и не способнейшие из людей; напротив, эти как будто даже пренебрегают богат-

ствами. Таковы люди, положившие начало неравенству, поставившие себя выше других! И так называемые государственные люди считают еще справедливым поддерживать преобладание в обществе их потомков,— преобладание, противное природе и осужденное религией! Вы презрительно улыбнулись бы или задрожали бы от негодования, если бы, как я, слышали, какие аргументы приводят люди для обоснования необходимости неравенства. Прежде всего, вы слышали бы, как богачи одобряют этот, по их мнению, прекрасный порядок, эту субординацию, при помощи которой беспрекословно выполняется все, даже самые черные работы. Они в восторге, что могут командовать равными им по разуму существами, столь услужливыми, податливыми, предупредительными, что нельзя даже сказать, что это их братья. Но разве все работы не выполняются у бобров, которые равны между собой? А разве мы, наказывая нерадивых часовых, не несем поочередно эту обязанность? Испробуйте равенство, чудовищные люди, и вы увидите, как сладки станут все работы! Они превратятся в удовольствие, тогда как сейчас они крайне для вас тягостны. Чудовищные люди, сколько вы прилагаете усилий, чтобы быть несчастными! Ты, смешной, несправедливый, глупый, гнусный щеголь, говоришь, что надо ведь кому-нибудь выполнять ту или иную грязную работу? А почему сегодня не должен выполнять ее ты?.. Разве ты забыл об интендантах и прокурорах? Первые обкрадывают тебя, вторые налагают арест на твои земли и приобретают их с публичных торгов. В один прекрасный

день они превратятся в сеньоров, и если не ты, то, уже наверно, твои внуки станут низшими людьми, принужденными выполнять низменные функции, которые, будь они распределены между равными, перестали бы быть унижительными. О братья мои, почему вы не можете иметь тех же познаний, что я? Тогда, уж наверное, не было бы больше обезьян-подражателей. Лошади и ослы стали бы лягать человека, вместо того, чтобы служить ему. Быки его преследовали бы, слоны давили бы его, львы покинули бы свои леса, чтобы напасть на него в городах, весь животный мир поднялся бы против этого безумного, сумасшедшего, нелепого существа, нарушающего предписания природы и собственного разума!

В самом деле, кто не возмутится при виде человека, который обращается с другим человеком хуже, чем с нами! Это его брат, и тем не менее, он ведет себя по отношению к нему так, как если бы он был его богом и получил от природы право собственности на него. А другой,— непонятное противоречие! — другой, будучи тем же надменным и гордым животным, подчиняется этому игу. Львы, покиньте ваши леса, растерзайте наглое начальство и подлого и трусливого подчиненного!.. Часто этого последнего ставят ниже нас. Вот хотя бы в доме моей доброй хозяйки. Разве какой-нибудь несчастный раб осмелится нанести удар мне, собаке или кошке. Как с ним поступят! У других же хозяев ему пришлось бы еще хуже. Нас кормят, ласкают, правда, по капризу. И в то же время (стыдно даже писать об этом) несчастные из

человеческой же породы изнемогают от нужды и перегружены работой, слишком тяжелой даже для осла или лошади.

Мои братья, тот, который господствует над нами всеми, это мерзкое животное. У нас совсем недостойный хозяин. Среди людей есть такие, которые объедаются доотвала, не хуже, чем волки, которых они презирают и убивают; они никогда не снизойдут до того, чтобы дать излишки брату, у которого нет ничего и который смиренно протягивает им руку с отчаянием в глазах, с голодной бледностью на лице и со стенаниями, исходящими из глубины души. Даже я был тронут некоторыми сценами, которые мне довелось видеть. В нашем доме был излишек хлеба, и я роздал его нескольким таким несчастным. И знаете, что тогда произошло? Добрая хозяйка, которая никогда не бранит меня даже за разбитое зеркало или поломанный фарфор (что стоит, по крайней мере, столько же, сколько тысяча хлебов), наказала меня своей собственной рукой за то, что я два раза бросил пищу ее же бедному брату!

Это надменное существо, не подчиняющееся законам природы и пренебрегающее законами своей религии, когда последние совпадают с первыми, это существо, любезные братья, захотело само создать себе законы, чтобы освятить свое безумие, свою нелепость, свою гнусность. Эти законы, в противоположность законам природы и религии, не предоставлены личному усмотрению отдельных лиц. Они обладают обязательной силой. Имеются специальные надзиратели и надсмотрщики, принуждающие других соблюдать

эти законы, хотя сами они их нарушают. Служители этих законов во всем похожи на служителей религии: они соблюдают их хуже всех. Да и зачем им соблюдать их, имея возможность их нарушать, раз они противоречат природе и религии. Тут еще одна из тех несуразностей, которую я обнаружил у людей: их законы находятся во взаимном противоречии. Их религия запрещает судебные тяжбы и исключительное владение. Она особо запрещает своим служителям пользоваться какой бы то ни было мирской властью и иметь какие-либо мирские интересы. Она приказывает прощать обиды, осуждает месть и предписывает даже любить врагов своих, усматривая именно в этом истинный героизм общественного человека. Наоборот, законы дают право на судебные тяжбы и освящают исключительное владение. По этим законам служители религии имеют особое право судиться не только из-за имущества, которое им запрещено иметь, но и по вопросам чести. Молитесь за тех, кто на вас клеветает,— говорит религия. Преследуйте их без пощады,— говорит закон; и священнослужитель следует предписаниям закона, забывая свою религию. Это настоящее вероотступничество, если я только что-нибудь понимаю. Ведь здесь явное нарушение заповедей божественного законодателя, предписавшего терпеть обиды и молиться за обидчика. Я бываю каждый раз ошеломлен, когда ежедневно слышу, что священнослужители судятся и проигрывают свои дела. Поистине, эти люди считают себя мудрее своего бога, поистине, они

издеваются над ним или же они совершенно безумны!

Так как месть освящена законами, то люди с ожесточением предаются мести из-за пустяков, из-за мелочей. Особенно судьи строги к человеку, оскорбившему одного из тех, кто по своему званию обязан был бы сносить оскорбления. Вместо того, чтобы гнать этих недостойных священнослужителей из зала суда, судьи, не знаю под каким предлогом, удовлетворяют их адскую жажду мести. Я думаю, однако, что правильно угадываю причину этого. Дело в том, что здесь все места занимают богатые. Люди же с положением все одинаково заинтересованы, чтобы люди без положения их уважали. Поэтому-то они так жестоко бичуют тех, кто не проявил должной почтительности к человеку с положением... Но чего я не могу понять, так это — то представление, какое имеют эти люди о своем боге. Я думаю, по правде говоря, что все они в большей мере философы, чем стараются казаться...

Я несколько повторяюсь. Это происходит оттого, что люди непрестанно удивляют меня, когда я начинаю размышлять об их законах и обычаях. Они не сумели ничего согласовать. Их законы противоречат религии; их развлечения также ей противоречат, причем, мне кажется, права всегда религия. У них есть спектакли, и я на них бываю. Несомненно, это школа порока, школа порока не для нас и не для каких-либо других существ, а для самого человека. Это ристалище, на котором состязаются все дурные страсти. Знаете, на что

смотрят, присутствуя на самых лучших пьесах? Мужчины — на актрис, испытывая желание сделать их своими содержанками и иметь с ними противоестественные сношения. Женщины — на актеров со столь развратными намерениями, о которых животные не могут иметь представления. Религия взывает к ним: не ходите туда, дети мои: там соблазн! Но в то же время закон бодрствует у дверей театра и говорит, улыбаясь, как куртизанка: заходите посмеяться, дети мои; пусть себе болтает религия: это старуха со скверным характером. И молодые люди слушаются закона и входят. Но зато, если на следующий день молодые безумцы решатся оскорбить эту старуху, плюнуть ей в лицо или разорвать ее покрывало, тогда закон приходит на ее защиту. Он наказывает их с жестокостью, достойной всей свирепости рода человеческого: вместо того, чтобы воздействовать на них кротостью, он прокалывает им язык и сжигает их. О служители закона, не видите вы разве, что оскорбление, нанесенное старухе молодым безумцем сегодня утром, вызвано проявленным вами вчера вечером пренебрежительным отношением к ее мудрым советам! Священнослужитель-варвар думает отомстить за религию, требуя подобного ужасного наказания. Возмущенная религия отвергает, однако, эти гнусные жертвоприношения. Я не знаю никого среди нас, кому могли бы понравиться подобные истязания, кроме разве неукротимых понго, обладающих всей свирепостью людей.

Как я ненавижу людей! У этих чудовищ есть законы, осуждающие на смерть неимущего,

если он для сохранения своей жизни возьмет что-нибудь у своего брата, имеющего в изобилии. Как вы находите этот закон? Хорошо, что вы не люди, а то, согласно этому закону, три четверти из вас были бы приговорены к смертной казни!.. Люди, однако, обосновывают подобные законы замечательными рассуждениями, которые меня больше не удивляют с тех пор, как я обнаружил, что человек вообще злое и жестокое существо, расставляющее самому себе западни и делающее зло самому себе ради одного удовольствия делать зло. Действительно, рассуждая здраво, разве не было бы проще для всеобщего счастья, чтобы все было общим? Если бы вы знали, дорогие братья, как дорого обходится собственность человеческому роду, сколько с ней сопряжено умственных и телесных страданий, жестокости и крови, вы ужаснулись бы! Люди убивают себя работой. Их точит и грызет беспокойство. Они выслеживают друг друга и убивают. Другие люди ловят убийц и препровождают их закованными в города, где им ломают руки и ноги. Они ведут между собою войны, режут, жгут, насилуют. Они судятся и тратят на судебные издержки больше того, что оспаривают друг у друга. Словом, закон собственности, безумный, варварский, безрассудный, злой закон, противный религии, реформированной Иисусом, и даже религии Моисея,—источник всех бед человека,—закон, который ставит по большей части этого царя природы ниже нас. Человек, менее просвещенный, чем я,—хотя я просвещен им же, но не имею и не могу иметь его предрассуд-

ков,— имел глупость провозгласить закон, который постоянно и во все время должен причинять несчастье огромному большинству людей, не делая в то же время более счастливыми знатных и богатых, между тем как в условиях равенства рангов и состояний, общности имущества и предписываемой религией братской дружбы люди пользовались бы тем благополучием, о котором животные имеют представление, увы, только в тех странах, куда еще не проник человек. Я не знаю, однако, больше таких стран, после того как человек проник в южное полушарие.

Таким образом, благодаря своим законам люди обрушиваются друг на друга, заковывают себя в цепи, заключают себя в темницы, куда не может проникнуть небесный свет, бичуют себя, клеймят каленым железом, уродуют, вешают, колесуют, жгут, обезглавливают, пытаются, режут на куски, сажают на кол, вспарывают животы, вырывают глаза, заставляют жариться на солнце¹. Почему? Потому что среди них есть негодяи, которые завладели всем, так что другие вынуждены вырывать у них часть, иногда даже убивая их.

Однако, убивают они или не убивают, наказание одно и то же. Этот гнусный закон об одинаковом наказании для простого вора с большой дороги и для убийцы уже поверг в отчаяние сто миллионов несчастных. Но не беспокойтесь, человек-тигр, провозгласивший этот закон,

¹ Пытка, принятая в Африке: виновного сажают на песок под пылающие лучи солнца, и он погибает меньше чем в три часа.

его не изменит. Этот варвар радуется, что благодаря этому закону оказывается двое убитых вместо одного. Ведь легко можно понять, что вор, не рассчитывая на более легкое наказание, не преминет убить свою жертву для того, чтобы устранить свидетеля своего преступления и обезопасить себя. Люди говорят друг с другом лишь при помощи колесований и виселиц. Не думайте, что они пытаются исправлять тех, кого осуждают. Осуждающий счел бы это недостойным себя. Судя по себе, он считает человека столь злым, что не видит иного средства исправить его от самых незначительных недостатков (вроде присвоения и других пустяков), кроме казни. Но самое гнусное — это то удовольствие, какое они получают, заставляя мучиться несчастных, пытая их. Люди, несмотря на свой разум, столь глупы или столь жестоки, что подвергают обвиняемых пыткам, чтобы добиться признания, которое, как они заранее знают, всегда может быть вырвано при помощи пыток!.. К счастью, они совершают это преступление против природы лишь по отношению к себе подобным... Не лучше ли было бы исправлять разумное существо при помощи разума? Но это было бы с их точки зрения слишком долго. Все их каратели — богачи. Самым же большим преступлением в глазах богачей является воровство. По их мнению, не существует наказания, способного искупить это преступление. Кроме того, все эти богачи относятся к бедному с большим презрением, к тому же крайне ленивы, и поэтому предпочитают скорее убить его, чем исправить. Я никак не

могу только понять (очевидно оттого, что я только обезьяна), почему убийцы, воры и все вообще бедняки менее злобивы, чем богатые; ведь если бы они были исполнены такой же злобы, то богатые давно были бы истреблены. Все они, в конце концов, люди, все они злые существа, все они убийцы, воры, мучители. Почему же бедняк является таковым в меньшей мере, чем богатый? „Fiat lux!“¹, как говорит иногда племянник моей хозяйки.

Я никогда не кончу, если стану говорить о всех прочих нелепых людских законах, менее опасных по сравнению с теми, которые я описал. Люди разделили землю. Человек не может обехать родную страну. Повсюду ему преграждают путь заборы, изгороди, стены, межевые столбы. Люди присвоили себе право убивать животных. Не все, однако, пользуются этим правом, что объясняется не добротой по отношению к животным, а утонченной жестокостью. Этим невинным существам дают возможность спокойно собраться в одном месте, а в один прекрасный день так называемый хозяин выходит вместе со своими так называемыми рабами (которые ему столь же подчинены, как если бы действительно были таковыми), и они обрушиваются на животных, производя среди них ужасную резню. Но если какой-либо другой человек решится убить без разрешения хотя бы одно животное, он становится несчастным до конца своих дней. Его заковывают в цепи и заставляют влачить более жалкое существование, чем то, которое

¹ „Да будет свет!“

влачат самые несчастные и порабощенные существа из нашей среды. Его заточают на море, где его руки служат средством передвижения кораблей. Это справедливо: зачем он убил животное? Но что же в таком случае следует делать с крупным убийцей?

Каким гнусным существом является человек! Он столь мерзок, что внушает мне отвращение и возмущает меня! Поверите ли, он святотатственно вмешивается даже в священную тайну размножения. Он отравил самое святое удовольствие — любовь. Он провозгласил на этот счет столь безумные, столь невыполнимые законы, что никто их не выполняет. Они способны сделать людей только еще более несчастными. Человек отнял у любви свободу, у любви, свободной по самому своему существу!.. Если бы вся одушевленная природа могла услышать меня, то она задрожала бы от негодования и, быть может, растерзала бы святотатца. Да, человек отнял у любви свободу! И не с тем, чтобы этому повиновались, а для того, чтобы были преступники и насильники. Как, человек еще презирает некоторых из нас — ядовитую змею, шакала, гиену, тигра, льва, неукротимого понго? Посмотри-ка лучше на самого себя, профанатор, посмотри на себя. Кто из нас настолько гнусен, настолько подл? Кто из нас любит погружаться, как ты, в океан хитрости и неистовств??. Он идет еще дальше, этот профанатор... Мне придется скоро упомянуть об этом.

Вы знаете, (а может быть и не знаете), что имеются люди двух цветов — черные и белые. Если правильна теория человека Бюффона о

теплоте центра земли, то черные люди древнее. И если он даже не прав, то мне все-таки кажется, что это опасное животное-человек — уроженец тех же стран, что и мы, обезьяны. Известным доказательством этого служит наше сходство с ним. Но вот еще более верное физическое доказательство: можно утверждать почти наверняка, что всякое животное ведет свое происхождение из тех мест, где самки рожают без боли. Ну, а человеческая самка рождает без боли только в самых жарких странах. Значит, человек оттуда и происходит, и следовательно, первые люди были негры.

Я уже сказал, что человек зол и особенно по отношению к самому себе. Это можно видеть по всем его законам, которыми он только и делает, что осуждает себя, как бы боясь, что никогда не сумеет сделать себя достаточно несчастным. Но чтобы убедиться в этой истине, нужно посмотреть, как он обращается с неграми, от которых он, по всей видимости, происходит. Это — жестокость, превосходящая всякое воображение, жестокость, которой он не проявляет ни в отношении одного животного. Он как будто боится недостаточно унижить самого себя в существах своего вида. Он издевается над неграми и высмеивает в них все, вплоть до естественных недостатков, общих всем людям. Один колониальный офицер, часто бывающий у нас, видел, как некий господин забавлялся тем, что брызгал в лицо своим друзьям молоком негритянки, которая со слезами умоляла его оставить ей молоко для ее ребенка. Он, несомненно, не поступил бы так со своей короной. Другой за-

ставлял своего черного раба показывать в возбужденном состоянии. . . . . Особенно им нравится переобременять черных работой, заставлять их гибнуть ради их малейшего каприза или выносить ужасные мучения. Священный акт, посредством которого природа воспроизводит всех нас, профанируется ими гнуснейшим образом: несчастная негритянка насилуется с грубостью... презрением... жестокостью... Малейший недостаток похотливости с ее стороны вызывает варварскую месть. Часто ее подлый господин, после того как он скорее осквернял ее, чем ласкал, краснеет от этой близости и начинает ее избивать. Если же на следующий день она в результате подобного обращения делает попытку убежать, то он способен растерзать ее на части.

Братья, вы, которые видели тигров, скажите, способны ли они так поступать?

Но, может быть, так поступают лишь испорченные люди? Готов согласиться. Но вот, дорогие братья, обычное поведение порядочных людей, отцов и матерей семейств, поведение, о котором рассказывал при мне у моей хозяйки упомянутый мной французский офицер.

„На Антильских островах я видел нечто, еще более необычайное,— рассказывал он.— Молодого негра заставили подойти к тринадцатилетнему хозяйскому сыну. В руках этого мальчика или, скорее, маленького тигра, была большая игла, и он забавлялся тем, что втыкал ее в тело негра. Этот несчастный испускал ужасные крики, в то время как его мать, служившая в доме, плакала в стороне. Возмущен-

ный этим варварством, я стал с жаром упрекать родителей маленького чудовища, особенно его мать. Та рассмеялась в ответ: „Как не узнать жителя Европы! Подобное обращение с неграми во сто раз лучше, чем фамильярничание с ними, которое может оказаться пагубным для нашего сына, а также и для самих рабов. По отношению к рабам человечность является признаком слабости, и мы восхищены тем, что ребенок приучается быть к ним нечувствительным. Так он приучится постепенно принуждать их к повиновению“. Я попросил, чтобы из уважения ко мне и хотя бы из простой любезности запретили ему продолжать это истязание. Моя просьба была исполнена, причем ему обещали, что в вознаграждение ему позволят изрезать кожу негра, когда я уйду. Но строптивый ребенок, глядя на меня косо и не желая повиноваться, подошел ко мне со своей булавкой и попробовал уколоть меня. Я вскочил вне себя от ярости и поклялся родителям, что, если они немедленно не угомонят это маленькое чудовище, то я проколю его своей саблей. Мой тон встревожил их и сильно напугал маленького негодяя. Тут я имел случай убедиться, как жестокость вызывает грубое сладострастие. Присмирив, маленькое чудовище не замедлило зареветь, а нежная мамаша принялась его ласкать. Если бы я мог, я растерзал бы ее: настолько я был возмущен теми низкими обещаниями, которые она ему расточала, чтобы узнать причину его слез. В конце концов маленький Нерон произнес слово, которого я не понял и которое всех рассмешило. Тотчас же мать

позвала сестру маленького негра, только что так жестоко исколотого, и приказала ей удовлетворить мальчика. Восемнадцатилетняя черная девушка сделала жест отвращения. Тогда мать набросилась на нее, как фурия, и дала ей пять-шесть пощечин. После этого грубого увещевания я понял, о чем шла речь: маленькое чудовище хотело овладеть этой девушкой, и та вынуждена была его удовлетворить. Я тотчас поднялся и сказал им: „Вы не французы, вы чудовища, порождение тигров и гиен. Я ненавижу вас и не желаю впредь ни видеть вас, ни встречаться, ни говорить с вами“. Я сдержал свое слово. Я отправился в другое место и с первого же раза увидел отца семейства *patam ipsam ex Negra aperte mastuprantem*¹. Таковы нравы этих-несчастливых колоний, откуда к нам время от времени приезжают чудовища, портящие наши нравы, примерно так же, как римские проконсулы, развратившиеся в Азии, содействовали окончательному исчезновению в Риме всякого целомудрия“.

Вы видите, что у людей есть рабы, тоже люди, только черные, которых они ставят ниже животных. Некогда в городе, который еще сейчас зовется Римом, существовали белые рабы, которые были не менее унижены. Привратник, например, приковывался к дверям цепью, как собака, чтобы он не мог от нее отойти.

Но вот, дорогие братья, нечто способное вас поразить еще больше.

Я сказал вам, что в человеческой расе

¹ Который открыто обесчестил негритянку.

имеются бедняки — негодяи, которых вешают и колесуют. Но есть и другие, которые лишь трусливы или немощны. Я до сих пор не мог привыкнуть видеть среди людей бедняков. Что такое бедняк? Это — изолированное существо, не имеющее прав ни на какие земные блага; будучи лишен общественных благ, бедняк не может пользоваться и природными благами, которыми он некогда пожертвовал ради благ общественных. Вот что представляет это господствующее, одаренное разумом существо! Вот это гордое животное, которое, оказавшись ниже самого последнего из представителей животного царства, не имеет права удить себе пищу в реке, изобилующей рыбой, или искать ее в лесах и полях! Вот это существо, томящееся от голода и нужды среди благ, которыми пресыщены ему подобные, не имеющее возможности и не смеющее протянуть руку к плодам виноградников или фруктовых садов, чтобы немного освежить свой высохший рот, свою запыхавшуюся грудь! Вот этот царь природы, которого ставят ниже зайцев, кроликов, куропаток, фазанов! Пусть только он попробует их тронуть! Хлысты, каленое железо, галеры готовы, чтобы отомстить за невинных животных... Вы, может быть, думаете, мои братья, что до такого состояния доведено всего несколько человек? О, разубедитесь! Это большая часть людей, это весь их вид так принижен и всегда был так принижен. Человек настолько же труслив по природе, насколько и заносчив, так как он унижен себе же подобными, себе равными.

Это еще не все. Существуют законы, пред-

писывающие задерживать и лишать свободы и воздуха несчастного, ничего не имеющего. У него отнимают даже то единственное, что у него остается,— свободу. Признаюсь, здесь моя просвещенность оказалась недостаточной. Видя бедных, не получающих выгоды от социального режима, я полагал, что им будет возвращена естественная свобода, что суверен и должностные лица не станут больше вмешиваться в их поведение и что социальный договор, переставший быть выгодным для одной из сторон, будет расторгнут. Раз все блага имеют богатые, пусть они и остаются в обществе, я же, лишь теряющий от ассоциации, отказываюсь от нее, отвергаю ее... Я полагал, что бедняк будет говорить таким языком и что никто из человеческого рода не сможет ничего возразить на это. Как я, однако, ошибался! Люди рассуждают иначе. Они хотят, чтобы бедняк оставался в ассоциации, которая лишает его всего, даже рыбы, рек, плодов земли, злаков полей. Они хотят, чтобы он ее любил, чтобы он жил в ней, обремененный невыносимо тяжелыми трудами. А если он этого не делает, то его заточают, клеймят ему плечи, колесуют его. О, верх гнусности и несправедливости!.. Бедняки, о безумцы, заслуживающие своей участи, поднимите, поднимите руку на своих тиранов! Соберитесь вместе, поддержите друг друга. Берите рыбу из рек, плоды садов, злаки полей и кушайте досыта. Не убивайте, однако, богача,— только смирите его и лишите возможности морить вас голодом!.. Я думаю, мои братья, что это не преминет случиться в один прекрасный день, так как злоупотребле-

ния, которые я вижу, кажутся мне столь невыносимыми, что невозможно, чтобы одаренные разумом существа выносили их вечно.

Люди имеют еще солдат. Это молодые люди, предназначенные драться против молодых людей другого племени. Принимая во внимание злобность людей, может быть, и неизбежно, чтобы среди них имелись лица, которые дрались бы за свою нацию. Но что совершенно непонятно, так это то, что эти несчастные не являются добровольцами. Мне кажется, что подобное занятие должно было бы быть абсолютно добровольным и столь прославленным, что занимающиеся этой профессией не хотели бы ее покидать ради уважения, которым они пользовались бы среди своих братьев. На самом деле нет ничего подобного. Чтут лишь офицеров. Солдаты же унижены, порабощены. Если кто-нибудь из них теряет вкус к стрельбе или штыковому бою, не хочет больше убивать или быть убитым и покидает эту презираемую профессию, то его жестоко наказывают. Еще недавно ему в таких случаях завязывали глаза и пробивали головные кости маленькими свинцовыми пулями, выбрасываемыми очень мощным оружием, известным всем животным. В настоящее время его привязывают за ногу, как свинью, и заставляют работать весь остаток своих дней. И все это за то, что он не хотел ни убивать, ни быть убитым и что он убежал. Как будто человек может заставлять другого человека делать то, что тот больше не хочет делать.

Ко всем этим варварским обычаям, благодаря которым они ежедневно причиняют себе больше

зла, чем могли бы им причинить все те преступления, которые они стремятся предупредить, люди присоединили еще предрассудки. Перечень этих предрассудков, братья мои, занял бы очень много места. Предрассудки окончательно отнимают у людей то, что еще оставили им их законы. С этой точки зрения, признаюсь, человек кажется мне таким несчастным, что, по-моему, заслуживает сочувствия даже со стороны американского муравьеда-ленивца и европейских лошадей, самых несчастных из всех живых существ. Чем богаче человек, чем выше его положение, тем больше у него предрассудков и уз, которые его связывают и стесняют. Человек-король менее свободен, чем кто бы то ни было. Люди подчинены тысяче мелких условностей. Правда, знатные стараются вознаградить себя, нарушая свои собственные основные законы и особенно законы природы, и я, беспристрастный судья, нахожу, что они не могут поступать иначе. В противном случае со всеми своими условностями и ограничениями, со всеми своими искусственными, но повелительными нуждами, обусловленными привычкой к изобилию, они не могли бы жить, они иссохли бы от огорчения и скорби. У них имеются моды, обычаи, обращение, манеры, вид, тон, вежливость, обходительность, обязанности. Ничего этого нельзя нарушать безнаказанно: чем более бессмысленны эти моды и т. п., тем более их надлежит соблюдать.

Моды—это форма одежды, которая их покрывает. Одежда—превосходное изобретение. Несомненно, благодаря именно этому изобре-

нию человек, созданный для жаркого климата, сумел мало-помалу приспособиться ко всяким климатам, завладеть всем земным шаром. Только стал ли он от этого счастливее?.. Если бы вы видели самоедов и крестьян Сибири!.. Человек, сказал я, придает своим одежаниям тысячи различных форм. Он постоянно озабочен тем, чтобы доставать себе одежду, менять ее, держать ее в чистоте. Это является даже одной из причин его рабства, потому что эта потребность служит для тиранов лучшим средством для того, чтобы держать его в повиновении. Особенно пагубное влияние оказывают женские наряды. Именно женщины своей роскошью и многочисленными расходами превращают своих мужей, которых к тому же приучают к изнеженности, в низких подлецов, столь же раболепных перед господином, как и жадных и жестоких по отношению к менее сильным.

Их обычаи состоят из миллиона поистине достойных смеха мелочей, регулирующих их поведение, когда они говорят, кланяются, делают визиты, играют, предаются любви, женятся, пьют, едят, умирают и даже тогда, когда хронят.

Что касается обращения и манер, то мне невозможно объяснить вам, что это такое. Это лишь различные способы представляться, говорить, смеяться, ходить, прикидываться любезным. Некоторое представление об этом мог бы дать только художник, да и художника недостаточно: следовало бы присоединить еще танцора, который наглядно изображал бы эти манеры. В их описании есть один такой человек,

по имени Вестрис (я бываю в этой опере, как и на других спектаклях, одетый маленьким негром: моя добрая хозяйка доставляет мне иногда это удовольствие). Так вот, этот человек, Вестрис, с поразительным правдоподобием изображает их манеры. Повидимому, это приводит их в восхищение, потому что они хлопают руками точно так же, как наши братья с Малакки топают ногами, когда им что-нибудь нравится. Думаю, что этот человек-танцор нравится им так потому, что он воспроизводит их смешные и пошлые манеры с большим изяществом. У них есть также человек Доберваль, которого они столь же ценят, а любят еще больше, так как он изображает их в состоянии радости, которой в жизни им не приходится никогда испытывать. Большими заслугами обладает также человек Гардель. Все эти танцоры натурально воспроизводят все действия человека. А женщина Гимар, которая мне чрезвычайно нравится потому, что изображает не существующую здесь больше наивность, воспроизводит действия женщин. Я видел также женщину Аллар, очаровательно прыгающую, и женщину Гейнель, обладающую таким же изяществом, как мужчина Вестрис, только изяществом женственным.

Кроме того, у людей имеется вежливость, т. е. обращение, манеры, притворный вид и тон, посредством которых они хотят быть приятными себе подобным. Но эта вежливость фальшива. На самом деле люди вовсе не хотят быть приятными, а желают лишь показать, что они умеют быть таковыми. Вежливость была бы действи-

тельно превосходной вещью, если бы она была искренней. Она одна была бы способна возвысить человека над другими животными, потому что она носит скорей характер божественного установления, чем человеческого. Но существо, столь злобное по отношению к самому себе, как человек, не может обладать настоящей вежливостью: у него может быть лишь внешняя форма ее проявления. Таким образом, вежливость для него только лишнее бремя, маска, под которой он скрывает уродство своей души, ловушка, которую он непрестанно и старательно расставляет и которой сам принужден постоянно опасаться. Вот как злоба отравляет все!

Уважение представляет собой то же самое. Это более сильный и почтительный оттенок вежливости, которым также злоупотребляют. Каждую минуту люди огорчаются оттого, что им не оказано достаточно уважения. Уважение несколько более обременительно, чем вежливость. Поэтому легкомысленные люди часто пренебрегают им, причиняя жгучую боль тем, кто считает, что им надлежит оказывать особое уважение. Так все огорчает и мучит это существо, которое нам, другим животным, кажется, на первый взгляд, счастливым даром природы.

Раздел обязанностей менее обширен. Зато они носят принудительный характер, и несоблюдение их приводит к печальным последствиям. Существуют обязанности естественные, по крайней мере для человека, и обязанности, основанные на обычаях и общественных установлениях. Обязанности первого рода — это обязанности детей по отношению к родителям, част-

ных лиц по отношению к служителям религии, к королю, должностным лицам, сеньорам каждого города или деревни. Эти обязанности очень тяжелы, и уже одни они способны превратить человека, этого царя природы, в самое порабощенное, самое притесненное, самое подневольное и, следовательно, самое несчастное из всех существ. Поэтому-то некоторые из их писателей, рассматривавшие род человеческий с этой точки зрения, не поколебались поставить человека ниже всех животных в смысле свободы и счастья. Прибавьте теперь еще к этим обязанностям обязанности, основанные на обычаях и общественных установлениях, которые окончательно подавляют человека. Эти последнего рода обязанности еще более стеснительны, еще более невыносимы. Их выполнения требуют еще более тиранически. Бедняк имеет обязанности в отношении всякого богача и должен его уважать. Права богача не определены, однако, точно, как права отца, короля, священника, должностного лица, сеньора. Богач, пользующийся своими правами по обычаю, только и следит за их осуществлением, требуя от бедняков выполнения их обязанностей перед ним и мстя за уклонение от них. Трудно себе представить, сколько волнений вносит это в жизнь человека! Бедняка вечно мучают, изводят, унижают, приводят в негодование. Богач не более счастлив. Каждый момент ему кажется, что его оскорбляют, что держат себя с ним вызывающе, что презирают его; это доводит его до бешенства. Правильное представление о том, как тяжелы для людей все эти их обязанности, могут

составить те из вас, которые находятся в рабстве у этих тиранов и принуждены работать, мыть посуду, вертеть вертел, молоть и т. д. Так как все эти обязанности не вытекают из естественной необходимости, люди принуждены постоянно следить за собой, чтобы не попасть впросак. Обязанности отца и матери по отношению к детям представляют лишь удовольствие, потому что они естественны. Обязанности короля по отношению к подданным, являющиеся подражанием предыдущим, не более тяжелы. Зато все другие обязанности не что иное, как пытка, которую едва ли могут компенсировать все блага цивилизации, из-за них приходится постоянно унижаться, подчиняться, притворяться, прикидываться, скрывать свои чувства, угождать, ограничивать себя, лишать себя чуть ли не самого необходимого и т. д.

О братья мои! Человек Руссо был тысячу раз прав, и это хорошо чувствовал издевавшийся над ним человек Вольтер, как и пытавшийся подражать Вольтеру человек Палиссо! Человек Вольтер не хотел, однако, воздать должное человеку Руссо, уступавшему ему в богатстве и даже в уме, зато превосходившему его одаренностью и философией. Я нахожу извинение для человека Вольтера. Такому человеку, как он, трудно признать кого-нибудь стоящим выше. Мне даже нравится эта благородная гордость. Выше ее только еще более благородная гордость человека Руссо, не желавшего ничего принимать от богатых людей, которые, давая ему, считали бы, что его покупают, тогда как на

самом деле они оказывали бы этим честь только самим себе.

Перехожу к последним штрихам моей моральной картины. Люди доходят до богохульства в отношении природы, объявляя преступлениями самые священные действия. Самым большим преступлением среди них считается акт размножения. Слушайте внимательно, братья мои! Один несчастный солдат, в расцвете сил и давно лишенный женской ласки, однажды заснул после путешествия. Когда он проснулся, его чувства были возбуждены, он находился словно в состоянии опьянения. Он увидел прекрасную молодую девушку, несшую кувшин с водой, бросился на нее, опрокинул ее и удовлетворил свои желания. Тотчас братья этого человека накинулись на него, избили его и бросили в темницу, откуда извлекли через восемь дней, лишь с тем, чтобы сжечь его живьем. Я видел это и содрогался от возмущения и негодования. Я готов был растерзать всех этих тигров. За какое оскорбление природы, за какое преступление против бога они так отомстили?

У одной молодой девушки был прелестный возлюбленный, но ему отказали в ее руке потому, что его родители не занимались дурными делами и остались бедными. Девушка была влюблена. Она уступила настояниям молодого человека и забеременела. Отец, узнав об этом, избил ее и проволокал за волосы по улице. Это повлекло за собой выкидыш и смерть девушки. Преступление жестокосердного отца не было, однако, наказано ввиду якобы нанесенного ему тяжелого оскорбления. Можете ли вы понять,

в чем заключалось это оскорбление? Я этого понять не могу. Я знаю только, что люди являются извергами и гнусными богохульниками в отношении природы и ее священных законов.

Доказательством этого служит также следующее. Люди имеют обширные дома, куда запирают женщины, которым предписывают, как добродетель, быть бесплодными, оскорбляя этим природу и богохульствуя, поскольку бог создал их сообразно потребностям размножения рода. Они имеют также обширные дома для мужчин, которым предписывается нечто аналогичное... Какое недоброжелательное чудовище сделало бы человеку больше зла, чем он сам причиняет себе!

И в то же время эти самые люди, объявляющие бесплодие добродетелью, имеют женщин, являющихся бесплодными лишь вследствие того, что они слишком много делают то, от чего становятся беременными. Вы не можете составить себе представление обо всем распутстве этих женщин и мужчин, имеющих с ними дело. Здесь проявляется людская низость во всей своей непостижимой гнусности! Они ставят этих несчастных ниже всех существ и бесчестно злоупотребляют их телом. Это еще не все. Их начальники относятся к подобным женщинам терпимо. Но вдруг, когда этого меньше всего ожидают, они посылают злых людей, которые набрасываются на этих женщин и запирают их в смрадном месте, отобрав у них все их имущество, как незаконно приобретенное, хотя, по-моему, они его столь же законно зарабатывают, как и другие людские существа. Поступая так, они вредят также самим себе, так как эти женщины,

которые могли бы быть добрыми, зная, что их не ждет ничего хорошего, стараются причинить как можно больше зла, как бы мстя заранее.

Это напоминает мне другую несуразность людей в области законов. Им доставляет столько удовольствия делать зло, что они установили законы, предписывающие вешать и колесовать тех, кто украдет или убьет. Может быть, вы думаете, братья мои, вы, обладающие лишь грубым инстинктом, что человек пытается одновременно уменьшать случаи воровства и убийства, пресекая их причины? Напротив, он их увеличивает. Он обставляет дело таким образом, что благодаря значению, которое он придает богатству, тщеславию и высокомерию, дозволенному богачам, стремление к богатству становится непреодолимым. Не упраздняя поводов гнева и мести, он тем самым порождает убийц. Меня удивляет только, как они все не становятся убийцами и не делают законы излишними, не оставляя никого, кто был бы заинтересован в их применении.

Бывают даже случаи, когда кажется, что только что сказанное мною близко к осуществлению; это именно бывает, когда они воюют. Тогда убийство, воровство, насилие и все вообще преступления становятся дозволенными по отношению к соседней нации, как будто бы она состоит из одних чудовищ, порожденных врагом всей природы. А между тем, согласно их религии, они вдвойне братья. Люди, мне кажется, несмотря на всю свою просвещенность, еще не настолько разумны, чтобы уяснить, что

каждая война причиняет в течение одной кампании больше зла, чем сто прекрасных законов смогут сделать добра в течение ста лет. В этом отношении люди — настоящие дети или, вернее, настоящие обезьяны. К тому же, после их безумных войн их виселицы и орудия колесования бывали загружены работой.

Следует еще отметить, братья мои, что человек более непостоянен, чем наши братья из Малакки. И несмотря на это, он принуждает себя иметь одну единственную жену в течение всей своей жизни. Этого одного было бы достаточно, чтобы навсегда отравить существование этих несчастных существ! В свое время один из них обратил их внимание на то, что этот безумный закон вызывает убийства и отравления. Ему ответили, указывая на орудия колесования и костры, что зато он доставляет удовольствие ломать убийце кости и сжигать их живьем.

Таков человек. Он превратил богатство в идола, не оставив в то же время никаких честных средств для его приобретения. В самом деле, честные средства требуют очень большого времени, и человек, который только их применяет, может надеяться, что воспользуется благами богатства лишь его потомство. Соблазн, однако, так велик, что люди часто обращаются к средствам недозволенным, и тогда таких людей вешают, колесуют, сжигают... если только они не избрали некоторых недозволенных средств, которые эти низкие лицемеры молчаливо терпят, прикидываясь, будто считают их допустимыми, и маскируя всю их гнусность; например, угнетать

провинции, морить голодом армию или поставлять ей испорченный провиант и т. п.

Чего только нельзя было бы еще рассказать о нелепых, суеверных, бессмысленных убеждениях людей, живущих в провинции и в деревнях! Тема эта неисчерпаема! Удовольствуюсь, однако, вышеприведенной картиной.

Вот, значит, каков человек, дорогие братья! Вот существо, которое вы считаете властелином мира и судьбе которого вы завидуете! Ах, вы были бы во сто раз счастливее его, если бы он своим существованием не смущал покоя всей природы! Это порабощенный, скованный, дрожащий, истязуемый и преследуемый раб, ежеминутно рискующий погибнуть от веревки, железа или огня, имеющий несчастье предвидеть все грозящие ему беды и миллионы раз переживать их еще до того, как они наступают. Если он избегает их, то он полон страха перед естественными несчастьями. С детства он предвидит случайную или естественную смерть, и это отравляет все его радости. Религия умножает его страхи, так как число утешаемых ею столь незначительно, что может не приниматься в расчет. Его законы так плохо составлены, что причиняют в десять раз больше зла, чем предупреждают. Наконец, его ум так извращен, что если бы он прочел это письмо, содержащее одну голую правду, он сказал бы с презрением: сразу видно, что это писала обезьяна!.. Если бы, однако, эту правду написал кто-нибудь из ему подобных, то он стал бы травить его, обвиняя в ниспровержении всех устоев. Но, к счастью, я обезьяна и поэтому не подчиняюсь

его издевательским законам, его нелепым пред-
рассудкам. Я могу молоть, по его мнению, вздор,
не опасаясь ни веревки, ни колеса, ни костра...
Кстати, о костре. Знаете ли вы, что, вопреки
божественному законодателю, столь человечному,
смиренному, кроткому, толерантному, в Малакке
безжалостно сжигают всех, чьи воззрения от-
личаются от воззрений испорченных священно-
служителей этой суеверной нации? Их же воз-
зрения чрезвычайно далеки от истинной хри-
стианской веры, и я охотно готов поверить, что
если бы туда явился сам Христос пропове-
дывать свое учение, то его бы схватили, до-
ставили в святую инквизицию и, облачив в
одежду осужденных, сожгли бы, разве только
он сам избавил бы себя от казни. Во Франции
я могу рассуждать. Зато в стране альгарвов,
несмотря на то, что я обезьяна, я был бы сож-
жен, как вдохновенный дьяволом, которого я
не знаю и который вовсе не стремится обла-
дать бедными обезьянами, так как у нас нет
дунни, которую можно было бы жарить и под-
жаривать в аду,—ужасном местопребывании,
где, к счастью, ни я, ни вы, мои братья, ни-
когда не очутимся. Это местопребывание, од-
нако, вполне достойно людей. Они сами почув-
ствовали, что, как ни несчастны они в этом
мире, этого еще недостаточно, чтобы наказать
их за их злобу, за все страдания, которые они
причиняют себе подобным, а также бедным
животным.

Прощайте, дорогие братья. Желаю вам по-
кою, хорошей пищи, свободы и — прибавлю
еще — векового неведения.

КОММЕНТАРИИ

„Южное открытие“ принадлежит к числу тех произведений Ретифа, о которых сам он почти не упоминает и относительно которых не приводит почти никаких материалов. Лишь в последнем томе своей автобиографии, при последовательном перечислении всех своих сочинений, он сообщает следующие данные о времени и обстоятельствах составления своей утопии: „Я был болен, когда начал писать это произведение, прежде чем приступить к „Современникам“, и во время печатания „Отцовского проклятия“. Я написал роман Викторина, забавляясь по утрам в постели. Закончив рукопись, я приступил к своим повеллам, некоторые из коих я составил еще в 1778 г.“¹. В одном предыдущем обзоре своих работ Ретиф также указывает, что приступил к этому произведению в 1779 г. в больном состоянии и написал его частично в постели. Опубликовано же „Южное открытие“ было, как мы уже знаем, в 1781 г.

Что касается внешнего обрамления своей утопии в виде повествования о летающем человеке, то, по утверждению Ретифа, он составил историю Викторина на основе аналогичного рассказа, слышанного им еще в детстве от одного из пастухов своего отца, с которым он мечтал также о том, что стали бы они делать, если бы имели крылья, причем пастух раз-

¹ „Monsieur Nicolas“, t. XIV, p. 150.

вивал проект похищения девушек соседней деревни и перенесения их на какую-нибудь скалу, окруженную лесами¹. Трудно, однако, предположить, что роман о летающем человеке был написан Ретифом лишь под влиянием этих смутных детских воспоминаний. Не следует забывать, что вторая половина XVIII столетия—эпоха интенсивных опытов в области аэронавтики. Правда, произведение Ретифа было написано до появления в 1783 г. первых аэростатов братьев Монгольфье, Шарля и Робера, и даже до изобретения Бланшаром „летающего корабля“, первое извещение о котором появилось в печати лишь в августе 1781 г. Однако не следует забывать, что опыты в этом направлении производились еще и раньше. Еще в 1742 г. маркиз Баквиль совершил попытку полета при помощи изобретенных им крыльев, о которой упоминает сам Ретиф в опущенном в настоящем издании предисловии к „Южному открытию“. Объявив, что в известный день он совершит перелет через Сену, маркиз Баквиль, действительно, бросился, на глазах огромной толпы, из окна своего дома и, работая крыльями, направился к Тюльерийскому саду, пересекая наискось Сену. Пролетев, однако, около трехсот метров, он вдруг остановился и вслед за тем с грохотом упал на крышу речной бельевойки, сломав себе ногу. Еще в семидесятых годах аббат Дефорж объявил об изобретении „летающего кабриолета“, описанного в современных ему журналах. Насколько в то время широкие круги общества интересовались проблемой воздухоплавания, видно из мемуаров маркиза д'Аржансона, писавшего, что он „убежден, что одно из первых открытий, которое будет сделано, быть может еще в нашем веке,— это искусство летать“, и размышлявшего о последствиях.

Проблема воздухоплавания разрабатывалась и в художественной литературе. Так, в 1763 г. появился перевод английского романа „Les hommes volants, ou Aventures de Pierre Wilkins“, посвященного описанию летающих людей, с соответствующими иллюстрациями. Еще несомненное влияние на Ретифа в этом отноше-

¹ „Monsieur Nicolas“, t. I, p. 191—192.

нии французского писателя предыдущего столетия Сирано де-Бержерака, с произведениями которого он, по собственному свидетельству¹, был очень хорошо знаком и которыми очень интересовался в связи со своими натурфилософскими воззрениями. Сирано как в своей „Комической истории государств и империй Луны и Солнца“, так особенно в своем „Путешествии на луну“ описывает и упоминает целый ряд летательных аппаратов, из коих некоторые по своему принципу напоминают даже будущие аэростаты². Среди этих аппаратов имеется, в частности, один, движущийся при помощи больших крыльев и похожий в этом отношении на летательную машину Викторина³.

Вполне понятно также, почему Ретиф избрал местом действия своего произведения южное полушарие. В XVII—XVIII столетиях, в эпоху развития торгового капитала и колониальных захватов, южное полушарие издавна служило излюбленным местом действия различного рода утопических романов, начиная с Вераса д'Алле, поместившего свое идеальное государство севарамбов на австралийском континенте. Во второй половине XVIII века, в связи с путешествиями упоминаемого самим Ретифом капитана Кука, в самых широких кругах общества наблюдался повышенный интерес к новым открытиям в южном полушарии. Открытия эти служили модной темой разговоров, причем циркулировали самые невероятные слухи. В 1776 г., накануне появления произведения Ретифа, Метра писал в своей „Секретной корреспонденции“: „Говорят о необыкновенном открытии в южных землях. Там нашли большую цивилизованную империю“. Неудивительно поэтому, что Ретиф помещает как империю

¹ „Monsieur Nicolas“, t. V, p. 12.

² Si rano de Bergerac, Histoire comique des états et empires de la lune et du soleil. Paris, éd. Garnier frères, p. 97, 106—107, 113—114, 237—238.

³ Ibid., p. 106—107. Крылья Викторина прикреплялись, правда, прямо к телу, и он летал наподобие птиц; аппарат же Сирано был, повидимому, иной конструкции, поскольку упоминается, что он сидел в свою машину.

Викторина, так и государство меганатагонцев по ту сторону экватора.

Столь же легко объяснимы, в условиях литературы эпохи, и содержащиеся в „Южном открытии“ описания народов-великанов, кораблекрушений, жизни на необитаемых островах и тому подобные материалы, обнаруживающие очевидное влияние столь высоко ценимого Руссо „Робинзона“, а также Свифта. С этой точки зрения „Южное открытие“ может даже рассматриваться как один из образцов столь обильной в XVIII столетии приключенческой литературы подобного рода.

Изданное в 1781 г. „Южное открытие“ получило известное распространение. Это видно из произведенного Ретифом подсчета своего литературного дохода, показывающего, что он получил от продажи „Южного открытия“ 1 500 ливров¹,— сумму, довольно крупную, хотя и значительно меньшую, чем за ряд других произведений этого периода. Это означает, что „Южное открытие“, появившееся в эпоху расцвета его творчества, когда имя его пользовалось уже широкой известностью, было раскуплено читающей публикой, интересовавшейся новым сочинением модного автора. Но произведение это успеха не имело и поэтому больше не переиздавалось, в противоположность ряду других его сочинений 70—80-х годов². Можно даже сказать, что оно прошло как-то незамеченным. Ни в прессе, ни в литературных кругах не отнеслись к нему серьезно и не обратили на него почти никакого внимания. Аббат Фонтеней, чуть ли не единственный журналист, давший о нем отзыв в своих „Affiches de Province“, охарактеризовал „Южное открытие“ как самое причудливое произведение, какое только можно себе представить³. А достопочтенная „Correspondance littéraire“, приведя его содержание, закончила свой отзыв следующими язвительными стро-

¹ „Muz inscriptions“, p. 321.

² Оно было переиздано только в 1781 г. в Дрездене на немецком языке, что является лишним свидетельством популярности Ретифа в Германии в 80-х годах. В 1818 г., уже после смерти автора, появился в Милане и итальянский перевод этого произведения.

³ P. L. Jacob, Bibliographie et iconographie de tous les ouvrages de N. E. Restif de la Bretonne“, Paris 1875, p. 203.

ками: „... и все это носит столь бредовой характер, что становится нелепым и утомительным. Очевидно, автор сам это почувствовал, потому что внезапно прервал свое повествование. Роман не закончен, и автор не обязался дать продолжение. Какая потеря!“¹. И друзья Ретифа не обратили внимания на это новое его произведение. Во всей его обширной корреспонденции мы встречаем лишь одно письмо, в котором один из его поклонников в полусутоливом, полуйроническом тоне спрашивает новости о Викторине и его потомках и дружески вышучивает изложенные в „Южном открытии“ естественно-исторические воззрения². Даже такой человек, как Бонневильль, давая оценку работам Ретифа, утверждал впоследствии, что „добряк Никола“ сам не знал, что хотел сказать в этом сочинении. Неудивительно поэтому, что, встретив подобное несерьезное и насмешливое отношение к своему произведению не только со стороны врагов, но и со стороны друзей, Ретиф считал, что он не был понят, и даже отчасти радовался этому. „Я имел случай убедиться, пишет он в вышеупомянутом разборе своих сочинений в „Monsieur Nicolas“, сколь глупы люди общества, и не только они, а и журналисты, даже те, кого ненавижу ко мне делает пронизательными! Подлый издатель „Journal de Nancy“ никогда не был достаточно просвещен, чтобы заметить в этом произведении то, что могло бы меня обеспокоить! Но какое это счастье для меня эта всеобщая тупость!.. Однако я был разгадан несколькими частными лицами и, между прочим, доктором Лебегом-де-Прель, сказавшим мне в магазине моего книготорговца, вдовы Дюшен: „Мы-то друг друга понимаем, но все эти мудрецы из Пале-Рояля вас не поняли“³.

Вполне ясно, чего опасался Ретиф, публикуя „Южное открытие“, и почему он радовался, что все сошло так благополучно. У него было тем больше оснований опасаться неприятностей, что еще до опубликования этого произведения он имел по поводу его

¹ „Correspondance littéraire“, t. XIX, p. 498.

² „Les Contemporaines“, t. XIX, письмо № 59.

³ „Monsieur Nicolas“, t. XIV, p. 152.

очередное столкновение с цензурой. Получив для просмотра рукопись, цензор, аббат Террассон, которого Ретиф характеризует как шпиона, человека слабого и ограниченного¹, сразу же обратился к автору с категорическим указанием, что он не может пропустить это сочинение без существенных изменений, в частности без полной переделки „Письма обезьяны“². Таким образом, как подтверждает Ретиф и в „Monsieur Nicolas“, цензура принудила его внести в „Южное открытие“ „большие изменения“³. Он, однако, нарушил предписание цензуры и выпустил некоторое количество экземпляров без цензурных исправлений.

В своей автобиографии, изданной в эпоху революции, Ретиф сам рассказывает, как ему удавалось обходить цензуру и выпускать свои произведения без цензурных искажений. Если цензоры вносили изменения в его произведения, он отпечатывал 50—60 экземпляров, согласно цензурованному тексту. Затем, во время обеда рабочих типографии или ночью, он производил изменения в наборе, и таким образом остальные экземпляры печатались по авторскому тексту. Цензурованные же экземпляры предназначались для цензора и полицейских властей⁴. Таким способом, используя свое знание типографского дела и непосредственное участие в печатании своих произведений, он имел возможность выпустить также и „Южное открытие“, или, вернее, „Письмо обезьяны“ (поскольку в тексте самого „Южного открытия“ имеется лишь несколько незначительных изменений), в двух вариантах — цензурованном и нецензурованном⁵. Эти два варианта „Письма обезьяны“ существенно отличаются один от другого. Цензурованный вариант действительно является коренной переработкой первоначального текста, согласно требованию аббата Тер-

¹ „Monsieur Nicolas“, t. XIV, p. 193.

² „Les Contemporaines“, t. XIX, письмо № 48.

³ „Monsieur Nicolas“, t. XI, p. 44.

⁴ Ibid., t. XIV, p. 191.

⁵ Это не значит, конечно, что „нецензурованный“ вариант (в смысле отсутствия внесенных цензурой изменений) является свободным изложением воззрений Ретифа. Наоборот, многоточия и многочисленные недоговоренности свидетельствуют, что и этот первоначальный вариант написан с учетом цензурных условий.

рассона. В нем не только отсутствует революционный призыв к беднякам поднять руку на своих тиранов, но и смягчена вся вообще резкая критика существующего общественного строя. Так, например, выброшены все выпады против духовенства, государственной власти, уголовных законов, сеньориальных прав, военной дисциплины, отсутствия свободы любви и т. п. Смягчена критика имущественного неравенства, выкинуты все резкие выражения по адресу богачей, указания на способы обогащения и т. д. Пожелание общности заменено благочестивым пожеланием, чтобы не было больше бедных. Введены рассуждения о похвальности подчинения властям, о необходимости для бедняков трудиться, а не попрошайничать, о разумности института брака и т. п.

В основу настоящего издания положен цензурованный вариант „Южного открытия“, единственный в СССР экземпляр которого находится в иностранном подотделе отдела старопечатных книг Гос. публичной библиотеки ССР Армении в Ереване (Эривани). Мы приводим лишь самый текст утопии и „Письма обезьяны“. Дело в том, что, подобно другим произведениям Ретифа, „Южное открытие“ содержит большое количество посторонних материалов. Все произведение состоит в оригинале из четырех томов. Первые два тома и половину третьего занимают текст утопии. Во второй части третьего тома, под новой пагинацией, помещено „Письмо обезьяны“. Весь же четвертый том занимают различного рода приложения, носящие по большей части естественно-исторический характер и в подавляющем большинстве не имеющие никакого непосредственного отношения к тексту самого произведения. В настоящем издании все эти посторонние материалы опущены. Не сделано исключения и для „Примечаний к Письму обезьяны“, поскольку примечания эти посвящены естественно-историческим вопросам, и лишь в конце их, по цензурным соображениям, содержится несколько выпадов против выраженных в самом „Письме“ воззрений. Самый текст утопии, перегруженный посторонними материалами, также значительно сокращен. Деление на части соответствует делению на тома в оригинале.

Воспроизводятся также гравюры оригинального издания. Гравюры „Южного открытия“ анонимные. Нет указаний на их принадлежность известному рисовальщику и гравёру Бинэ — обычному иллюстратору произведений Ретифа.

А. И.

3. *Из двух актрис одна, героиня, была столь же развратна, как известная Р**.*— Имеется, очевидно, в виду известная трагическая актриса Рокур (1756—1815). Впервые дебютировав 14 лет в Руане, Рокур в 1772 г. вступила в труппу Французской комедии. Обладающая незаурядным талантом и прекрасной внешностью, быстро завоевала успех в городе и при дворе. Вскоре, однако, широкая публика стала относиться к ней неприязненно из-за ее скандального поведения и расточительства.

— *...и так же зла, как артистка С***.*— Имеется, очевидно, в виду артистка Французской комедии Сенваль Старшая (1743—1830), которая в результате своей, вызвавшей много шума, распри с другой артисткой театра, м-м Вестрис, была даже в 1779 г., т. е. как раз в момент составления „Южного открытия“, исключена из труппы и выслана из Парижа.

— *...как прелестная Фанье.*— Фанье (1745—1821) — актриса Французской Комедии на ампуа субреток, отличавшаяся своей красотой и грацией.

— *Актер, трагик, был красив, как П — иль...*— Имеется, очевидно, в виду выдающийся комический актер Превилье (1721—1799).

4. *Остаюсь я.*— Ретиф, на самом деле, имел о себе отнюдь не столь скромное представление. Наоборот, как видно из его автобиографии, он считал себя красавцем. Высокого мнения был он также и о своем характере и моральных достоинствах.

5. *Л-г-э (L-g-t)*—Ленгэ (Linguet, 1736—1794), адвокат и публицист, один из оригинальнейших мыслителей XVIII столетия. Критикуя с реакционных позиций капиталистическое развитие и вызванные им новые социально-экономические явления, Ленгэ сумел в своих работах, и прежде всего в своей „Теории гражданских законов“, дать яркие и блестящие для

своего времени характеристики положения наемных рабочих и подчеркнуть противоположность интересов капитала и труда. Лакруа в своей библиографии произведений Ретифа высказывает предположение, что последний был лично знаком с Ленгэ, когда был фактором типографии Кийо, и еще в эту эпоху, по какому-то неизвестному поводу, стал его отъявленным врагом. Факт тот, что Ретиф питал почему-то к Ленгэ явную неприязнь. Кроме повторных язвительных выпадов в „Южном открытии“ (в одном из опущенных нами примечаний он дружески советует ему навсегда отказаться от мысли стать великим человеком), мы встречаем резкие нападки на Ленгэ и среди материалов, опубликованных в „Современниках“. В конце же своей жизни, уже после казни Ленгэ, он не постеснялся издать под его именем свое знаменитое порнографическое произведение.

5. ...*(доказательством этому послужит ее своеобразное письмо, которое помещено в конце этого произведения)*.— Речь идет о „Письме обезьяны“.

6. *Самое значительное мое произведение — это „Кум Николай“, т. е. моя собственная жизнь*.— Ретиф с самого начала своей литературной деятельности намеревался написать свою автобиографию, которую первоначально думал озаглавить „Compère Nicolas“, но к составлению которой приступил на самом деле лишь в начале 80-х годов, закончив ее уже в эпоху революции. В предисловии к „Monsieur Nicolas“ он выдвигает тот же мотив опубликования истории своей жизни, на который ссылается и в „Южном открытии“, а именно стремление „вскрыть движущие пружины человеческого сердца“.

— *Я сочиняю сейчас еще одну книгу, под заглавием „Сова“...— „Le Hibou, ou le Spectateur nocturne“*— произведение, план которого нам известен, но которое так и не появилось в свет. Через десять лет им было, однако, опубликовано другое произведение под схожим названием — „Les Nuits de Paris, ou le Spectateur nocturne“, о котором см. во вступительной статье.

7. ...*и вытащить меня из нищеты, в которой я коснею после отцовского проклятия. Да, вы должны*

Знать, что я был проклят; потому-то я и стал бедняком и рогносцем.— В конце 70-х годов, после появления „Развращенного крестьянина“, Ретиф отнюдь не находился в нищете. Но даже в 80-х годах он продолжал считать себя крайне несчастным и сетовать по поводу своих невзгод, приписывая их в своих художественных произведениях проклятию, которому предал его отец из-за его мимолетней женитьбы в 1759 г. на англичанке, приехавшей в Париж за наследством и через несколько дней его покинувшей — см., напр. „Malédiction paternelle“ (1780), „Prévention nationale“ (1784). Точно так же он не упускал случая публично жаловаться на измены жены, написав против нее даже специальное произведение — „Femme infidèle“ (1788), в то время как в действительности в семейных неладах был повинен он сам.

7. Я рассказал ему свою историю, как она изложена в некоторых письмах, которые должны быть опубликованы только после моей смерти.— Речь идет о вышеупомянутом произведении „Malédiction paternelle“, опубликованном в виде писем, найденных у него после смерти.

11. Маркиз де-Жиранден, у которого он пребывает, воздвигнет ему мнимую могилу...— В 1778 г., накануне своей смерти, Руссо принял предложение маркиза де-Жирандена поселиться в его имении в Эрменонвилле. Через полтора месяца, 2 июля того же года, он там скончался и был похоронен на так называемом „Острове тополей“. Могила Руссо стала вскоре местом паломничества его многочисленных поклонников со всей Европы.

— ...сын простого фискального прокурора...— Во Франции старого порядка фискальными прокурорами (procureurs fiscaux) назывались сеньоральные поверенные, представители сеньора в судах феодальной юрисдикции.

12. Жан Везинье — один из знакомых Ретифа эпохи его детства. По его словам, он был „прирожденным механиком, который первый предложил мне сделать крылья, чтобы летать на манер молодых кур“.

14. Эдме Буассар — кузина Никола, проживавшая в соседней с Саси деревне Нитри, родине его отца.

26. ...я читал „Кира“, „Полександра“, „Клелию“, „Астрею“ и „Принцессу Клевскую“...— известные французские романы XVII столетия: „Полександр“ — роман Гомбервиля, „Кир“ и „Клелия“ — романы м-ль де-Скюдери, „Астрея“ — пасторальный роман Онопоре д'Юрфе, „Принцесса Клевская“ — роман м-м де-Ла-файет.

— Вам следует прочитать английские романы: „Памелу“, „Клариссу“, „Графдисона“ — популярные в XVIII столетии романы английского писателя Ричардсона (1689—1761), выдающегося представителя сентиментализма.

— Но только не извольте стать Ловеласом. — Ловелас — герой романа Ричардсона „Кларисса Харлоу“, тип сердцеда и соблазителя, имя, ставшее нарицательным.

53. *Наш король сейчас воюет с англичанами.* — В момент составления „Южного открытия“ Франция воевала с Англией в союзе с восставшими против метрополии американскими колониями.

54. *Жоли* — мнимый издатель ряда произведений Ретифа.

57. ...вроде романов отца Марена... — Марен, Мишель-Анж (1697—1767) — францисканский монах. Писал стихи и романы религиозно-пазидательного содержания.

— ...за нового мэтра Адама из Невера. — Адам Бийо, известный под именем мэтра Адама, по профессии столяр, поэт-песенник XVII столетия, которого очень высоко ценил Вольтер.

71. ...какой-нибудь остров вроде Тиниана и Хуан-Фернандеца... — Тиниан, или Буэнависта, — остров из группы Марьянских островов, на востоке от Филиппинских. Хуан-Фернандец — группа островов на Тихом океане.

72. *Этот проект лучше, чем проекты аббата Сен-Пьера и даже самого Ж.-Ж. Руссо.* — Аббат Сен-Пьер (1658—1743) — политический писатель. Самым выдающимся его произведением является вышедший в свет в 1713 г. (в связи с Утрехтским конгрессом, в котором он лично принимал участие) „Проект вечного мира“ — „*Projet de traité conclu pour rendre la*

paix perpétuelle entre les souverains chrétiens“. В этой работе автор предлагает образовать, в целях установления вечного мира, конфедерацию европейских государств с общим сеймом, осуществляющим принудительный арбитраж. За подобный проект, в числе прочих выдающихся мыслителей XVIII века, высказывался также Руссо; см. его „Extrait du projet de paix perpétuelle de mr. l'abbé de Saint-Pierre“. Аналогичный проект излагает и сам Ретиф в одном из приложений к „Южному открытию“ под названием „Всеобщее братство“ („Confraternité générale“).

75. *Оттуда прибыл (в 1700 г.) капитан Галлей.*— Галлей (1656—1742) — английский астроном. Работая над изучением земного магнетизма, совершил два путешествия к берегам Южной Африки и Америки.

80. *Адопай* („господин“, „господь“) — одно из библейских наименований бога.

88. *...согласно принципам нового земледелия...* Во второй половине XVIII столетия во Франции наблюдался известный подъем сельского хозяйства, связанный с его капиталистическим развитием. Производилась расчистка земель, осушка болот, распространялась мелиорация. Под влиянием английских сельскохозяйственных теорий начинали внедряться новые системы обработки земли, а также новые культуры. Движение это, однако, отнюдь не носившее повсеместного характера, встречало непреодолимые препятствия в средневековых формах землепользования к сеньоральной системе, — препятствия, устраненные лишь буржуазной революцией, упразднившей все помехи на пути капиталистического подъема сельского хозяйства.

89. *...королевства Голконды...* — Голконда — город в Индии, некогда столица Деканского царства, славившийся своими алмазными россыпями.

92. *...т. е. до первого урожая.* — Несколько же выше сказано, что первый урожай собрали к моменту прибытия Викторина. Подобное противоречие весьма характерно для данного произведения Ретифа, написанного наспех и неряшливо, как, впрочем, и большинство других его сочинений.

121. *Это были несравненно более мудрые за-*

коны, чем законы *Ликурга*...— Ликург — легендарный законодатель Спарты. Законодательство Ликурга и спартанские порядки идеализировались в XVIII столетии в уравнилельно-коммунистическом духе. Ретиф, разделяя в общем представления своего века, относился к Спарте все же несколько более трезво, чем другие его современники, что видно также из его примечания на стр. 146.

124. По своему географическому положению Мегапатагония, как видим, напоминает Францию, но расположена в то же время на противоположной стороне земного шара. Этим Ретиф стремится еще резче подчеркнуть диаметрально противоположность существующих там общественных порядков французским. Столь же трафаретным является наделение страны, где царит идеальный общественный строй, также и идеальными климатическими условиями.

126. ...*Город Жирав... расположен почти диаметрально противоположно Парижу*.— Жирав-Париж. Как общественный строй мегапатагонцев диаметрально противоположен французскому, точно так же их язык и все их названия являются обратными анаграммами французских. Поэтому в тексте мы приводим подсбные названия и слова в виде соответствующих русских слов, прочитанных наоборот.

— *Опустившись на площади, весьма напоминающей Вандомскую*...— Вандомская площадь в Париже.

— *...эти огромные люди*...— Не следует забывать, что, как указано автором несколько выше, мегапатагонцы являются великанами, даже еще более крупными, чем патагонцы, и следовательно, и в физическом отношении далеко превосходят европейцев.

127. ...*одежды довольно странно, поскольку их головные уборы напоминали нашу обувь, а обувь имела у мужчин вид шляпы, у женщин — вид чепчика*. Даже в этом сказывается, таким образом, противоположность мегапатагонцев и европейцев.

131. *Первого звали Нобфюб, а второго Эгнел*. Анаграмма Бюффона и Ленгэ. Неприязненно-издевательское отношение Ретифа к Ленгэ, специально с этой целью выводимого им в качестве одного из ме-

гапатагонских мудрецов, наглядно проявляется как в примечании автора о его мудрости, так и в последующих словах о кротости его права и доброте характера. На самом же деле в своем выпаде против Ленгэ в „Современниках“ он изображает его как низкого и бесчестного человека, беспринципного адвоката, не брезгующего никакими грязными делами и протестирующего свое красноречие.

134. ...у них существуют злополучные товарищества, нарушающие предписания природы...— Речь идет о монастырях. См. ниже „Письмо обезьяны“.

140. ...превосходный проект „Гипографа“?— „Гинограф“ („Les Gynographes“) — один из реформаторских проектов Ретифа, излагающий меры, необходимые, по мнению автора, чтобы „поставить женщин на их место“.

153—155. При перечислении „мегапатагонских“ писателей Ретиф под анаграммами упоминает современных ему литераторов, журналистов и политических деятелей. При этом, ввиду фонетических различий транскрипции анаграмм — французских и русских — обычно не совпадают.

Эрагун (Teraguon) = Нугарэ (Nougaret, 1742—1823), автор ряда эротических романов и компиляций. Ретиф был лично знаком с Нугарэ по своей типографской работе. Написав свой первый роман, он обратился к нему за советом, но не выполнил его указаний. Вскоре их отношения совершенно испортились, и в дальнейшем Ретиф не переставал осыпая его насмешками и выводить его в своих произведениях под всяческими издательскими именами. Поэма „Патагогиада“ — явный намек на „Генриаду“ Вольтера (1723). *Хирнег-Генрих IV. Нойшташ, Иллюс, Йенром, Нориб, Ис-паромном, Эднок*, — его современники: Шатийон-Колинь, министр Сюлли, Морней, маршал Бирон, коннетабль Монморанси, принц Кондэ.

Аузорюд (Yosorud) = Дю-Розуа (Du-Rosoy, 1745—1792), плодовитый автор многочисленных романов, поэм, пьес, исторических, философских и политических произведений, казненный в эпоху революции как рьяный монархист.

Одраф (Uaedraf) = Фардо (Fardeau, 1730—1806),

драматический писатель, печатавший драмы и комедии, которых никто не ставил, и являвшийся объектом многочисленных эпиграмм. Писал также стихи, издал в 1774 г. сборник „Les Amusements de la société, ou poésies diverses“.

Йердукюд (Yarducud) = Дюкудрей (Du-Coudray) — псевдоним плодовитого французского писателя XVIII века Александра-Жака Шевалье (Chevalier).

Амот (Samoh) = Томà (Thomas, 1732—1785), автор ряда поэм и пользовавшихся большим успехом похвальных слов, отличавшихся своим напыщенным и помпезным стилем.

Летнограм (Letnomgram) = Мармонтель (Marmon-tel, 1723—1799), драматург и романист, один из видных представителей энциклопедистов, автор знаменитых в свое время „философских“ романов „Bélisaire“ и „Incas“.

Ирагал (Eprahaled) = Лагарп (de la Harpe, 1739—1803), драматург и известный критик, сотрудник „Mercure de France“. Теоретик лжеклассицизма, представитель высшего литературного света, Лагарп давал крайне отрицательные отзывы о произведениях Ретифа, которого причислял к „самым плохим писателям“. В своей автобиографии Ретиф, перечисляя своих врагов, специально останавливается на Лагарпе.

Реммала (Trebmelad) = д'Аламбер (D'Alembert).

Орди (Toredid) = Дидро (Diderot).

Нойлиберк (Nolliberk) = Кребийон Младший (Crebillon, 1707—1777), автор многочисленных гривуазных романов, пользовавшихся в свое время большой популярностью. Взаимоотношения Ретифа и Кребийона сложились довольно оригинально. В начале 70-х годов Ретиф написал произведение („Ménage parisien“), в котором нападал на современных ему литераторов, между прочим и на Кребийона. Несмотря на это, последний, будучи назначен цензором этого произведения, допустил его к печати. В результате Ретиф переменил свое к нему отношение и лишь в конце своей жизни снова стал отзываться о нем довольно неблагоприятно.

Ретьюв (Eriatlov) = Вольтер (Voltaire).

Оссур (Uaessuor) = Руссо (Rousseau).

Норерф (Norerf) = Фрерон Старший (Freron, 1719—1776), реакционный публицист, редактор „Année littéraire“, яростный противник Вольтера и „философов“. В своей автобиографии Ретиф причисляет его, как и других журналистов, к своим врагам и обвиняет в мошенничестве.

Езорг (Reisorg) = Грозье (Grosier, 1743—1823), литератор и историк. Сотрудничал в „Année littéraire“ Фрерона, а после его смерти принимал участие в редактировании этого журнала.

Уйаур (Хиоуог) — очевидно, аббат Руайу (Roouu, 1741—1792). Публицист, шурин Фрерона, сотрудник „Année littéraire“, которого Ретиф также упоминает в автобиографии, причем пишет его фамилию Roouux.

Оретос (Uaeretuas) = Сотеро де-Марси (Sautegeau de Marsy, 1740—1818), журналист, примыкавший к лагерю Фрерона, издатель „Almanach des muses“ и одно время редактор „Journal de Paris“, которого Ретиф в дальнейшем характеризовал как „животное“, „маленького человечка, не имеющего ни таланта, ни способностей“, за некоторые неблагоприятные отзывы о его произведениях.

Йенетноф (Yanetnof) = аббат Фонтеней (Fontenay, 1737—1806), писатель-компилятор и публицист, редактор „Affiches de province“, относившийся к Ретифу, не в пример другим критикам, довольно благосклонно.

Етабас (Reitabas) — Сабатье де-Кастр (Sabatier de Castres, 1742—1817), литератор, автор поэм, фривольных рассказов, комедий, яростный противник „философов“ и, в частности, Вольтера, против которого написал специальный памфлет. Его книга, в которой он „дал оценку нашим писателям за три века“, — „Les Trois siècles de la littérature française, ou Tableau de l'esprit de nos écrivains depuis François I-er jusqu'à 1772“.

• Как сразу заметит читатель, в Меганатагонии, где все диаметрально противоположно французскому обществу, и иерархия писателей и литераторов диаметрально противоположна французской. Здесь на первом месте стоят такие литературные ничтожества, как Нугарэ, Дю-Розуа, Фардо и др., а к малоизвест-

ным писателям причисляются Вольтер и Руссо. Да и критики, в особенности наиболее благожелательно настроенные по отношению к Ретифу, отличаются здесь вкусом и беспристрастием. Этот обзор мегатагонской литературы является, таким образом, для автора удобным средством осмеяния ненавистных ему литераторов и „журналистов“, с которыми он вел ожесточеннейшую борьбу, используя для этой цели чуть ли не каждое свое произведение.

184. *Алокин-Мдэ-Фитер* — анаграмма Никола́ Эдм Ретиф (Nicolas Edme Retif).

204. *...где им ломают руки и ноги.* — Имеется в виду колесование.

207. *Fiat lux!* — выражение из Библии (1, 2): „Бог сказал: да будет свет!“

213—214. *Существуют законы, предписывающие задерживать и лишать свободы и воздуха несчастного, ничего не имеющего.* — Имеются в виду существовавшие в XVIII столетии во Франции законы о нищенстве, предписывавшие задерживать всех нищенствующих и заключать их в рабочие дома, а согласно ордонансу 1764 г., присуждать даже к работам на галерах.

218. *Вестрис* Газтан (1729—1808) — танцор Парижской оперы, прозванный „богом танца“.

— *Доберваль* (1742—1806) — танцор и балетмейстер, автор известного балета „Тщетная предосторожность“. Как танцор, отличался в веселой пантомиме и комическом танце.

— *Гардель Старший* (1741—1782) — танцор и балетмейстер Парижской оперы.

— *Гимар* (1746—1816) — балерина Парижской оперы, пользовавшаяся большим успехом благодаря своей грации и мимическому таланту.

— *Аллар* (1738—1802) — балерина Парижской оперы.

— *Гейнель* (1755—1808) — балерина Парижской оперы. Впервые дебютировав 14 лет, имела одно время головокружительный успех. Гримм пел ей дифирамбы в прозе, поэты слагали в ее честь стихи.

221. *...и принуждены работать, мыть посуду, вертеть вертел, молоть и т. д.* — В примечаниях к „Письму обезьяны“ Ретиф, ссылаясь на произведе-

дения некоторых путешественников, стремится доказать, что для подобного рода работ туземцы пользуются известной породой обезьян.

221. ...издевавшийся над ним человек *Вольтер*, как и пытавшийся подражать *Вольтеру* человек *Палиссо*. Общеизвестно, сколь враждебно относился Вольтер к Руссо и, в частности, какими насмешками он осыпал его уравнилельные общественные теории, что объяснялось отнюдь не исключительно личными причинами, а обуславливалось в основном различием их общественных позиций. *Палиссо* (1730—1814) — реакционный французский литератор, известный своими выступлениями против просветителей, в частности специально против Руссо, которого вывел в своей комедии „Le Cercle, ou les Originaux“ (1755), сразу доставившей ему известность. Особенную бурю вызвала его комедия „Philosophes“ (1760), в которой он высмеивал идеи „философов“, в частности учение Руссо о счастливом первобытном состоянии. На Вольтера, однако, он не только никогда не нападал, но даже заискивал перед ним, стремясь заручиться его благосклонностью.

227. ...испорченных священнослужителей этой суеверной нации? — Имеются в виду португальцы, владевшие до середины XVII столетия колониями на Малаккском полуострове.

— ...в стране альгарвов... — Старинное название южной провинции Португалии.

Перечень иллюстраций

1. Ретиф-де-ла-Бретон. <i>С грав., по рисунку Бинэ</i>	II—III
2. „Отлетающий Викторин“. <i>С грав. неизв. художника.</i>	16—17
3. „Викторин, похищающий Кристину“. <i>С грав. неизв. художника.</i>	32—33
4. „Люди ночи“. <i>С грав. неизв. художника.</i>	88—89
5. „Наряжающаяся Исмиштрис“. <i>С грав. неизв. художника.</i>	104—105
6. „Германтин, обращающийся с речью к мегапатагонцам“. <i>С грав. неизв. художника.</i>	136—137
7. „Цезарь из Малакки, пишущий письмо существам своей породы“.	200—201

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует:
XIX	13 св.	действительно	действительность
XLVII	20 »	бытоописателем	бытописателем
23	12 »	посеят	посеют
50	5 св.	припишете	припишете
74	7, 8 св.	слишком	не слишком
145	6 св.	работой	работы
192	18 св.	не увеличились	ни увеличились

Содержание

<i>А. Р. Иоаннисян. Ретиф-де-ла-Бретон . . . . .</i>	V
Южное открытие, произведенное летающим человеком, или Французский Дедал	
Часть первая	3
Первый остров: остров Кристины, или Ночной	81
Второй остров: остров Викторик, или Патагония	93
Часть вторая	112
Мегапатагония	124
Часть третья	128
Рескрипт короля и королевы общине франко-крестинцев	166
Заключение Алокин-Мдэ-Фитер	184
Письмо обезьяны к существам своей породы	185
Комментарии	229
Перечень иллюстраций	249

Редактор М. А. Дяфшиц.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Литературно-техническое
наблюдение А. Ф. Кемпер.
Техред. В. Д. Быренков.

Сдано в набор 9. V. 36. *Подпи-*
сано в печать 26. X. 36. *Тир.*
5.300. *Уполн. Главлита В-21330.*
Зак. тип. № 715, Зак. «Ас» 225.
Инд. А—1. Бум. 72×110¹/₃₂. П. л.
15¹/₂+7 вкл. У. а. л. 12.

Отпечатано в типографии
«Красный пролетарий». Москва,
Краснопролетарская, 16.

Иллюстрации отпечатаны фо-
тотипным способом «Артелью
флоритов». Москва, В. Вар-
сонофьевский, 8.

Цена Р. 7.00
Переплет Р. 2.00